

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЧЕЛОВЕК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

HUMAN IN THE SOCIO-CULTURAL DIMENSION

Издается с февраля 2020 г.

Выходит один раз в полугодие

1

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **КОРОЛЬ А. Д.** – доктор педагогических наук, профессор; ректор Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rector@bsu.by

**Заместители
главного редактора** **УСОВСКАЯ Э. А.** – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры культурологии и заместитель декана по учебной работе и международной деятельности факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: usovskaya@bsu.by
ВАЖНИК С. А. – кандидат филологических наук, доцент; декан филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: waznik@yandex.ru

**Ответственный
секретарь** **ВОРОБЬЁВА И. В.** – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: ingavorobyova@mail.ru

- Арташкина Т. А.** Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.
Бабосов Е. М. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Баженова О. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Будучев В. А. Университет Лотарингии, Мец, Франция.
Воронович И. Н. Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Гафаров Х. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Глейтер Й. Берлинский технический университет, Берлин, Германия.
Джохадзе Г. А. Государственный университет им. Ильи, Тбилиси, Грузия.
Духан И. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Зверева Г. И. Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.
Лаврентьев А. Н. Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова, Москва, Россия.
Локотко А. И. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мартынов В. Ф. Институт современных знаний им. А. М. Широкова, Минск, Беларусь.
Павильч А. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Печенева Т. А. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Прохоренко О. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Свидерская М. И. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Симян Т. С. Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Снапковская С. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Сухоцкая Т. Ф. Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Беларусь.
Суша А. А. Национальная библиотека Беларуси, Минск, Беларусь.
Филипп К. Я. Штутгартский университет, Штутгарт, Германия.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **KAROL A. D.**, doctor of science (pedagogics), full professor; rector of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: rector@bsu.by

Deputy editors-in-chief **USOUSKAYA E. A.**, PhD (cultural studies), docent; associate professor at the department of cultural studies and deputy dean for academic and international affairs, faculty of social and cultural communications, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: usovskaya@bsu.by
VAZHNIK S. A., PhD (philology); dean of the faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: waznik@yandex.ru

Executive secretary **VOROBYOVA I. V.**, PhD (cultural studies), docent; associate professor at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communication, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: ingavorobyova@mail.ru

- Artashkina T. A.** Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
Babosov E. M. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bazhenova O. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Buduchev V. A. Université de Lorraine, Metz, France.
Dukhan I. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus
Gafarov H. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gleiter J. Berlin Technical University, Berlin, Germany.
Jokhadze G. A. Ilia State University, Tbilisi, Georgia.
Lavrentiev A. N. Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts, Moscow, Russia.
Lokotko A. I. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Martynov V. F. Shirokov Institute of Contemporary Knowledge, Minsk, Belarus.
Pavilch A. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Pechenyova T. A. Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Philip K. Ya. University of Stuttgart, Stuttgart, Germany.
Prakharenko A. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Simyan T. S. Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
Snapkovskaya S. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sukhotskaya T. F. Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus.
Susha A. A. National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Sviderskaya M. I. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Voronovich I. N. Sports and Tourism Ministry of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Zvereva G. I. Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

SOCIO-CULTURAL COMMUNICATIONS

УДК 130.2

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СПЕЦИФИКА ПОСТРОЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Е. В. КУЗНЕЦОВА¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены особенности построения межкультурной коммуникации в современном обществе. Систематизированы материалы по данной проблеме как англоязычных, так и русскоязычных ученых. Сделан вывод о том, что существуют две основные проблемы в изучении межкультурной коммуникации: наличие многообразия культурного мира и проявление национально-культурной специфики в построении межкультурного взаимодействия. На основании проанализированных теорий и концепций, а также вызовов современного мира построена модель межкультурной коммуникации, при этом выделены следующие ее составляющие: коммуниканты, коммуникативный акт, культурный контекст, или фон, и дискурс. Результаты исследования могут быть использованы при изучении данной проблематики в культурологии, философии, социологии, педагогике и психологии.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; диалог культур; межэтническое взаимодействие; национально-культурная специфика; культурная адаптация; параязык; дискурс.

Образец цитирования:

Кузнецова ЕВ. Межкультурная коммуникация: специфика построения в условиях трансформации современного мира. *Человек в социокультурном измерении*. 2023;1:4–10.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-4-10>

For citation:

Kuznetsova EV. Intercultural communication: the specifics of construction in the conditions of transformation of the modern world. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2023;1:4–10. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-4-10>

Автор:

Евгения Владимировна Кузнецова – кандидат философских наук, доцент; старший научный сотрудник отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурного сотрудничества.

Author:

Evgeniya V. Kuznetsova, PhD (philosophy), docent; senior researcher at the department of globalisation, regionalisation and socio-cultural cooperation research.
kuznetzova.evgeniya2012@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2774-9858>

INTERCULTURAL COMMUNICATION: THE SPECIFICS OF CONSTRUCTION IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF THE MODERN WORLD

E. V. KUZNETSOVA^a

^a*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The article is devoted to the peculiarities of intercultural communication's building in a contemporary society. The author systematises the available research in modern humanitarian thought concerning this problem, both of English-speaking and Russian-speaking scientists, and concludes that there are two main problems in the study of intercultural communication today. The first problem is the diversity of a contemporary cultural world. The second problem is cultural specific's manifestation in the process of intercultural communication. Basing her work on the analysed theories and concepts, as well as the challenges of modern world, the author of the article forms her own model of intercultural communication. It includes the following components: communicants, act of communication, cultural context or background, discourse. The results of the research can be used in the investigation of these problems in the humanities: cultural studies, philosophy, sociology, pedagogy, psychology.

Keywords: intercultural communication; dialogue of cultures; interethnic interaction; national-cultural specificity; cultural adaptation; paralanguage; discourse.

Введение

Учитывая происходящие в современном мире процессы (усилившаяся миграция населения, расширение поликультурного пространства, интенсификация культурно-коммуникативного взаимодействия, обострение противоречий на международной арене), автор настоящей статьи отмечает, что проблема построения межкультурной коммуникации является актуальной. От степени успешности ее реализации зависит эффективность общения и преодоления непонимания в социуме в целом.

Дефиниции «межкультурная коммуникация», «диалог культур», «межэтническое взаимодействие» и «кросс-культурная коммуникация» присутствуют в исследовательской оптике современных ученых. С одной стороны, эти понятия выступают как синонимы, с другой стороны, между ними существуют различия. Так, в середине XX в. в англоязычной литературе встречались термины «кросс-культурная коммуникация» (*cross-cultural communication*) и «межкультурная коммуникация» (*intercultural communication*). Но со временем они стали использоваться дифференцированно. Понятие «кросс-культурная коммуникация» начало обозначать взаимодействие между представителями различных этносов, а термин «межкультурная коммуникация» получил более широкое определение и стал рассматриваться как контакты между представителями не только разных народов, но и различных социальных и социокультурных общностей (Г. Трейгер, Э. Т. Холл, Э. Д. Хирш и Г. Х. Хофстеде). Ученые в русскоязычной традиции придерживаются этой же трактовки (С. Г. Тер-Минасова, В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин, В. Н. Телия, В. В. Красных,

С. К. Милославская, Т. В. Карнажицкая, М. А. Можейко, А. П. Садохин и Э. А. Усовская). Дефиниция «диалог культур», в свою очередь, является еще более широкой: в нее входят понятия «межкультурная коммуникация» и «кросс-культурная коммуникация». Автор данной статьи придерживается общепринятого определения и иногда использует вышеназванные понятия как синонимы.

Изначально под межкультурной коммуникацией понималась идеальная цель, к которой необходимо стремиться представителям иной культуры (речь идет о желании как можно лучше адаптироваться к окружающей среде) [1, р. 82]. В дальнейшем ученые расширили этот концепт, выделили характерные черты межкультурной коммуникации, особенности и условия ее реализации и выявили трудности, вызванные различиями в культурной картине мира коммуникантов, а также способы преодоления этих трудностей (Э. Т. Холл, Г. Х. Хофстеде, Э. Д. Хирш, Д. Хаймс, Р. Льюис, С. Сторти, Я. Ю. Ким, Ч. Бергер, Р. Калабрес, Б. Пирс и В. Кронен).

В данной статье межкультурная коммуникация рассматривается как совокупность разнообразных форм общения и взаимодействия между представителями различных культур, когда каждый коммуникант осознает свою иную культурную принадлежность. Цель работы состоит в том, чтобы систематизировать имеющиеся исследования феномена межкультурной коммуникации и рассмотреть специфику ее построения в контексте наиболее сложных на данный момент проблем, а также выстроить модель межкультурной коммуникации.

Теоретические основы исследования

Каждый разработчик имеющихся теорий и концепций, связанных с проблемами межкультурной коммуникации, имеет свою авторскую позицию,

отличную от других. Например, сущность теории известного американского культурантрополога Э. Т. Холла о высококонтекстных и низкоконтекстных

культурах заключается в особенностях выражения так называемого информационного контекста, сопровождающего то или иное событие в конкретном культурном окружении [1, р. 128]. Контекст (наравне с категорией времени) выступает для Э. Т. Холла критерием классификации культур. От выполнения критериев контекста и времени, по мнению исследователя, зависит степень эффективности межкультурного взаимодействия.

Теория культурных измерений была разработана голландским социологом Г. Х. Хофстеде. Ее основная идея состоит в следующем: различия между культурами можно объяснить на основе ряда параметров, к которым относятся дистанцированность от власти, коллективизм (индивидуализм), маскулинность (феминность), отношение к риску и стратегическое мышление [2, р. 46]. Г. Х. Хофстеде систематизировал культуры более глубоко и упорядоченно, чем Э. Т. Холл, но все еще довольно схематично.

Смысл теории культурной грамотности американского культуролога и педагога Э. Д. Хирша можно свести к тому, что для осуществления успешной коммуникации необходимо овладеть определенным объемом сведений, составляющих культурное пространство народа и закрепленных в форме литературного языка. При этом в понятие «культурная грамотность» Э. Д. Хирш включил и знание языка, и знание культурных особенностей народа – носителя языка, хотя главный акцент приходится все же на вербальный фактор¹. С теорией Э. Д. Хирша по своему содержанию схожа теория иноязычной коммуникативной компетенции, введенная американ-

ским социолингвистом и антропологом Д. Хаймсом. Ее суть состоит в том, что субъекту важно овладеть лексикой и грамматикой при изучении иностранного языка и научиться адекватно их использовать в конкретной коммуникативной ситуации [4].

Все другие концепции межкультурной коммуникации, разработанные Р. Льюисом, С. Сторти, Я. Ю. Кимом, Ч. Бергером, Р. Калабресом, Б. Пирсом и В. Кронеком, представляют собой различные интерпретации условий и критериев межкультурной коммуникации, позволяющие повысить степень ее эффективности при общении, например, сотрудников транснациональных корпораций между собой, а также избежать коммуникативных неудач и облегчить культурную адаптацию. Но, по мнению автора настоящей статьи, современные социокультурные процессы значительно сложнее аналогичных процессов XX в. (период разработки данных теорий и концепций), поскольку увеличилось количество коммуникантов, желающих принять участие в коммуникативно-дискуссивном обмене, повысилась степень интенсивности их контактов (непосредственных и опосредованных техническими средствами), а также выросла степень взаимозависимости всех участников коммуникации друг от друга как на социокультурном, так и на политическом и экономическом уровнях. Существующие теории межкультурной коммуникации, наравне с происходящими сегодня событиями, позволяют сделать выводы о некоторых проблемах в построении кросс-культурного диалога, систематизировать эти проблемы и выработать свою модель межкультурного взаимодействия.

Результаты и их обсуждение

Если проанализировать все исследования проблемных мест в современной теории межкультурной коммуникации, то можно обозначить два глобальных вопроса: культурное многообразие современного пространства и проблема национально-культурной специфики при построении субъектами интеракции друг с другом. Сегодня в мире существуют огромные геополитические территории, каждая из которых имеет свою культурную традицию. Типы культур (американская, латиноамериканская, африканская, европейская и азиатская) выделяются по континентальному признаку и называются макрокультурами. Между макрокультурами (или на макроуровне) есть глобальные различия, создающие барьеры при общении их представителей. Внутри каждой макрокультуры, в свою очередь, наличествуют множество микрокультур или субкультур, и каждая из них имеет этнические, лингвистические и религиозные особенности [4, с. 240]. На различных уровнях межкультурная коммуникация осуществляется по-разному. Так, на микроуровне она представляет собой несколько ти-

пов взаимодействия. Первый тип взаимодействия – межэтническая коммуникация, в процессе которой происходит общение между субъектами, относящимися к разным народам (этническим группам). Кроме того, каждая этническая группа передает собственное культурное наследие от поколения к поколению и благодаря этому сохраняет свою идентичность в доминирующей культуре. Следующий тип взаимодействия – контркультурная коммуникация, реализуемая между представителями традиционной культуры и группами, не согласными с доминирующими ценностями и идеалами и развивающими свои ценности в качестве противопоставления ценностям большинства. Третий тип взаимодействия – коммуникация среди социальных общностей различного рода. Она основывается на отличиях между социальными общностями (уровень образования, профессия, социальный статус и материальный доход) и выражается в различных взглядах на мир. Четвертый тип взаимодействия – коммуникация между представителями различных демографических групп:

¹Hirsch E. D., Kett J. F., Trefil J. Intercultural communication // The new dictionary of cultural literacy. Boston : Houghton Mifflin, 2002. P. 77.

религиозных, гендерных и возрастных. Она определяется особенностями культуры каждой конкретной группы. Можно выделить коммуникацию между городскими и сельскими жителями, региональную коммуникацию между жителями различных областей и коммуникацию в деловой культуре. В этих культурах коммуникация определяется особенностями той группы (компании, если говорить о деловой культуре), к которой принадлежит субъект.

На макроуровне межкультурная коммуникация реализуется в виде культурных связей, выраженных в создании, сохранении и передаче ценностей, знаний и традиций, в результате чего происходит взаимное обогащение разных культур. На этническом уровне осуществляется интеракция между культурами этносов (народов), характеризующаяся в настоящее время противоречивыми тенденциями.

Еще в конце XX в. этнические контакты стали одним из наиболее распространенных источников политической нестабильности в мире и продолжают создавать напряженность в настоящее время. Политическая фрагментарность сегодня проявляется все отчетливее, но одновременно с этим заметна взаимозависимость стран друг от друга в экономическом плане. Исходя из вышеуказанного автор настоящей статьи утверждает, что межэтнические коммуникации определяются следующими группами взаимозависимых факторов: историческими, социальными, культурными, ситуативными и политическими [5, с. 230].

Этносы всегда вступают во взаимоотношения в результате разных исторических обстоятельств. Когда между ними возникает напряжение, то актуализируются такие исторические события, как завоевание, аннексия, колониальные захваты и военные конфликты. Данные события сохраняются в этнической памяти, а вокруг них создаются идеологемы и мифологемы либо этнически ущербного (жертвенного), либо героического характера. Отсюда различная оценка разными этносами одного и того же события. Среди социальных факторов, воздействующих на межэтнические отношения, наиболее существенны взаимосвязь социальной и этнической стратификации и влияние социальной структуры трансформаций. Все этносы стремятся к равностатусному положению в межэтнических отношениях, однако подобного рода стремление приводит к агрессии и конфликтам, в которых народы, населяющие одну страну (один регион), не могут поделить зоны влияния.

Культурный фактор, детерминирующий межэтнические отношения, выражается в образовании и просвещении. Этнические общности с высоким уровнем образования всегда более расположены к этнокультурным контактам. Роль ситуативного фактора заключается в том, что стечение обстоятельств в экономической, политической и социальной сферах влияет на восприятие окружающей обстановки, усиливая или ослабляя этнокультурные

контакты. В частности, локальные военные конфликты могут увеличивать неприязнь народов по отношению друг к другу.

Политические факторы межэтнических отношений включают в себя принципы и формы государственного устройства, характер политического строя и тип государственной национальной политики. В этом аспекте межэтнических отношений особенно важна так называемая политика культурного плюрализма государства, предполагающая соучастие во власти всех этнических групп.

В целом межэтнические процессы в современном мире носят достаточно сложный и противоречивый характер: наравне с активными интеграционными процессами происходят и процессы этнической ассимиляции. Следует заметить, что она может носить как естественный, так и искусственный характер. В первом случае ассимиляция является итогом контактов многих малых этнических групп, а также становится потребностью выживания в социальном и культурно-хозяйственном планах. Во втором случае она выражается, как правило, в насильственном подавлении одного этноса другим. Новейшая история человечества имеет довольно много примеров проявления этнической дискриминации в формах геноцида, апартеида и сегрегации. И сегодня подобного рода притеснения еще встречаются в некоторых странах, что, безусловно, является препятствием в построении межкультурного взаимодействия.

Национальный уровень взаимодействия культур представляет собой диалог между странами. К сожалению, политические процессы в настоящее время выступают фактором, во многом определяющим особенности реализации межнациональных отношений, когда по тем или иным причинам политического характера культурные связи между рядом государств ослабевают или даже почти прекращаются. Между тем открытость внешнему миру и богатство межкультурных контактов всегда были важнейшими условиями для развития любой культуры. Политические разногласия не должны становиться барьером на пути к межкультурному взаимодействию.

Цивилизационный уровень взаимодействия – это контакты между цивилизациями, т. е. группами нескольких соседних народов, связанных общей историей, религией, культурными особенностями и региональными хозяйственными связями. Культурные контакты внутри цивилизаций сильнее, чем любые внешние контакты [6, с. 130]. Но, с одной стороны, общение на цивилизационном уровне может иметь отрицательные последствия. В частности, конфликты на этом уровне отличаются особой агрессивностью и жестокостью. С другой стороны, цивилизационный уровень ведет к наиболее высоким результатам в обмене духовными, художественными, научными и техническими достижениями.

При рассмотрении второй проблемы межкультурной коммуникации стоит отметить, что национально-культурная специфика имеет два плана, или аспекта, выражения. Первый план – владение языком, а также параязыком, включающим в себя жесты, мимику, личную зону, улыбку, т. е. все то, что необходимо для лучшего понимания собеседника. Российский исследователь межкультурной коммуникации Д. Б. Гудков, анализируя коммуникативные неудачи, выделял две группы ошибок вербального характера, наиболее часто допускаемых в речи инофонами [7, с. 138]. К первой группе ошибок он относил технические ошибки, вызванные неверным фонетическим или графическим оформлением речи. Их причиной является, как правило, слабое владение инофоном фонетикой, графикой и орфографией другого языка. Вторая группа ошибок включает в себя системные ошибки, обусловленные незнанием в полной мере системы языковых значений различного уровня и способов их выражения. К ним относят интонационные, лексические, грамматические и словообразовательные ошибки. Третью и четвертую группы ошибок, по мнению автора настоящей статьи, следует отнести уже к незнанию параязыка и непосредственно культурной специфики народа. В третью группу включены дискурсивные ошибки: этикетные (неверно интерпретируются правила речевого этикета и социально-ролевые аспекты коммуникативного процесса), стереотипные (неправильно истолковываются стереотипные фразы) и энциклопедические (отсутствуют знания по истории, литературе и географии) ошибки. Четвертая группа – идеологические ошибки, которые обусловлены тем, что идеологические нормы культуры одного коммуниканта переносятся в культуру другого. Неудачи такого типа проявляются при восприятии и интерпретации инофоном культурных артефактов.

Для изучения коммуникативных неудач, вызванных незнанием культурных различий, учеными-этнолингвистами была разработана теория лакун [8, с. 178]. Лакуна интерпретируется как различие между лингвокультурными общностями, свидетельствующее об избыточности или недостаточности опыта одной из них. Авторы данной теории считают, что процесс адаптации фрагментов ценностного опыта одной лингвокультурной общности при восприятии его представителями другой культуры сводится к процессу элиминирования лакун. Лакуны делятся на относительные и абсолютные. Относительные лакуны означают, что тот или иной культурный предмет присутствует в обеих культурах, но занимает в них разное положение. Абсолютные лакуны указывают на то, что какое-то культурное явление выступает как родное для одной культуры, но совершенно незнакомое для другой. Теория лакун позволяет предсказать возможные неудачи в предстоящей межкультурной коммуникации и предот-

вратить их, объяснив участникам смысл различных культурных феноменов. Но следует отметить, что рассмотренная теория отнюдь не является исчерпывающей в понимании всех неудач и несовпадений в процессе межкультурной коммуникации.

Ко второму плану выражения национально-культурной специфики относятся непосредственно культурные особенности, включающие в себя идеологические формулы, ментальные стереотипы и психологические установки, т. е. культурный код.

Именно различия в культурном коде народов определяют процесс культурной адаптации. Известный австрийский философ, один из основателей феноменологии А. Шюц в очерке «Чужак» выявил различного рода сложности, связанные с тем, что взрослый индивид пытается истолковать для себя культурный образец (*pattern*) новой социальной группы, к которой ему предстоит адаптироваться [9, с. 533]. Такой человек знает, что культура данной группы имеет свою историю, но эта история никогда не станет частью его биографии, какой была для него история его родной группы. Как писал А. Шюц, «могилы и воспоминания невозможно ни перенести, ни завоевать» [9, с. 534]. Индивид готов разделить со своей новой группой ее настоящее и будущее, но не прошлое. «С точки зрения принимающей его группы, он – человек, у которого нет истории» [9, с. 537]. А. Шюц говорил, что рано или поздно личность начинает интерпретировать новую социокультурную среду в привычных для нее категориях мышления и находить в новой группе какие-то близкие представления, однако эти представления все равно в скором времени становятся неадекватными. Философ выделял три причины происходящего [9, с. 544].

Во-первых, при сближении с неродной группой человек превращается из стороннего наблюдателя в активного участника различных процессов. Для него теперь требуется иной тип знания. Индивид должен овладеть им как сегментом своего мира. Во-вторых, новый культурный образец становится частью окружающей среды, а переживание социальных объектов на уровне непосредственной среды не совпадает с представлением о них на уровне мнений. В-третьих, полученное знание индивида в его новой группе не находит соответствующего отклика. Таким образом, социальное взаимодействие и живой опыт требуют более глубокого осознания человеком паттернов (образцов) неродной культурной группы, и он вынужден считаться с фундаментальными расхождениями между пониманием вещей и поведением в реальных ситуациях. Только после того как у личности накопится определенное знание нового культурного образца, она может принимать его как собственное самовыражение и как часть своего мира.

Концепт межкультурной адаптации определяет, в свою очередь, еще два понятия: аккультурацию

и культурный шок. Аккультурация – результат непосредственного длительного контакта групп с разными культурами, выражающийся в изменении паттернов культуры одной или обеих групп (Р. Редфилд, Р. Линтон, М. Херсковиц). Сегодня аккультурация может пониматься как более поздняя форма инкультурации. Культурный шок (К. Обер) означает, что вхождение в чужую культуру сопровождается многими неприятными чувствами [10]. Американский психолог Г. Триандис разделяет процесс, обозначаемый как культурный шок, или шок аккультурации, на пять этапов [11, р. 233]:

- «медовый месяц» (человек испытывает энтузиазм и воодушевление при вступлении в новое лингвокультурное сообщество);
- раздражение человека от непривычной окружающей среды (чужой язык, нормы поведения, непривычная еда, жилищные условия и т. д.);
- критическая точка (когда в результате ощущения себя отвергнутыми и беспомощными некоторые индивидуумы предпочитают возвращаться в привычную среду);
- ощущение уверенности, оптимизма, удовлетворения от новой жизни;
- установление полного соответствия среды и индивида.

Специалисты в области межкультурной коммуникации считают, что существуют способы, облегчающие аккультурацию: обучение, просвещение, ориентирование, инструктаж и тренинг. Но их использование отнюдь не избавляет коммуникантов от неудач и ошибок в процессе общения.

Межкультурная коммуникация – это процесс, вызывающий немало трудностей, и для его успешной реализации необходимо учитывать целый ряд факторов и особенностей, как индивидуальных, принадлежащих отдельным индивидам, так и групповых, принадлежащих культурам народов в целом. Полная культурная адаптация, по мнению В. В. Красных, это скорее миф, чем реальность [12]. Автор настоящей статьи согласен с данным тезисом по ряду причин.

Во-первых, процессы культурной адаптации, аккультурации и культурного шока происходят в психике субъектов, и достичь (на уровне сознания) полной совместимости культур и языков вряд ли возможно. Во-вторых, фон, или контекст, общения при построении межкультурной коммуникации очень широк и содержателен, он включает в себя и параязык, и знания особенностей истории, географии и литературы того или иного народа, соответственно, освоить все это и принять как свое практически невозможно. В-третьих, каждый коммуникант, вступающий в общение такого рода, представляет собой многогранную личность со своими особенностями.

Проблемой межкультурной коммуникации занимались многие специалисты в смежных дисциплинах гуманитарного знания: культурологи,

лингвисты, антропологи и социологи. Но вызовы современного мира таковы, что изучение проблемы коммуникации в целом и межкультурной коммуникации в частности сегодня требует более глубоких подходов, поскольку трансформируются многие духовные ценности, пересматриваются нравственные ориентиры и идеалы. В связи с вышеизложенным автор данной статьи выстроил свою модель межкультурной коммуникации.

Прежде всего в модель следует включить акторов коммуникации, или коммуникантов. Процесс межкультурного взаимодействия может быть как непосредственным, т. е. основываться на живой речи, так и опосредованным техническими средствами связи, но в любом случае это взаимодействие между двумя и более субъектами (отдельными личностями, личностью и аудиторией, этническими группами и т. д.).

Коммуниканты в акте общения всегда вступают во взаимодействие, при этом участие в нем обычно принимают два и более субъекта. Как отмечал М. С. Каган, называть коммуникативный акт диалогом можно весьма условно, скорее это полилог [13, с. 76]. Именно в коммуникативном акте проявляются все когнитивные особенности каждого участника.

Следующая составляющая модели межкультурного взаимодействия – это контекст, или фон. В контекст автор настоящей работы включил так называемую национально-культурную специфику (владение языком и параязыком). Данная составляющая предполагает, что коммуниканты знают лингвокогнитивную базу друг друга, т. е. содержательное наполнение культурного кода: особенности литературы, истории, географии и параязыка (мимики, жестов, улыбки и т. д.). Если сравнить с другими моделями культуры, то можно увидеть, что в модели Ф. Тромпенаарса аналогичная составляющая включает в себя культурные артефакты. У Г. Хофстеде это называется ценностями, а у Э. Т. Холла – ценностными ориентациями. Национально-культурная специфика всегда сопровождает процесс межкультурной коммуникации.

Еще одна составляющая межкультурной коммуникации – это дискурс. В данной статье под дискурсом понимается равноправное условие диалога культур, позволяющее участникам коммуникативного процесса обогащать друг друга и тем самым расширять культурную картину мира. Без партнерских уважительных отношений невозможна успешная реализация никакого процесса коммуникации. Неслучайно М. С. Каган ввел понятие «полноценный равноправный диалог культур» – диалог, построенный на взаимоуважении участвующих в контакте культур. В нем имеет место обмен смыслами и равнозначная интеракция культур в целях их взаимообогащения, взаиморазвития и взаимообновления [13, с. 32].

Данная модель позволяет, по мнению автора настоящей работы, представить все сложности современной межкультурной коммуникации, а также выделить условия повышения ее эффективности.

Заключение

Мир изменился, а этнокультурная картина мира, с одной стороны, стала еще более пестрой, чем в XX в., с другой стороны, как демонстрируют последние события, все политические, экономические и социокультурные процессы теперь носят еще более взаимозависимый характер. С проблемой адаптации в новой культурной среде теперь может столкнуться практически любой субъект, даже не будучи эмигрантом. Появление новых транснациональных компаний в различных странах мира, иностранных финансовых инвестиций, открытие международных научных и образовательных центров – это факторы, способствующие тому, что каждый из нас переживает время от

времени процесс межкультурной адаптации, сопровождаемый и культурным шоком, и коммуникативными неудачами.

Между тем коммуникативная компетентность в современном поликультурном пространстве не только определяет степень эффективности общения между людьми, но и помогает преодолеть ксенофобные и шовинистские настроения, пробудить у представителей разных народов интерес к культуре друг друга. Не стоит забывать, что межкультурная коммуникация должна базироваться на знании языка и культуры и взаимоуважительном отношении акторов коммуникации друг к другу.

Библиографические ссылки

1. Hall ET. *Beyond culture*. New York: Anchor Books; 1989. 298 p.
2. Hofstede GH. *Culture's consequences: international differences in work-related values*. Beverly Hills: Sage; 1980. 475 p.
3. Hymes D. *Foundations in sociolinguistics: an ethnographic approach (conduct and communication)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 1974. 260 p.
4. Арутюнов СА. *Народы и культуры: развитие и взаимодействие*. Москва: Наука; 1989. 650 с.
5. Стефаненко ТГ. *Этнопсихология*. Москва: Академический проект; 2000. 290 с.
6. Лурье СВ. *Историческая этнология*. Москва: Наука; 1997. 356 с.
7. Гудков ДБ. *Теория и практика межкультурной коммуникации*. Москва: Гнозис; 2009. 200 с.
8. Уфимцева НВ. *Языковое сознание: динамика и вариативность*. Москва: ИЯ РАН; 2011. 252 с.
9. Шюц А. Чужак. В: Смирнова НМ, редактор. *Избранное: мир, светящийся смыслом*. Николаев ВГ, Ромашко СВ, Смирнова НМ, переводчики. Москва: РОССПЭН; 2004. с. 533–550.
10. Oberg K. Culture shock and the problems of adjustment to new cultural environments. *Practical Anthropology*. 1960;7:177–182.
11. Triandis HC. *Culture and social behavior*. New York: McGraw-Hill; 1994. 320 p.
12. Красных ВВ. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Москва: Гнозис; 2003. 375 с.
13. Каган МС. *Мир общения: проблемы межсубъектных отношений*. Москва: Политиздат; 1988. 315 с.

References

1. Hall ET. *Beyond culture*. New York: Anchor Books; 1989. 298 p.
2. Hofstede GH. *Culture's consequences: international differences in work-related values*. Beverly Hills: Sage; 1980. 475 p.
3. Hymes D. *Foundations in sociolinguistics: an ethnographic approach (conduct and communication)*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 1974. 260 p.
4. Arutyunov SY. *Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeistvie* [Peoples and cultures: development and interaction]. Moscow: Nauka; 1989. 650 p. Russian.
5. Stefanenko TG. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2000. 290 p. Russian.
6. Lur'e SV. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. Moscow: Nauka; 1997. 356 p. Russian.
7. Gudkov DB. *Teoriya i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow: Gnozis; 2009. 200 p. Russian.
8. Ufimtseva NV. *Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'* [Linguistic consciousness: dynamics and variability]. Moscow: The Institute of Linguistic of the Russian Academy of Sciences; 2011. 252 p. Russian.
9. Schuz A. [An outsider]. In: Smirnova NM, editor. *Izbrannoe: mir, svetyashchiisya smyslom* [The selected: a world with glowing meaning]. Nikolaev VG, Romashko SV, Smirnova NM, translators. Moscow: ROSSPEN; 2004. p. 533–550. Russian.
10. Oberg K. Culture shock and the problems of adjustment to new cultural environments. *Practical Anthropology*. 1960;7:177–182.
11. Triandis HC. *Culture and social behavior*. New York: McGraw-Hill; 1994. 320 p.
12. Krasnykh VV. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? [«Native» among «strangers»: myth or reality?]. Moscow: Gnozis; 2003. 375 p. Russian.
13. Kagan MS. *Mir obshcheniya: problemy mezhsob'ektnykh otnoshenii* [The world of communication: problems of intersubjective relations]. Moscow: Politizdat; 1988. 315 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.09.2022.
Received by editorial board 26.09.2022.

УДК 378.147:7(072)(574)

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «СТРУКТУРА И СТИЛИСТИКА НАУЧНОЙ РЕЧИ» ДЛЯ МАГИСТРАНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОФИЛЯ

А. А. ДАДЫРОВА¹⁾

¹⁾Казахский национальный университет искусств,
пр. Тауелсиздик, 50, 010000, г. Астана, Казахстан

Представлен анализ методов преподавания учебного курса «Структура и стилистика научной речи» для магистрантов в университете искусств. Выяснилось, что разработанные к настоящему учебному курсу новаторские методы преподавания позволяют инициировать повышенный интерес и активность магистрантов к дисциплине. Приводятся апробированные авторские разработки для обучения: кейсы и мобильные практические семинары. На обширном учебно-методическом материале проанализированы новые педагогические идеи и внедренные в процесс обучения кейсы, а также учтена специфика художественного образования обучающихся. Задействованы новые результаты исследования, полученные в ходе активного использования авторских методов преподавания.

Ключевые слова: методика преподавания; метод; искусство; обучение; магистрант; образование.

TEACHING METHODOLOGY ON THE DISCIPLINE «STRUCTURE AND STYLISTICS OF SCIENTIFIC SPEECH» FOR MASTER STUDENTS OF ART SPECIALITY

A. A. DADYROVA^a

^aKazakh National University of Arts,
50 Tauelsizdik Avenue, 010000 Astana, Kazakhstan

The analysis of teaching methods for undergraduates in the course of the «Structure and style of scientific speech» at the University of the Arts is presented. The methods of teaching for students of the master's program in the arts, methodological recommendations for conducting training sessions are considered. Author's and innovative teaching methods have been developed. The article presents approved author's developments – cases, mobile practical seminars in the educational process. In the work on the article were involved, new research results obtained in the course of the active use of author's methods in teaching.

Keywords: method of teaching; case; method; art; studying; master student; education.

Образец цитирования:

Дадырова АА. Методика преподавания курса «Структура и стилистика научной речи» для магистрантов художественного профиля. *Человек в социокультурном измерении*. 2023;1:11–15.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-11-15>

For citation:

Dadyrova AA. Teaching methodology on the discipline «Structure and stylistics of scientific speech» for master students of art speciality. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2023;1:11–15. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-11-15>

Автор:

Асель Алибековна Дадырова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры сценографии и декоративного искусства художественного факультета.

Author:

Assel A. Dadyrova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of scenography and decorative art, faculty of art.
asseldadyrova@gmail.com

Введение

Дисциплину «Структура и стилистика научной речи» в Казахском национальном университете искусств магистранты художественного профиля изучают в 1-м семестре. Преподаватель систематизирует и углубляет знания о научном стиле как о функциональной разновидности научной и литературной речи с учетом художественного направления по специальностям, а также применяет авторские инновационные методики в преподавании. Речь идет о методических кейсах. Важно на основе научных текстов развить у магистрантов навыки, с помощью которых они смогут писать эссе, статьи, доклады

и аннотации, отбирать ключевые слова, проводить компаративный анализ научных текстов, сравнивать и сопоставлять их, критически мыслить и делать выводы на основе анализа научных текстов и эссе.

Изучаемые кейсы рассредоточены в научных источниках, а некоторые из них стали библиографической редкостью. Учитывая это, автор настоящей статьи разработал и издал электронное учебное пособие, в котором материал изложен с методической последовательностью, упрощающей его изучение и применение при подготовке к написанию научных статей и магистерских диссертаций.

Методология исследования

Статья основана на главных методах педагогического исследования. Первый из них – метод изучения опыта педагога (автора статьи) и разработчика нетрадиционных методов преподавания для обучающихся художественного направления в университете искусств.

С помощью данного метода выявлены оправданные педагогической практикой в высшей школе новаторские идеи и обнаружены индикаторы как инструментарию оценивания в преподавательской деятельности, над которыми предстоит провести коррекционную работу. Метод педагогического на-

блюдения помог обозначить результаты, которые были получены в ходе изученного педагогического процесса.

Метод компаративного исторического анализа применялся в целях дифференциации методических источников, учебных программ, учебников и документации в позиции рассматриваемой задачи и позволил познакомиться с новыми методическими ресурсами и настоящим положением проблемы исследования. Необходимо подчеркнуть, что в данной работе изучены и проанализированы важные педагогические идеи.

Методика преподавания для студентов магистратуры

Релевантность темы настоящей статьи определяется прежде всего возникшей необходимостью вовлечения в научный оборот методов преподавания для магистрантов художественных специальностей университета искусств.

В результате методического анализа выявлена эффективность педагогической деятельности с применением нетрадиционных методов преподавания, поэтому в магистратуре был предложен новый курс и обоснована его продуктивность в научно-педагогической школе для магистрантов. Эпоха прочтения, анализа и осмысления больших и сложных текстов претерпевает колоссальные изменения. Очевидно, что магистранты испытывают небольшие трудности при работе с исследовательскими кейсами и заданиями.

Педагог-теоретик обозначает для себя важную педагогическую и методическую задачу: научить магистрантов работать с гипертекстами, проводить критический анализ, сопоставлять и получать необходимые результаты вследствие компаративного анализа трудоемких текстов.

В связи с новыми вызовами в системе образования лектор высшей школы внедряет в учебный процесс авторские методы преподавания с той целью, чтобы не допустить пробела при обучении педаго-

гических и научных кадров в области высшего послеевропейского образования и научной сферы.

В учебном процессе важно соблюдать взаимодействие преподавателя и студента, так как они занимают особые позиции в гуманитарной парадигме учебного процесса в высшей школе.

Магистранты художественного направления обладают пространственным, композиционным и художественно-образным мышлением. Роль педагога приобретает особое назначение, он определяет педагогическую установку не выходя за рамки теоретического материала и продолжать свободно применять художественно-образное мышление.

Лектор высшей школы, выполняя важную педагогическую миссию в воспитании художника-профессионала, направляет магистрантов на самостоятельную творческую работу. Понятие мироощущения художника раскрывается через его отношение к окружающей действительности, а также в моменте, когда в процессе обучения его научный потенциал получает развитие [1, с. 10].

Высшая школа интегрируется в мировое образовательное пространство. Важным моментом в этой среде выступает современный педагогический взгляд на методы, методики и приемы преподавания в университете искусств.

Следовательно, методы преподавания для обучающихся художественного профиля развивают языковое и стилистическое чутье и способствуют формированию научного мировоззрения студентов магистратуры.

Прежде чем приступить к углубленному описанию методов исследования, стоит определить понятия «методика работы», «метод» и «методы исследования». В настоящей статье предлагаются методы исследования для обучающихся художественных специальностей университета искусств.

Метод – это совокупность определенных правил, приемов и способов действий, направленных на достижение желаемых результатов. Методы исследования представляют собой методический и научный инструментарий, при использовании которого магистранты достигают поставленных в магистерской диссертации целей, задач и основных результатов.

Лектору высшей школы крайне важно иметь не только знания о технологиях в обучении, но и умения и навыки по психологии личностного развития студентов, а также правильно подбирать методы в преподавании.

В силу новых вызовов и обстоятельств, которые предъявляет цифровая эпоха, образовательный процесс в учреждении высшего образования на современном этапе может быть трудным и неоднозначным.

На вводном практическом занятии преподаватель знакомит магистрантов с характером изучаемой дисциплины, основными целями и задачами, а также рекомендует, какими источниками целесообразно пользоваться. В дальнейшем изучение предмета осуществляется магистрантами самостоятельно под руководством преподавателя.

Учебная программа дисциплины «Структура и стилистика научной речи» состоит из кейсов. Они стимулируют развитие творческих умений, формируют гибкость мышления и развивают вспомогательные компетенции и навыки.

Преподаватель-теоретик при разработке кейсов учитывает ценные факторы учебного процесса: специализацию магистрантов, их знания, умения и навыки, сформированные вследствие предыдущего учебного опыта, а также то место, где следует усилить научно-педагогическую основу.

На аудиторном занятии магистранты выполняют кейс № 1 «Научный обзор доклада». Им предлагается выбрать статью из сборника статей «Философия творчества»¹, прочитать ее и подготовить научный доклад на основе выбранной статьи. Этот доклад необходимо оформить по структуре (см. приложение).

Кейс № 1 способствует формированию критического мышления. Магистрант учится упорядочивать имеющийся научный текст, выделять новое в нем,

анализировать и оценивать приведенные сведения, формулировать вопросы, а также аргументированно строить выводы и собственную речь.

В кейсе указанные библиографические ссылки выполняют роль методического инструмента, который помогает реализовать образовательную траекторию магистрантов, будущих научно-педагогических кадров и научных сотрудников.

Далее студенты магистратуры выступают с дополнениями и уточнениями по обсуждаемой теме, после чего нередко возникает продуктивная дискуссия. Затем преподаватель подводит итоги выполненных кейсов и ставит задачи на следующее занятие. Все это способствует хорошему усвоению учебного курса.

Теория обязательно должна подкрепляться практикой, так как соединение теоретических знаний достигается компетенциями, умениями и навыками выделять смысловые блоки в прочтенном тексте, определять основные мысли и факты, находить логические связи, а также исключать избыточную информацию. Формирование умений и навыков проходит в несколько этапов.

Умения и навыки работать с научным текстом в эпоху цифровизации ослабевают, потому что появление гаджетов, скроллинг лент, возникновение зависимости от социальных сетей способствовали формированию нового вида текста – медиатекста, который порой не представляет собой научный интеллектуальный объект.

Уметь работать с научными текстами – это важный и необходимый навык. Магистранты учатся рациональным методам работы с текстами любой сложности, лапидарно формулируют и излагают главные мысли.

Методика работы при написании текста магистерской диссертации – это ресурс целого комплекса знаний, умений и навыков, тесно связанных с гуманитарными и социальными науками. Существует определенная панорама методов исследования, дающая эффект при обучении магистрантов художественного профиля.

Выдающийся ученый Л. С. Выготский сформулировал закон о том, что обучение влечет за собой развитие, так как личность совершенствуется в процессе деятельности. Преподаватель направляет студентов в целях овладения ими необходимыми знаниями, умениями и навыками в профессиональной деятельности, которая способствует развитию творческих способностей [2, с. 120].

Цель кейса № 2 «Исследование семиотики грима» – научить магистрантов выполнять метод семиотического анализа через творческий проект. Благодаря данному кейсу совершенствуются навыки

¹Философия творчества: ежегодник [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН ; под ред. Н. М. Смирновой (гл. ред.) [и др.]. М. : ИИнтеЛЛ, 2017. Вып. 3 : Творчество и жизненный мир человека. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/books/2017/PhTvorch_3_2017.pdf (дата обращения: 04.01.2023).

исследования, выявления, определения и формулирования выводов, а также работы с художественным и теоретическим материалом.

Магистранты специальности «сценография грима в театре, кино и ТВ» должны выявить семиотические знаки и знаковые системы в гримерном искусстве, провести семиотический анализ художественного образа главных и второстепенных действующих лиц на примере творческого проекта.

При выполнении данного кейса раскрывается суть метода семиотического анализа: находятся знаки, определяется характер их группировки (сопоставление и противопоставление), выявляется значение как отдельных знаков, так и их группировки.

При проведении семиотического анализа магистранты отвечают на следующие вопросы: «Какие знаки создают картину мира в этом произведении, объекте и т. д.? каков знаковый смысл?»

Смысл семиотики заключается в том, что процесс интерпретации сообщения проходит через социальный и культурный фон. Знак состоит из двух частей: означающего (форма, которую он принимает) и означаемого (концепция, которую он представляет). Семиотический анализ включает три этапа: анализ вербальных сигналов (что вы видите и слышите), анализ визуальных сигналов (что вы видите), анализ символических сообщений (интерпретация того, что вы видите).

Особенность семиотического метода состоит в том, что искусство объясняется как диапазон коммуникации и осуществляется с помощью особых средств, но при этом ее изучение возможно по образцу вербальной коммуникации.

Согласно исследованию [3] магистратура, узнаваемая и признаваемая компетентными в сфере высшего образования организациями и учреждениями, является отправной точкой вхождения обучающихся и выпускников на международный рынок труда и на рынок образовательных услуг [3, с. 42]. В связи с этим внедрение и активное применение нетрадиционных методов преподавания в магистратуре остается релевантным.

При выполнении кейса № 3 «Исследовательский путь» у магистратов закрепляются навыки само-

стоятельной работы, они осваивают новые методы и приемы анализа, учатся профессионально составлять научную документацию, доклады и отчеты, а также представлять научные результаты с учетом особенностей аудитории.

В кейс № 3 входят следующие задания: подготовить аналитическую записку и указать, какие методы сбора информации используются в магистерской диссертации; составить 20 ключевых вопросов по теме магистерского исследования, затем разместить их на платформе *Kahoot* и прикрепить ссылку на веб-сервис *Google Classroom* в разделе «Кейсы»; написать эссе-размышление по теме магистерской диссертации с использованием таксономии Блума.

Выполняя данный кейс, магистранты полностью вовлечены в исследовательскую работу. Он стимулирует способность к обучению. У студентов отрабатывается навык работы с такими цифровыми инструментами, как *Kahoot* и *Google Classroom*. Это цикл профессиональных компонентов, собранных в одном кейсе.

При работе с кейсом № 4 «Библиографический аппарат издания к дисциплине “Структура и стилистика научного текста”» магистрантам необходимо систематизировать литературу по тематике исследования, степени новизны, а также заполнить таблицу по категориям: научные издания, монографии, периодическая литература и электронные ресурсы.

В процессе работы над кейсом развиваются умения систематизировать источники, работать с обширным кругом литературы, анализировать и отбирать издания. В качестве дополнительного навыка формируется усидчивость, что важно в условиях цифрового мира.

Исследуя вопросы методики преподавания в магистратуре, автор настоящей статьи считает необходимым обратить внимание на то, что перед педагогом-теоретиком высшей школы поставлена серьезная задача: вовлечь обучающегося в исследовательские, творческие и культурологические проекты и помочь ему результативно выполнять учебные кейсы.

Заключение

Представлен педагогический и методический опыт применения авторских методов преподавания в учебном курсе для научно-педагогической магистратуры по направлению «художественное образование в университете искусств».

Изложенные в статье методы преподавания показали высокую эффективность на лекциях и практических занятиях. Автор данной работы провел анализ большого количества методических источников и пришел к выводу о том, что специализированной методической литературы для преподавателя-теоретика в университете искусств (в рамках

художественного образования) не имеется. Существуют лишь отдельные статьи и авторские разработки нетрадиционных методов преподавания.

Авторские кейсы включают в себя новаторский подход к существующим традиционным методикам, оказывают продуктивное влияние на научно-педагогическое образование магистрантов и развивают конкурентные умения и навыки в работе со сложными интеллектуальными объектами.

Эти кейсы в методике преподавания других педагогов и лекторов могут не показать положительных результатов, поскольку автор разработки знает сильные

и слабые стороны используемых методических инструментов, а также проводит методическую коррекцию внедренных методов преподавания.

Педагогический опыт применения авторских методов преподавания помогает сделать выводы о состоянии методики преподавания в учреждениях высшего образования с творческим уклоном.

В деятельности преподавателя-теоретика возникла острая необходимость развивать нетрадиционные методы преподавания магистрантам

художественного профиля. С переходом эпохи Гуттенберга в цифровой мир обсуждается вопрос образования в высшей школе. Лекторам приходится принимать новые вызовы и отвечать на них, а также искать правильные пути решения педагогических задач. Сейчас вопросы методологии нуждаются в своевременном решении. Важно реагировать на совершенствование методов преподавания и учитывать организационные вопросы в контексте развития педагогических и методических технологий.

Приложение

Выполнил: магистрант 1-го курса
специальности _____

ФИО

Научный доклад

Тема: «_____»

Введение. В этой части необходимо прописать лапидарное освещение изучаемого вопроса по теме доклада.

Основная часть. Нужно представить обоснованные и релевантные аргументы для раскрытия доклада.

Заключение. Необходимо выразить основные мысли и идеи по результатам изучения темы доклада.

Список используемых источников в научном докладе следует подготовить по ванкуверскому стилю оформления литературы.

Библиографические ссылки

1. Дадырова АА. *Инновационные методики преподавания для художественных специальностей в контексте гуманистической парадигмы в условиях цифровизации образования: методические рекомендации*. Астана: БиКа; 2019. 35 с.
2. Выготский ЛС. *Избранные психологические исследования*. Москва: Издательство Академии педагогических наук РСФСР; 1956. 520 с.
3. Байденко ВИ, редактор. *Основные тенденции развития высшего образования: глобальные болонские измерения*. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов; 2010. 352 с.

References

1. Dadyrova AA. *Innovatsionnye metodiki prepodavaniya dlya khudozhestvennykh spetsial'nostei v kontekste gumanisticheskoi paradigmy v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya: metodicheskie rekomendatsii* [Innovative teaching methods for art specialties in the context of the humanistic paradigm in the context of digitalisation of education: guidelines]. Astana: BiKa; 2019. 35 p. Russian.
2. Vygotskii LS. *Izbrannye psikhologicheskie issledovaniya* [Selected psychological studies]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR; 1956. 520 p. Russian.
3. Baidenko VI, editor. *Osnovnye tendentsii razvitiya vysshego obrazovaniya: global'nye bolonskie izmereniya* [Main trends in the development of higher education: global Bologna dimensions]. Moscow: Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov; 2010. 352 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.09.2022.
Received by editorial board 28.09.2022.

УДК 914/919

ВЕЛИКИЙ ЧАЙНЫЙ ПУТЬ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ, РОССИИ И КИТАЯ

О. И. АЖГИРЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрен Великий чайный путь как объект культурного наследия Беларуси, России и Китая. Показана динамика процессов и явлений в комплексной взаимосвязи геополитических, экономических, культурных и географических факторов, формирующих пространство и время существования Великого чайного пути. Предложены различные примеры культурных маршрутов на территории Беларуси и России, включенных в этот путь, для их возможного внесения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: Великий чайный путь; Великий шелковый путь; Всемирное наследие ЮНЕСКО; культурный маршрут; инициатива «Один пояс, один путь».

THE GREAT TEA ROAD AS A CULTURAL HERITAGE OF BELARUS, RUSSIA AND CHINA

O. I. AZHGIREVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The Great Tea Road is considered as an object of cultural heritage of Belarus, Russia and China. The article shows the dynamics of processes and phenomena in the complex relationship of geopolitical, economic, cultural and geographical factors that form the space and time of the Great Tea Road. Various examples of cultural routes on the territory of Belarus and Russia are proposed, included in the considered road for the possible nomination of these cultural routes to the UNESCO World Heritage.

Keywords: Great Tea Road; Great Silk Road; UNESCO World Heritage; cultural route; the Belt and Road Initiative.

Введение

Современное человечество переживает тяжелый международный кризис культурного диалога Запада и Востока. Вследствие этого актуальной задачей становится разработка теории и исторической практики реконструкции пространства «Великий чайный путь», связанного с появлением сложных исторических процессов и усложнением форм межгосударственных отношений. Великий шелковый

путь и Великий чайный путь считаются прологом и первоначальным образцом глобализации.

Рассматриваемый феномен является чаеоторговым маршрутом, который протянулся на 13 000 км от Тихого до Атлантического океана и процветал в XVII–XX вв. Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин назвал его вековым пульсом. Сегодня

Образец цитирования:

Ажгиревич ОИ. Великий чайный путь как объект культурного наследия Беларуси, России и Китая. *Человек в социокультурном измерении*. 2023;1:16–23.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-16-23>

For citation:

Azhgirevich OI. The Great Tea Road as a cultural heritage of Belarus, Russia and China. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2023;1:16–23. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-16-23>

Автор:

Ольга Игоревна Ажгиревич – аспирантка кафедры востоковедения факультета международных отношений. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В. В. Одериха.

Author:

Olga I. Azhgirevich, postgraduate student at the department of oriental studies, faculty of international relations.
info@belarus-china.com

непосредственно ощущается эволюция этого пути. Он стал образцом торгового и культурного наследия цивилизаций. Исторические чайные плантации и горные системы, торговые и дорожные маршруты, фабрики по производству зеленого и черного кирпичного чая, китайские родовые храмы и православные церкви, религиозные святыни, реки, озера и каналы, леса, степи и пустыни, места переправ, торговые заставы и таможни, а также архитектурные ансамбли чайных рынков сохранились и продолжают демонстрировать свое культурное наследие эпохи Великого чайного пути.

Несмотря на то что города, находящиеся на данном пути, отличаются природным пейзажем и обычаями, а также принадлежат к разным многонациональным культурам, все они процветали благодаря главным торгово-транспортным коридорам.

В период своего расцвета Великий чайный путь был линией, проходящей через Великий шелковый путь, Сибирский тракт, Сибирскую железную дорогу, а позже через железную дорогу международных транзитных перевозок Пекин – Улан-Батор – Москва. Исторически Великий шелковый путь простирался (в северо-западном направлении) через Волжский торговый путь и путь «из варяг в греки».

Через белорусские земли пролегли важнейшие северо-западные пути от побережья Черного и Каспийского морей к странам Северной и Восточной Европы. Путь «из варяг в греки», проходивший через Беларусь, возник в конце IX – начале X в. и наибольшее развитие получил в X – начале XI в. Он был стратегическим торговым маршрутом, который простирался от Испании на западе до Волжской Булгарии на востоке.

Товарные связи древнего города Полоцка с городами Москвой, Псковом, Новгородом, Смоленском и Туровом были обусловлены тем, что он «...находился на древнейшем водном торговом пути из

Прибалтики на Балканы... был связан непрерывным водным путем с Киевом. Не меньшее значение имел водный путь на восток от Полоцка к Витебску и далее к Смоленску. С верховьев р. Западной Двины легко было попасть на волжский путь, соединявший Балтийское и Каспийское моря. С северными и южными странами эту территорию связывали крупные реки – Березина, Дреть, Ловать и в районе Орши – Днепр. Вдоль правого берега р. Западной Двины (Даугавы) шел сухопутный путь, использовавшийся как летом, так и зимой. Он круглый год связывал Полоцк с важными центрами Подвинья» [1, с. 520]. Такое геополитическое положение на границе между Западом и Востоком стало основой формирования Беларуси как одного из центров взаимодействия западной и восточной цивилизаций. Автор настоящей статьи полагает, что путь «из варяг в греки» в рамках инициативы «Один пояс, один путь» становится символом возрождения Великого шелкового пути и Великого чайного пути. Именно поэтому трансграничное взаимодействие и решение вопросов культурного диалога Беларуси, России и Китая приобретают особую актуальность.

Целью данного исследования является реконструкция формирования и развития системы культурных маршрутов Великого чайного пути.

В статье рассматривается новая научная проблема – воссоздание целостной картины страноведческого познания Великого чайного пути как совместного национального культурного наследия и научного памятника Беларуси, России и Китая. Для разрешения данного вопроса исследована длительная и сложная история формирования и познания пространства и времени существования Великого чайного пути.

Реконструкция Великого чайного пути как объекта всемирного наследия приобретает актуальность и непреходящую новизну.

Результаты и их обсуждение

Вслед за решением Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО от 22 июня 2014 г. о включении Великого шелкового пути в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО в качестве номинации «Шелковый путь: сеть маршрутов Чанъань – Тянь-Шаньского коридора», которую представили Казахстан, Китай и Кыргызстан, Великий чайный путь был официально включен в предварительный список всемирного культурного наследия Китая в 2019 г. [2, с. 31–37].

Исторические пути и дороги выделяются как культурное свидетельство общечеловеческих связей и как своеобразные направления межкультурного обмена. Они могут не иметь четкой документально подтвержденной трассы и зачастую просматриваются именно в общем направлении межнационального и межстранового обмена, проявляясь только на отдельных своих участках сохра-

нившимися недвижимыми памятниками. К такого рода историческим путям можно отнести, например, Великий шелковый путь или путь «из варяг в греки». Историческое значение этих путей очень велико для общемировой культуры. Недаром ЮНЕСКО в 1980–90-х гг. осуществляла специальный 10-летний проект Великого шелкового пути как общемировую культурную акцию по сохранению всемирных культурных ценностей, обмену информацией, участию в выставках, проведению совместных научных исследований данного культурного феномена [3, с. 95–112].

Концепция охраны всемирного наследия развивалась посредством постоянных инноваций. Появлялись культурные маршруты, обладающие определенными комплексными характеристиками и значительно обогатившие разные виды всемирного культурного

наследия. С момента публикации Афинской хартии восстановления исторических памятников (1931) концепция охраны культурного наследия в сфере охраны всемирного наследия изменила направление своей деятельности и начала переходить от сосредоточения внимания на отдельных памятниках к комплексной охране исторической среды [4].

В рамках Венецианской хартии, принятой в 1964 г. на II Международном конгрессе архитекторов и специалистов по историческим зданиям Венеции, была ратифицирована Международная хартия сохранения и реставрации памятников и исторических мест. В рамках второй резолюции, выдвинутой ЮНЕСКО, создан Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест (далее – ИКОМОС), главной задачей которого стало осуществление доктрин Венецианской хартии.

Сегодня ИКОМОС насчитывает более 9500 членов из 110 стран. Профессионалы в области сохранения памятников участвуют в деятельности ИКОМОС через свои национальные комитеты. Белорусский комитет ИКОМОС занимается поддержанием и продвижением теорий, методологий и научных технологий в консервации архитектурного и археологического наследия.

В рамках ИКОМОС действует научный комитет по культурным маршрутам. В 1972 г. по решению ЮНЕСКО официальным консультативным органом Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, помимо Международного союза охраны природы и Международного исследовательского центра по сохранению и реставрации культурных ценностей, стал ИКОМОС. Как профессиональный и научный советник комитета по всем аспектам культурного наследия ИКОМОС несет ответственность за оценку всех номинаций культурных ценностей представленных в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО с критериями, которые установлены Комитетом Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В 1994 г. ученые, рассматривающие мировое наследие, собрались в г. Мадриде и провели международную конференцию на тему «Линия как часть культурного наследия», на которой был сформулирован ряд важных положений, отмечающих, что культурная линия является динамичным культурным пейзажем, обладающим последовательностью во времени и пространстве.

Культурная линия имеет много измерений. Она подчеркивает диалог и обмен между разными странами и регионами. Культурные маршруты многомерны. Маршрут, представляя собой специфическую и непрерывную форму культурного ландшафта, является пространством для перевозки товаров и людей, а также выполняет различные функции, включая религиозную, коммерческую, управленческую и административную.

Таким образом, культурно-маршрутное наследие должно характеризоваться интеграцией меж-

региональных культурных групп и непрерывным обменом между ними, дополненными пространственными (транспортными) маршрутами, которые формируются на основе комплекса архитектурных и археологических объектов, памятников науки, инженерных сооружений, исторической застройки, природных достопримечательностей, а также традиций народных промыслов и хозяйственной деятельности, фольклора и обрядовой национальной культуры. Такие маршруты могут органично связать культурное пространство и его различные производные элементы в единое целое и подчеркнуть культурную значимость каждого компонента.

Современный проект Великого чайного пути считается одним из крупнейших международных туристических проектов, реализуемых при участии Китая, Монголии и России. По мнению китайских ученых, он является важным торгово-экономическим и культурным маршрутом по международному экономическому коридору «Китай – Монголия – Россия» и Транссибирской магистрали в рамках экономического пояса Шелкового пути [5, р. 15–18].

Схема расположения и планирования городов и сел вдоль Великого чайного пути, изменившего культурное пространство и время, выглядит как глобальная карта, пересекающая Азию и Европу. Здесь на протяжении веков происходило движение людей, наблюдались этнические и конфессиональные миграции, процветала караванная торговля, активно создавались свободные торговые зоны, распространялись передовые технологии, товары, а также идеи, этические и идеологические представления. Великий чайный путь был не только каналом экспорта китайской цивилизации на Запад, но и каналом импорта западной цивилизации в Китай [6, с. 639–641].

Благодаря Великому чайному пути пустыни превратились в оживленные оазисы торговли, так как здесь проходил караванный путь, нуждающийся в поддерживающей его инфраструктуре, в рамках которой можно было бы расположиться для отдыха и обеспечить сохранность грузов. Ряд прежних городов и сел расширили собственный масштаб деятельности и стали региональными центрами своей страны. По статистике китайских ученых, вдоль Великого чайного пути постепенно основались более 200 больших и малых городов и сел. Много людей переместились из родных мест ради выращивания чайных растений и международной торговли. Некоторые города стали крупными центрами торговли и культуры. Вдоль Великого чайного пути построили мосты и дороги, функционирующие до сих пор, хотя на данный момент они преобразованы в глобальные транспортные магистрали.

В 1727 г. Россия и Китай заключили Кяхтинский договор. Учитывая интересы российских купцов, у которых не было возможности приехать в г. Пекин, обе стороны решили создать два торговых пункта на китайско-российской границе для про-

ведения нерегулярной мелкой торговли. Одним из них являлся г. Кяхта. На китайской стороне было построено торговое место Маймачен. К концу XVIII в. русский караван в г. Пекин шел по следующему маршруту: г. Кяхта – торговое место Маймачен – г. Кулунь (г. Урга (до 1924 г.)) – р. Или – г. Калган (ныне г. о. Чжанцзякоу) – г. Пекин. Благодаря торговому пути из г. Калгана в г. Кяхту главным экономическим и политическим центром всей Внешней Монголии стал г. Урга (ныне г. Улан-Батор). От г. Кяхты маршрут следовал до г. Верхнеудинска (ныне г. Улан-Удэ) и далее до городов Красноярска, Нижнего Новгорода, Москвы и Санкт-Петербурга.

Среди китайских купцов, которые ездили в г. Кяхту заниматься чайной торговлей, большинство было из пров. Шаньси. Они образовывали так называемое шаньсийское общество торговых купцов. Поскольку цинское правительство не разрешало иностранцам покупать чай в материковом Китае, то шаньсийские купцы, полагаясь на преимущества собственного местоположения и деловые традиции, монополизировали китайско-российскую торговлю чаем, создав торговую модель, которую определяют следующим образом: «Он приходит с кожей, а я иду с чаем» (перевод наш. – О. А.) [7, с. 13].

Шаньсийцы стали властелинами оптовой торговли русскими товарами в г. Калгане. Их конторы в городах Кяхте и Калгане были заинтересованы в одних и тех же операциях – покупать в г. Кяхте русские товары для калганского рынка и заказывать внутри Китая партии чая и других товаров для г. Калгана, чтобы продавать их в г. Кяхте. Шаньсийские фирмы были очень влиятельными и благодаря своей корпорации вытесняли каждого, кто захотел бы вмешаться в их дела и составить им конкуренцию.

После заключения Кяхтинского договора долгое время объем китайско-российской чайной торговли оставался небольшим. В среднем он составлял примерно одну десятую часть от общей стоимости товаров, экспортируемых Китаем.

Русская торговая слобода Кяхта и китайское торговое поселение Маймачен образовали первый торговый анклав на российско-китайской границе в XVIII в., функционировавший как парный приграничный торговый город. История становления поселения Маймачен, как и г. Кяхты, напрямую связана с образованием российско-китайских отношений и развитием торговли на территории Великого чайного пути [8, с. 21].

Главной особенностью взаимодействия торгового места Маймачен и торговой слободы Кяхты стало влияние торговли на культуру населявшего их народа. Это выразилось не только в появлении культурных привычек, перенятых китайцами у русских и наоборот, но и в создании особого языка коммуникации, который прозвали маймаченским, или

кяхтинским, наречием, русского и китайского населения, распространявшегося в дальнейшем (по мере увеличения контактов) в приграничной зоне. Появление этого наречия свидетельствует о том, что сближение русской и китайской культур проходило и на уровне языка делового общения. Таким образом, торговля, вызванная прохождением на данной территории Великого чайного пути, повлияла на культурную жизнь населения и их язык общения. За сравнительно небольшой промежуток времени китайский чай стал поистине русским национальным напитком.

На ранней стадии развития Великого чайного пути торговцы из пров. Шаньси покупали чай с горного хребта Уишань, затем они его распределяли, продавали в д. Сямэй и отправляли из у. Чунань в г. Хэкоу Яньшаньского уезда.

Помимо чайного района Уишань, китайский чай поступал в Россию также из чайного района Янлоудун пров. Хубэй. После того как торговцы пров. Шаньси покупали чай, они перевозили его в г. Ханькоу, где формировали сборные грузы. Чай с горного хребта Уишань и из пос. Янлоудун доставлялся в г. Кяхту. На севере Китая другие районы также развивались благодаря процветанию Великого чайного пути, например г. о. Чжанцзякоу (пров. Хэбэй), пров. Хух-Хото и г. о. Баотоу (Внутренняя Монголия), что привело к развитию ряда узловых городов вдоль маршрута. По некоторым данным, к началу XX в. 86 % объема торговли на мировом рынке чая составлял китайский чай, а 60 % всего экспорта этого чая приходилось на экспорт из г. Ханькоу.

Но в 1850–1864 гг. антиправительственное Тайпинское восстание в Китае осложнило поставки чая в г. Кяхту. Во время восстания традиционные пути были перерезаны, и китайским торговцам пришлось изменить не только маршруты транспортировки чая, но и районы его закупок. Тогда торговцы из пров. Шаньси обратили свое внимание на чайный район Лянху (от кит. 两湖 – два озера), пересекающий провинции Хунань и Хубэй, где уже велась торговля чаем, но эта территория еще не являлась ключевым регионом. Так, чай из д. Лянху заменил чай с горного хребта Уишань. В результате купцы один за другим начали успешно продавать чай из д. Лянху, а те, кто торговал чаем с горного хребта Уишань, несли большие убытки, поэтому чай с данного горного хребта на российском рынке постепенно вытеснялся чаем из д. Лянху. В это время образовались новые производственные и чаоторговые базы, находящиеся в городах Аньхуа, Ханькоу и чайном районе Янлоудун.

После заключения Тяньцзиньского трактата (1858) и Пекинского договора (1860) россияне, наравне с другими европейцами, направились во внутренние области Китая для основания факторий, что ранее иностранцам было категорически запрещено. И если

до этого момента русский чайный сухопутный путь начинался от г. Кяхты, то теперь главная чайная дорога пролегла от чайного рынка центральной части Китая – г. Ханькоу. Такой выбор был сделан неслучайно. К моменту появления в порту иностранцев г. Ханькоу уже сформировался как центр китайской коммерции. Этот город находится в центральной части Китая у слияния р. Янцзы и ее притока (р. Ханьшуй), поэтому удобно соединяет все стратегические пути с помощью двух речных систем. В 1866 г. Тяньцзиньский торговый порт отменил вторичную экспортную пошлину, т. е. «налог Цзыкоушуй», что побудило тех российских купцов, которые раньше могли заниматься чайной торговлей только в г. Кяхте, массово направиться во внутренние районы Китая, особенно в г. Ханькоу, обладавший преимуществом транзитной перевозки речным, сухопутным и морским путями.

Все это привело к кардинальному изменению китайско-русской торговой системы. Во-первых, российские купцы самостоятельно стали отправляться в Китай для закупки чая в соответствии с договорами. Во-вторых, г. Ханькоу заменил г. Кяхту и стал главным мировым центром китайско-русской чаеоторговли. В-третьих, трансформировалась китайско-русская сеть торговли чаем. В-четвертых, изменилось доминирующее положение шаньсийцев в торговле чаем, и теперь русские купцы владели всем чайным бизнесом.

Отметим, что Великий чайный путь по объемам торгового оборота уступал Великому шелковому пути. Однако по протяженности, а также по экономическому и культурному влиянию, оказываемому на жизнь участников чайной торговли, Великий чайный путь полностью сравним с Великим шелковым путем. Архитектурный стиль городов, который охватывал Великий чайный путь, в течение более 300 лет претерпевал постепенные изменения. В Китае вдоль этого пути сформировались величественные архитектурные ансамбли династий Мин и Цин. В России только в городах Москве и Санкт-Петербурге появились более 200 усадеб знаменитых чайных купцов и здания в китайском архитектурном стиле. В городах Кяхте, Иркутске, Москве, Санкт-Петербурге, Ханькоу, Калгане, Пекине и Шанхае сохранились в первозданном виде музеи под открытым небом. В азиатской части России уцелели исторические деревянные сооружения в китайском стиле. По сути, Великий чайный путь изменил жизнь всей России. В быт русского народа прочно вошел самовар, люди начали активно пить чай. Во многих провинциях и губернских городах жители получили возможность не только покупать и обменивать товары, но и работать, обслуживая чайный путь.

При проведении научно-исследовательской экспедиции «Великий чайный путь» автор данной статьи вместе с преподавателями и студентами Уханьского университета посетила пос. Янлоудун, с которого начинался китайско-русский чайный торговый путь. Основой процветания этого поселка стали чайные плантации. Река Янцзы, обхватывающая пос. Янлоудун, передает склонам горы свою влагу и таким образом создает комфортные условия для чаеводства и дальнейшей транспортировки чая в г. Ханькоу.

Здесь до сих пор сохранились мощные зеленым камнем улицы эпох династий Мин и Цин, по сторонам которых располагаются деревянные магазины и лавки. Каменные плиты вещают об истории поселка и о тех людях, чьим трудом и чьими стараниями чай стал известен в России. В местной чайной продается настоящий янлоудунский чай, отличающийся своим удивительным вкусом и запахом. Вдоль реки, у которой по сей день сохранился каменный причал для погрузки чая на корабли, расположена древняя улица. Когда стоишь на причале, кажется, что в туманной дымке, как и прежде, плывут китайские джонки, доверху загруженные чаем. Именно отсюда кирпичный чай по воде доставлялся к оз. Хуангайху и дальше по р. Янцзы до г. Ханькоу. Следуя по Великому чайному пути, янлоудунский чай стал неотъемлемой частью мировой цивилизации¹.

В г. Ханькоу было построено около 100 зданий в российском архитектурном стиле, включая самую большую в мире (в то время) группу чайных фабрик русских купцов и самую древнюю православную церковь в г. Ханькоу.

В. Г. Дацышен писал: «Именно благодаря чайной торговле двусторонние отношения России и Китая вышли на качественно новый уровень. Россия впервые открыла в Китае консульское учреждение, причем вице-консулом был назначен первый русский чайный торговец в Ханькоу – Иванов. Позднее пост вице-консула Ханькоу предложили чаепромышленнику Пономареву» [9, с. 39].

К середине XIX в. достигла своего апогея торговля в г. Кяхте, однако ее настиг кризис, который был обусловлен использованием морского пути, проходящего через порты городов Шанхая, Гуанчжоу, Владивостока, Одессы. Это делало перевозку чая дешевле. В 1903 г. завершилось строительство Транссибирской магистрали, что окончательно положило конец караванной торговле. С открытием Суэцкого канала (1869) и Транссибирской железной дороги г. Кяхта остался в стороне от торговых отношений, а деловая жизнь в г. Тяньцзинь, центре сухопутной торговли, постепенно прекращалась.

Великий чайный путь связал страны Центральной, Северной и Восточной Европы, Беларусь, Рос-

¹Ажгиревич О. И. Русские сны о Ханькоу // Кяхтин. альманах. 2021. 13 дек. С. 3–4.

сию, Монголию и Китай, а также сохранил систему производства чая, его перевозки и оптовой продажи в конфигурации международной торговли. Территория Беларуси и России чрезвычайно богата различными видами культурных маршрутов, которые можно причислить к объектам культурного наследия.

По мнению исследователя Н. В. Максаковского, сегодня серийные (кластерные) и трансграничные объекты по-прежнему привлекают внимание ЮНЕСКО. Это еще одна возможность для стран-участниц более эффективно продвинуть в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО собственные новые объекты. Собирая воедино ценности, распределенные по своей территории, и (или) кооперируясь при подготовке совместных номинаций, страны, как правило, достигают намного больших результатов. Показательна серийная трансграничная номинация 2005 г. «Геодезическая дуга Струве», охватывающая 10 европейских стран (включая Беларусь и Россию). В нее вошли 34 отдельные точки – старинные триангуляционные пункты, лежащие вдоль меридиональной линии (от северной Норвегии до Молдавии) длиной около 3000 км. Данная номинация демонстрирует огромный потенциал серийных и трансграничных номинаций [10, с. 27].

В связи с этим автор настоящего исследования полагает включить культурные маршруты Беларуси и России по Великому чайному пути в серийную трансграничную номинацию «Культурный маршрут “Великий чайный путь: сеть маршрутов Ханькоу – Улан-Батор – Кяхта – Санкт-Петербург – Витебск”».

В Беларуси можно выделить культурный маршрут «Путь “из варяг в греки”» в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Народы Восточно-Европейской равнины по своему геополитическому положению не только находились в зоне прямых контактов с жителями Востока, но и служили посредником между культурами Запада и Востока.

Такая система политических и экономических отношений представляла собой взаимосвязь западного (Британия – Ютландия – Скандинавский полуостров) [11] и восточного (Передняя Азия – Северный Кавказ – Волжский путь) направлений трансконтинентальной системы торговых путей [12, с. 96–100]. По мнению Г. С. Лебедева, эти ветви на рубеже VIII–IX вв. «смыкаются на Балтике, образуя уникальный в своем роде “серебряный мост”, перекинутый через североевропейский *barbaricum* и связавший пространства от Британии на западе до Прикамья на востоке, от окраинных областей Норвегии на севере до причерноморско-каспийских степей на юге Европы» [13, с. 100].

Знаменитый путь «из варяг в греки», который называли еще янтарным путем, и торгово-ремесленные поселения под городами Новгородом, Полоцком

и Смоленском составляли единую систему центров и путей, по которым арабское серебро доставлялось в Британию и Скандинавию.

Регион Витебского Подвинья является связующим звеном на пути «из варяг в греки». Через белорусские земли пролегали две важнейшие водные артерии – р. Днепр с его мощными притоками (реки Березина, Друть, Припять) и р. Западная Двина. Водный путь «из варяг в греки» соединил в общую систему Балтийское и Черное моря. Он протянулся через русские земли на тысячи километров с севера на юг. Путь проходил из Варяжского (ныне Балтийское) моря по р. Неве, оз. Ладожском, р. Волхов, оз. Ильмень, р. Ловати, затем волоком до р. Торы, впадавшей в р. Западную Двину, далее вниз по р. Западной Двине до р. Кацли, затем волоком до р. Днепр и далее в Черное море, вдоль западного побережья которого доходили до г. Царьграда². В связи с этим автор данной статьи считает, что путь «из варяг в греки» можно выделить в качестве культурного маршрута как объекта культурного наследия ЮНЕСКО.

В России существуют следующие культурные маршруты: региональные (например, Великий чайный путь в Республике Бурятия) и общий (Российский чайный путь). Сейчас в Республике Бурятия и пров. Хубэй проводится полномасштабное исследование. Особое внимание в данном исследовании уделяется описанию историко-географического положения и современного состояния туристической инфраструктуры в муниципальных районах Республики Бурятия, в которых формировалась система дорог и развивалась инфраструктура Великого чайного пути. Автор данной статьи предполагает, что необходимо связать в единую сеть все культурные маршруты Великого чайного пути в современных районах Республики Бурятия для представления полномасштабной картины прохождения рассматриваемого пути. В частности, сейчас активно разрабатывается и развивается Удунгинский купеческий тракт как культурный маршрут. Поддерживают существование этого проекта потомственный казак и краевед М. В. Лазарев, доктор географических наук, профессор И. А. Захаренко, аспирантка Белорусского государственного университета О. И. Ажгиревич и др. Исследовательская группа планирует провести историко-географическое и культурно-туристическое обследование девяти основных и пяти дополнительных районов Республики Бурятия и издать монографии о культурно-исторических маршрутах Великого чайного пути как культурного наследия Республики Бурятия и пров. Хубэй.

Намеченная стратегия будет способствовать встраиванию культурных маршрутов Беларуси и России в Великий чайный путь, что приведет к социальному и экономическому развитию малых городов и исторических сельских поселений.

²Путь «из варяг в греки» // Megabook : универс. энцикл. Кирилла и Мефодия : сайт. URL: <https://megabook.ru/article/Путь%20из%20варяг%20в%20греки> (дата обращения: 10.05.2022).

Заключение

Культурный маршрут, который изначально был транспортной линией и формировал культурные обмены в процессе своего развития, представляет собой особый тип культурного наследия. В современных условиях реализации инициативы «Один пояс, один путь» Великий чайный путь, соединяющий Запад и Восток, вступает в период своего возрождения. Этот путь отражает непрерывный вклад различных культур в мировую культуру и может стать важным культурным носителем концепции построения в новую эпоху общества будущего. Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин назвал его вековым пульсом. Этот маршрут проходил через семь провинций Китая (Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Хубэй, Хэнань, Шаньси и Хэбэй), в каждой из которых сохранилось свое материальное наследие. В Китае проводится большая работа по выявлению и сохранению исторического, культурного и архитектурного наследия Великого чайного пути. Города, расположенные на этом маршруте, называются нитью жемчуга (Тан Лянчжи), и Китай прилагает большие усилия, чтобы эта нить не порвалась.

С точки зрения наследия культурного маршрута принятие Великого чайного пути в качестве матрицы культурного прогресса и культурных инноваций может открыть новый способ для взаимовыгодного и скоординированного развития и сотрудничества Запада и Востока. Сегодня особенно значима страте-

гия развития исторических партнерских отношений между китайскими (Пекин, Калган, Тяньцзинь, Гуанчжоу, Иду, Ухань (Ханькоу)) и российскими (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Астрахань, Тобольск, Енисейск, Иркутск, Улан-Удэ, Кяхта, Нерчинск, Владивосток, Якутск) городами. В Беларуси такими городами стали Полоцк и Витебск, так как они находились на пути «из варяг в греки», Брест, который является побратимом китайского города Уханя, и Минск, где расположен Китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень», развивающийся в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Культурные маршруты Великого чайного пути на территории Беларуси, России и Китая, как исторические реликвии древних транспортных путей, отражают межкультурные связи, являются посредником в межкультурном диалоге и обладают уникальным разнообразием, временной и пространственной непрерывностью и целостностью.

Автор настоящей статьи полагает, что совместная работа ученых Беларуси, России, Монголии и Китая над серийной транснациональной номинацией «Культурный маршрут “Великий чайный путь: сеть маршрутов Ханькоу – Улан-Батор – Кяхта – Санкт-Петербург – Витебск”» станет первым опытом взаимодействия и сотрудничества стран ареала Великого чайного пути при создании номинации из серии «Великий чайный путь» и примером интеграции, проявляющейся в дальнейшем расширении проекта.

Библиографические ссылки

1. Левко ОН, Штыхов ВГ, Габрусь ВТ, Дук ДВ, Тарасов СВ, Груша АИ и др. *Полоцк*. Минск: Беларуская навука; 2012. 779 с.
2. Иманкулов ДД. Транснациональная серийная номинация «Шелковый путь: сеть маршрутов Чанъань – Тянь-Шаньского коридора» как пример интеграции специалистов Китая, Казахстана и Кыргызстана. *Наследие и современность*. 2018;1(1):31–37.
3. Шульгин ПМ, Штеле ОЕ. Исторические пути и дороги как объект культурного наследия. *Наследие и современность*. 2018;1(2):95–112.
4. 冯子木. 川藏“茶马古道”文化线路遗产保护框架与GIS技术应用研究. 重庆: 重庆大学; 2016. 216 页 = Фэн Цзыму. *Исследование структуры защиты наследия и применения ГИС-технологий на культурном маршруте Сычуань – Тибет «Древняя дорога чая и лошадей»*. Чунцин: Чунцинский университет; 2016. 216 с.
5. Yang Yongsheng, Li Yongchong, Liu Wei. China, Russia and Mongolia's «Cultural corridor»: «Miles Tea Road» from the View of Silk Road economic region. *Economic Problems*. 2015;4:15–18.
6. Ажгиревич ОИ. Страноведение Великого шелкового и чайного пути. В: Достанко ЕА, Дедок ВМ, Вологина ОВ. *Сборник тезисов 78-й научной конференции студентов и аспирантов ФМО БГУ; 22 апреля 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 639–641.
7. 米镇波. 清代中俄恰克图边境贸易. 天津: 南开大学出版社; 2003. 170 页 = Ми Чжэнбо. *Китайско-российская приграничная торговля Кяхты при династии Цин*. Тяньцзинь: Издательство Нанькайского университета; 2003. 170 с.
8. Коваль МВ. Пограничная русско-китайская торговля в XIX в. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2013;3:20–30.
9. Дацышен ВГ. Чайная торговля в истории русско-китайских отношений (1861–1917 гг.). *Современная научная мысль*. 2018;6:37–48.
10. Максаковский НВ. Предварительный список Всемирного наследия России: история развития, современный состав, пути оптимизации. *Наследие и современность*. 2018;1(2):39–71.
11. Давидан ОИ. К вопросу о контактах древней Ладogi со Скандинавией. В: Нугис А, редактор. *Скандинавский сборник. XVI*. Таллин: Ээсти Раамат; 1971. с. 54–63.
12. Мельникова ЕА. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе: сравнительно-типологический аспект. В: Короткевич БС, редактор. *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции; 14–18 мая 2007 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа; 2009. с. 89–100.
13. Лебедев ГС. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1985. 286 с.

References

1. Levko ON, Shtykhov VG, Gabrus' VT, Duk DV, Tarasov SV, Grusha AI, et al. *Polotsk* [Polotsk]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2012. 779 p. Russian.
2. Imankulov DD. Serial transnational nomination «Silk roads: the routes network of Chang'an – Tianshan Corridor» as an example of integration of experts from China, Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Heritage and Modern Times*. 2018;1(1):31–37. Russian.
3. Shulgin PM, Shtele OE. Historical ways and roads as cultural heritage object. *Heritage and Modern Times*. 2018;1(2):95–112. Russian.
4. Feng Zimu. [Study of heritage protection structure and application of GIS technology on the Sichuan – Tibet cultural route «Ancient Tea and Horse Road»]. Chongqing: Chongqing University; 2016. 216 p. Chinese.
5. Yang Yongsheng, Li Yongchong, Liu Wei. China, Russia and Mongolia's «Cultural Corridor»: «Miles Tea Road» from the View of Silk Road economic region. *Economic Problems*. 2015;4:15–18.
6. Azhgirevich OI. [Regional studies of the Great Silk and Tea Roads]. In: Dostanko EA, Dedok VM, Vologina OV, editors. *Sbornik tezisov 78-i nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov FMO BGU; 22 aprelya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Collection of abstracts of the 78th scientific conference of students and postgraduates of the FMO BSU; 2021 April 22; Minsk, Belarus]. Minsk: BSU; 2021. p. 639–641. Russian.
7. Mi Zhengbo. [Kyakhta's Sino-Russian frontier trade in the Qing dynasty]. Tianjin: Nankai University Press. 2003. 170 p. Chinese.
8. Koval MV. Russian-Chinese border trade in the 19th century. *RUDN Journal of Russian History*. 2013;3:20–30. Russian.
9. Datsyshen VG. Tea trade in the history of Russian-Chinese relations (1861–1917-ies). *Modern scientific thought*. 2018;6:37–48. Russian.
10. Maksakovskiy NV. Russian Federation Tentative World Heritage List: history of development, modern structure, ways of optimization. *Heritage and Modern Times*. 2018;1(2):39–71. Russian.
11. Davidan OI. [To the question of the contacts of ancient Ladoga with Scandinavia]. In: Nugis A, editor. *Skandinaavia kogumik. XVI*. Tallinn: Eesti Raamat; 1971. p. 54–63. Russian.
12. Mel'nikova EA. [The emergence of the Old Russian state and the Scandinavian political formations in Western Europe: a comparative typological aspect]. In: Korotkevich BS, editor. *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii; 14–18 maya 2007 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [The formation of Russian statehood in the context of the early medieval history of the Old World. Materials of the International conference; 2007 May 14–18; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: State Hermitage Publishing House; 2009. p. 89–100. Russian.
13. Lebedev GS. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope* [Viking Age in Northern Europe]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1985. 286 p. Russian.

Статья поступила в редколлегия 18.09.2022.
Received by editorial board 18.09.2022.

УДК 7.012:[008]

СЕМАНТИКА ДИЗАЙН-ПРОДУКТА

Н. Ю. ФРОЛОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены особенности и принципы семантики дизайн-продукта. Важность понимания значения семантики для дизайна заключается в том, что благодаря ей дизайнер может проектировать продукты с улучшенными функциональными качествами, воплощая это в художественно-выразительную форму. Изучена проблема семантики, выявленная другими исследователями, проанализированы дизайн-продукты и на основании этого отмечено, как различные характеристики дизайна могут быть использованы для формирования цельного представления о назначении продукта. Раскрыт смысл применения семантики в дизайн-проектировании.

Ключевые слова: дизайн; дизайн-продукт; семантика дизайн-продукта; семиотика.

SEMANTICS OF THE DESIGN PRODUCT

N. Yu. FROLOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article are discussed the features and principles of design product semantics. The importance of understanding the semantics's meaning for design is that it allows the designer to design products with improved functionality while translating it into an artistically expressive form. Using examples from other researchers' consideration of semantics and product design analysis, it is pointed out how various design features can be used to form a coherent idea of a product's purpose. The aim of the article is to reveal the significance of the application of semantics in design engineering.

Keywords: design; product design; product design semantics; semiotics.

Введение

Человеку хочется верить, что все дизайн-продукты или дизайн-системы имеют определенную цель или смысл как для пользователя, так и для общества в целом. Многообразие продуктов дизайн-деятельности показывает, что это не всегда так. Современный дизайнер может создавать бесфункциональные предметы, что демонстрирует отсутствие целеполагания при проектировании объектов и систем. Часто такой

подход к процессу создания дизайн-продуктов может являться продуманной стратегией, что и происходит с некоторыми предметами современного коллекционного дизайна, которые выпускаются малыми сериями и призваны украшать пространство, а не выполнять функциональную нагрузку. Если посмотреть на работы одного из представителей арт-дизайна Г. Пеше¹, то не сразу становится понятно, что

¹Г. Пеше (G. Pesce) – итальянский дизайнер, архитектор, художник, один из последователей арт-дизайна.

Образец цитирования:

Фролова НЮ. Семантика дизайн-продукта. *Человек в социокультурном измерении*. 2023;1:24–33.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-24-33>

For citation:

Frolova NYu. Semantics of the design product. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2023;1:24–33. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-24-33>

Автор:

Наталья Юрьевна Фролова – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры коммуникативного дизайна факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Natallya Yu. Frolova, PhD (cultural studies), docent; associate professor at the department of communication design, faculty of social and cultural communications.
frolovanu@bsu.by

они сделаны дизайнером и выпущены серией. Наряду с функциональными и даже респектабельными объектами он создает предметы, в которых нарушается логика смысла. Его зеркало, в котором нельзя увидеть себя (рис. 1), ваза из фетра (рис. 2), кресло, сделанное из старой одежды (рис. 3), – все это выглядит довольно оригинально, но функциональность этих предметов вызывает вопросы.

Интересным примером могут служить работы голландского дизайнера Х. Йонгериус², вызывающие у потребителя смешанные чувства. С одной стороны, посуда, которую она делает, выполнена на высоком технологическом уровне и выглядит эстетично. Но то, что Х. Йонгериус добавляет в свой продукт, лишает его функционального значения (рис. 4 и 5).

Рис. 1. Г. Пеше. Зеркало. 2016.
Источник: <http://www.gaetanopesce.com/>
Fig. 1. G. Pesce. Mirror. 2016.
Source: <http://www.gaetanopesce.com/>

Рис. 2. Г. Пеше. Голубая фетровая ваза. 2021.
Источник: <http://www.gaetanopesce.com/>
Fig. 2. G. Pesce. Blue felt vase. 2021.
Source: <http://www.gaetanopesce.com/>

Рис. 3. Г. Пеше. Кресло Ямомото. 1994.
Источник: <http://www.gaetanopesce.com/>
Fig. 3. G. Pesce. Armchair Yamamoto. 1994.
Source: <http://www.gaetanopesce.com/>

²Х. Йонгериус (H. Jongerius) – голландский промышленный дизайнер, который фокусируется на сочетании противоположностей: новых технологий и предметов ручной работы, промышленного производства и ремесленничества, традиционного и современного формообразования.

Рис. 4. Х. Йонгерийус. Вышитая скатерть. 1999.
Источник: <http://www.jongeriusslab.com/work/embroidered-tablecloth>

Fig. 4. H. Jongerius. Embroidered tablecloth. 1999.
Source: <http://www.jongeriusslab.com/work/embroidered-tablecloth>

Рис. 5. Х. Йонгерийус. Нимфенбургские эскизы: чаши. 2004.
Источник: <http://www.jongeriusslab.com/work/nymphenburg-sketches-animal-bowls>

Fig. 5. H. Jongerius. Nymphenburg sketches: bowls. 2004.
Source: <http://www.jongeriusslab.com/work/nymphenburg-sketches-animal-bowls>

Примеры такого дизайна заставляют задуматься над тем, что, собственно, они должны значить. Только ли очевидное проявление функциональной или эстетической функции является необходимым условием понимания назначения дизайн-продукта? Современные дизайнеры отвечают на этот вопрос отрицательно. Данная проблема касается не только творческого подхода дизайнера, создающего вещи с иронией, оксюмороном и т. д.

Большое разнообразие предметно-пространственного мира индивида показывает, что не для всех дизайнеров открывается глубина значения формы и образа, потому что некоторые из них не понимают, как это влияет на выбор человека, несмотря на то что «всякая востребованная вещь обладает не только материальным, но семиотико-информационным бытием» [1, с. 249]. Одни дизайн-продукты практически не требуют взаимодействия с пользователем, другие используются интенсивно, а третьи остаются

пассивными артефактами, с которыми невозможно взаимодействовать. Все они тем не менее сообщают что-то пользователю благодаря своей форме, как правило, построенной архетипично. Форма, цвет, материал, дисплей или интерфейс демонстрируют пользователю то, каким способом возможно взаимодействие с продуктом и что от этого взаимодействия получит пользователь. Семантика продукта описывает данную коммуникацию и служит для человека главным источником выработки алгоритмов и способов манипуляции с различными типами предметов и систем.

В глобальном смысле целью любого дизайнера является создание коммерчески успешного продукта. Важность понимания семантики продукта обусловлена тем, что это дает дизайнеру преимущество в создании таких предметов и систем, которые становятся притягательными настолько, что формируют потребительский спрос. И дело даже не

в хорошо выраженной функциональности того или иного продукта. Если дизайнер умеет управлять зрительским вниманием, то некоторые его продукты становятся результативными в коммерческом смысле. Они вызывают спрос, интерес, формируют модные тенденции и свидетельствуют об осознанной работе дизайнера, поскольку «уровень проектирования в дизайне тем выше, чем отчетливее автор представляет себе смысловой потенциал своего продукта для данной группы, для данного потребителя» [1 с. 250]. Знание и понимание семантики продукта позволяют дизайнеру передавать посыл через форму и функциональные качества продукта, что делает дизайнера важным участником социокультурных и коммуникативных процессов современного мира.

В научной среде термин «семиотика» определяется как «научная дисциплина, изучающая производство, строение и функционирование различных знаковых систем, хранящих и передающих информацию»³, а семантика представляется как «отношения между знаками и их объектами»⁴.

Подходы к рассмотрению семантики дизайна

Дизайн оперирует не столько текстом, сколько образами, формой и символами. Понимание семантики дизайн-продукта зародилось в когнитивной психологии и впервые было представлено К. Криппендорфом, который определил, что «...семантика продукта – это не стиль, не программа и не движение. Скорее всего, это забота о смысле понимания артефактов пользователями и о том, как технические объекты символически встраиваются в ткань общества и какой вклад они таким образом вносят в автопоэзис культуры»⁵ [3, р. 10]. К. Криппендорф раскрывал семантику продукта через отношение между познанием дизайнера и опытом пользователя. Он отмечал, что продукты всегда рассматриваются в контексте действия, а пользователи выясняют функциональность дизайн-продукта в ходе взаимодействия с ним. В книге «Семантический поворот: новое основание дизайна» он писал: произошел качественный сдвиг от вопроса о том, «как и какие эмоции вызываются при использовании артефактов, к вопросу о том, что они могут означать» [4, р. 4]. Через название своего труда ученый заявил о важном переходе в исследовании дизайна от изучения того, как дизайн-продукты взаимодействуют с потребителем, к тому, что они значат и как интерпретируются. Кроме того, К. Криппендорф обозначал важность семантики не только для теории и практики дизайна, но и для современного общества, поскольку «...проектирование артефактов, имеющих

Семантика дает возможность обобщить и генерализировать знания о знаке. Важными элементами семиотики являются синтаксис, определяющий отношения знака с другими знаками, и прагматика, изучающая использование знаков в различных контекстах. Знаки представляют очень широкое поле обозначаемого, сформировавшееся благодаря личному и коллективному опыту. В первую очередь под термином «знаки» предполагаются языковые системы, поскольку «в современном понимании текст перестает быть пассивным носителем смысла, а выступает в качестве динамического, внутренне противоречивого явления – одного из фундаментальных понятий современной семиотики» [2, с. 146]. Семантика дизайн-продукта представляет собой обширную область, в которой и смысл, и значение продукта могут иметь множество аспектов. В данной статье основное внимание уделяется тому, какие принципы и особенности семантики дизайн-продукта необходимо учитывать для создания взаимодействия между потребителем и продуктом.

смысл и социальную значимость, фактически возвращает нас к утраченному значению латинского слова “дизайн”, что влечет за собой радикальный сдвиг в практике дизайна. Этот поворот к рассмотрению значения (артефакта. – Н. Ф.) обозначает семантический поворот в дизайне. Он обещает оживить дизайн и обеспечить ему важное место в постиндустриальном обществе» [4, р. 17].

Впервые проблему семантики дизайн-продукта обозначил Й. Грос, разработавший так называемый оффенбахский подход⁶. Теоретик дизайна является автором термина «расширенный функционализм». Кроме того, Й. Грос разделил все функции дизайна на «...практические (praktische Funktionen) и чувственно воспринимаемые (produktsprachliche Funktionen), которые, в свою очередь, делятся на формально-эстетические (formalästhetische Funktionen) и семантические (semantische Funktionen). Семантические же функции он разделил на знаковые (Anzeichenfunktionen) и символические (Symbolfunktionen)» [5, с. 144]. Согласно этой теории дизайн не только объясняет, что представляет собой продукт и как он функционирует, но и дает возможность потребителю получать и интерпретировать различные ассоциации, тем самым наполняя семантику продукта новыми смыслами.

Известный ученый Г. Н. Лола, разработавшая идею дизайн-кода как методологического семиотического

³Усманова А. Р. Семиотика // Новейший филос. слов. / под ред. А. А. Грицианова. Минск : Книжн. дом, 2003. С. 895.

⁴Там же. С. 896.

⁵Здесь и далее перевод наш. – Н. Ф.

⁶Этот подход в теории дизайна, который характеризовался попыткой преодоления функционализма и выработкой новой стратегии развития практики, связан с деятельностью Высшей школы формообразования Оффенбаха-на-Майне (*Hochschule für Gestaltung Offenbach am Main*) и работой видного теоретика дизайна Й. Гроса.

дискурсивного моделирования, отмечала, что дизайн способен создавать «ситуацию видения образа: концепт-код активизирует семиотические ресурсы, затем благодаря коннотациям семиотическое поле перестраивается в семиотическую ситуацию – своего рода энергетическую субстанцию, в которой образ становится видим; по мере прояснения образа обнаруживается метафора и определяется тема, которая окончательно упорядочивает семиотическую ситуацию, уточняет метафору и делает образ настолько отчетливым, что уже можно описать в базовом нарративе» [6, с. 58].

Для понимания значения символической функции необходимо рассмотреть ее в сравнении с эстетической функцией и функцией создания впечатления. Эстетическая функция является одной из основополагающих в дизайне. Именно использование художественного образа в процессе дизайн-проектирования связывает дизайн с другими художественными практиками, в первую очередь с изобразительным искусством. «Если искусство выполняет свою эстетическую миссию, пересоздавая мир в рамках художественной реальности, то дизайн – непосредственно создавая его» [1, с. 99]. Функцию придания впечатления от взаимодействия с дизайн-продуктом впервые обозначила Г. Н. Лола. Она отметила, что потребитель контактирует с предметами и системами в силу не только утилитарных, но и эмоциональных, психологических и социокультурных причин, поскольку «...впечатление вытаскивает человека из аморфных, диффузных состояний, как бы пропуская их через структуру, “оплавляя”, фиксируя, давая отправную точку для обретения нового опыта жизни. Впечатления могут быть разного масштаба и интенсивности – способные перевернуть жизнь или только на миг озарить ее, но в любом случае впечатления проливают свет, в котором жизнь выстраивается в осмысленное целое» [6, с. 12]. Особенность дизайна создавать впечатление характеризует его экспрессивный характер. Современные дизайнеры часто называют себя художниками, несмотря на то что имеют в своем арсенале систему разнообразных научно-технических средств, функционирующих на эмпирическом (наблюдение, экспериментирование, измерение и анализ) и теоретическом (анализ, обобщение и формализация) уровнях. Именно наличие способности мыслить образами эстетической и эмоциональной составляющих делает дизайн отличным от других проектных практик. Эмоциональность ди-

зайна заполняет пробелы безэмоциональности современного искусства и насыщает предметно-пространственный мир человека организованностью.

Функция впечатления (эмоционального отклика) дизайна, описанная Г. Н. Лолой, некоторым образом синонимична чувственно воспринимаемой функции, изложенной в теории оффенбахского подхода. Символическая функция этого подхода шире, поскольку охватывает символизм происхождения, включающий в себя и идентификацию объекта. Таким образом, в данной статье описаны некоторые принципы, способствующие выполнению семантической функции.

Семантическое значение дизайн-продукта основано прежде всего на его способности создавать коммуникативную среду для взаимодействия между потребителем и предметом. Особое значение приобрела коммуникативная функция дизайна, которая «...идентифицируется как сложный процесс установления и функционирования субъект-субъектных отношений посредством дизайн-объектов, дизайн-процессов и дизайн-систем. Происходит процесс перехода от системы человек – продукт – человек в систему человек – (дизайн-продукт) – человек» [7, с. 9].

Такая смена парадигмы демонстрирует усиление значения коммуникативной функции дизайна и дает возможность возникновения новых функциональностей, поскольку коммуникация есть смысловой и идейно-содержательный аспект социального взаимодействия между людьми.

В книге «Метафизика дизайна» Г. Н. Лола рассматривала дизайн в контексте его ключевых характеристик: концептуальности, контекстуальности и коммуникативности. Причем коммуникативность дизайн-продукта «представляет собой смысловое образование, облеченное в чувственный образ, вызывающий понимание-переживание, и одновременно включает в себе систему контекстов такого понимания-переживания – “искусственную форму”» [8, с. 146–147]. Однако коммуникативность дизайна может пониматься двояко: как одна из функций и как одна из сущностных характеристик феномена. В процессе функционирования человека с предметом происходит взаимодействие на физическом, психологическом и семантическом уровнях, а также осуществляется считывание смыслов, заложенных дизайнером. Коммуникация, перерастая в диалог между автором и потребителем, приобретает индивидуальные черты как автора, так и потребителя.

Особенности семантики дизайн-продукта

Для определения особенностей семантики дизайн-продукта необходимо обозначить важнейшие характеристики, которые отделяют дизайн от других проектных и преобразующих практик. Этими особенностями могут стать целесообразное фор-

мообразование, художественная выразительность и идентификация.

Способность выражать свою идею в форме является важнейшей отличительной чертой дизайна. Форма – это наиболее очевидный фактор, который,

как правило, раскрывает идейное содержание продукта и его функциональность, принадлежность к какому-либо классу предметов, статус и временной масштаб. Зависимость формы продукта от его функциональности существенно изменилась за последние сорок лет. Если с 1950-х гг. каждый предмет имел форму, которая точно указывала на его содержание и функцию, то сегодня семантика некоторых продуктов может быть раскрыта только с помощью их обозначения или в процессе взаимодействия, как это видно на примере современных девайсов (рис. 6 и 7).

Выразительность напрямую связана с профессиональными качествами дизайнера, поскольку именно они придают предмету уникальное воплощение образности продукта. И здесь речь идет в пер-

вую очередь о художественной выразительности, которая включает в себя и эстетичность, и соразмерность, и образность. Важным условием выбора именно этого продукта является его эстетическая привлекательность. Из двух товаров одинаковой функциональности скорее всего люди приобретут тот, который по внешнему виду нравится больше.

Идентификация продукта определяет его происхождение, принадлежность и функциональную направленность. Знаково-информационные системы являются дизайнерскими инструментами создания идентичности (неповторимости) продукта. Для дизайнера важно не только спроектировать продукт, но и создать систему идентификации для продвижения на рынке и выделения продукта из общего класса схожих продуктов.

Рис. 6. Дж. Робак. Концепция пульта дистанционного управления для компании Sony.
Источник: <https://www.yankodesign.com/2007/12/05/apple-remote-but-not-by-apple/>

Fig. 6. J. Roebuck. Remote control concept for Sony.
Source: <https://www.yankodesign.com/2007/12/05/apple-remote-but-not-by-apple/>

Рис. 7. Б. Смит. Концепт универсальной зарядной док-станции Stream.
Источник: <https://www.behance.net/gallery/191676/Stream>

Fig. 7. B. Smith. Stream universal charging dock concept.
Source: <https://www.behance.net/gallery/191676/Stream>

С 1950-х гг. крупные компании стали активно заниматься вопросами семантики продукта. Мировой рынок быстро наполнялся продуктами массового производства, и производители начали задумываться над тем, каким способом можно выделить свой товар на рынке. Возникла необходимость реализовать такой продукт, который создавал бы отличное от других впечатление, при этом не менял функциональности. В этот период возник новый стиль в дизайне, синхронизировавшийся с процессами в обществе и культуре, – постмодернизм. Он «резко повысил внимание к дисциплине в целом, а цифровые технологии дали возможность сформировать новый облик» [9, с. 455]. На рынке активно внедрялись

маркетинговые исследования для определения стратегий борьбы за потребительское внимание. В этом контексте форма и художественная выразительность дизайн-продукта стали отдаляться от своей первичной идентичности и вообще ничего не сообщать собственным видом потребителю о своем функциональном предназначении. Однако все понимали, что продукт не должен выдавать себя за то, чем он не является, иначе потребитель, который не понимает его назначение, не купит этот продукт.

Таким образом, главными принципами в значении дизайн-продукта должны быть целесообразное формообразование, художественная выразительность и идентификация.

Принципы семантики дизайн-продукта

Любой дизайн-продукт, наряду с определенными функциональными и художественно-выразительными характеристиками, должен обладать и некими значимыми принципами, которые помогают сформировать его целостное восприятие: принципами целостности, гармоничности и соразмерности.

Принцип целостности считается важным для многих практик, в том числе для дизайна, так как он позволяет потребителю опредмечивать и распредмечивать продукт. Принципы целостности в дизайне и в искусстве не совпадают. В искусстве данный принцип раскрывается через синонимичные понятия «гармония» и «единство»: «Опыт искусства, в котором прочно утвердились категории “целостность”, “единство”, “гармоничность”, может быть перенесен и на характеристики произведений, о которых мы говорим: целостное произведение, композиционное единство, гармоничная композиция» [10, с. 76]. В дизайне целостность понимается как единство создаваемого и воспринимаемого образа, так как образ и есть «емкое, надежное средство передачи информации об объекте, а также долговременного хранения ее в кладовой нашей эмоциональной памяти, поскольку образу свойственны целостность и внутренняя нерасчлененность» [11, с. 46].

Целостность дизайн-продукта может характеризоваться единством восприятия образа, т. е. выразительность формы и логика содержания должны быть взаимосогласованными. О предмете следует судить по тому, соответствует ли его форма содержанию, правильно ли использован материал и технология производства, логично ли структурирована конструкция и все ли части отвечают общей идее. Таким образом, цельность является логически выводимым принципом, который основывается на анализе формы, функции, целесообразности и идеи дизайн-продукта.

Принцип гармоничности (простой и сложный) бывает субъективен, он зависим от многих условий, учитывая, что «гармония – это установка культуры,

ориентирующая на осмысление мироздания (как в целом, так и его фрагментов) и человека с позиции полагания их глубинной внутренней упорядоченности»⁷. Этот принцип может интерпретироваться в зависимости от контекста, субъекта и предмета осмысления.

С точки зрения дизайнера гармоничный объект обязан выполнять ряд условий: быть эстетичным по форме и логичным по содержанию. Его функциональность должна отражаться во внешнем виде, части (если они есть) должны подчиняться общей структуре и художественному замыслу. Объекту нужно производить цельное впечатление, и оно не должно меняться в процессе взаимодействия с ним. Столетняя история развития дизайна показывает, что принцип гармоничности является для дизайнеров важным, но трудно формулируемым. Тем более этот принцип может меняться с течением времени и зависит от многих факторов (среда, мода и стиль).

Примером этого явления считается поиск гармонии в коллекциях дизайнеров И. ван Харпен и Р. Оуэнса. Каждый дизайнер пытается осмыслить современную гармонию по-своему. Несмотря на увлечение новыми материалами и технологиями, И. ван Харпен создает образы, олицетворяющие иную чувствительность и хрупкость человека. Женщины в платьях дизайнера превращаются в эфемерные создания, которые находятся в гармонии с миром, обретая баланс между поиском выразительности современных технологий и материалов и женственности. Так, И. ван Харпен в своей коллекции представил сложную конструкцию костюма с использованием пластика и металла, однако образ человека все же остается незащищенным (рис. 8).

У Р. Оуэнса представление о взаимодействии с миром человека более решительное. Его образы демонстрируют воинственный ответ окружающей действительности, в котором природа воспринимается как зона опасности, а внутренняя упорядоченность сменяется твердым решением противостоять миру (рис. 9).

⁷Можейко М. А. Гармония // Новейший филос. слов. ... С. 205.

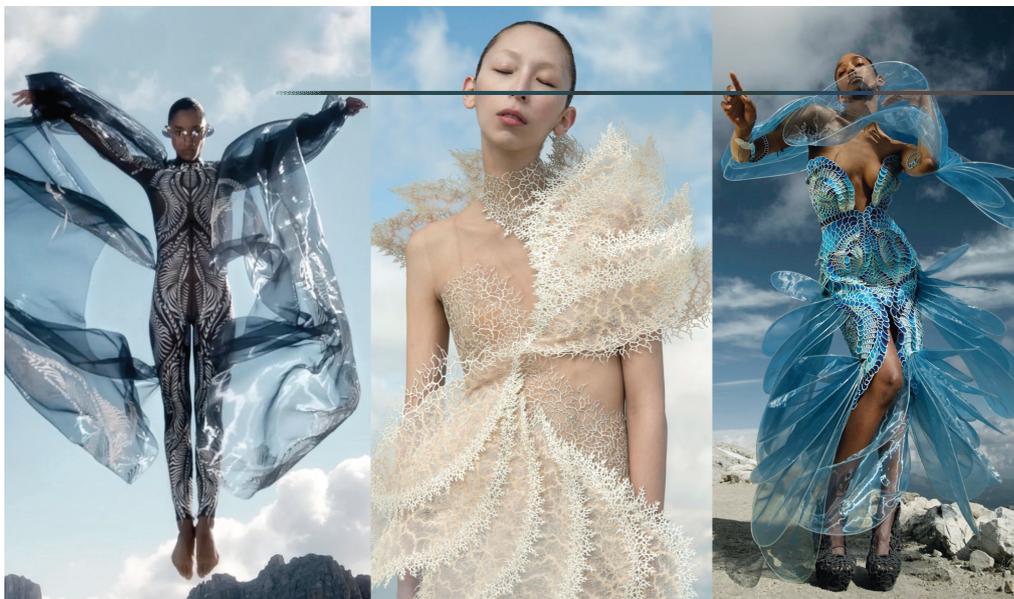

Рис. 8. И. ван Харпен. Коллекция Earthrise. 2021.

Источник: <https://www.irisvanherpen.com/collections/earthrise/editorial-21>

Fig. 8. I. van Herpen. Earthrise collection. 2021.

Source: <https://www.irisvanherpen.com/collections/earthrise/editorial-21>

Рис. 9. Р. Оуэнс. Коллекция Gethsemane. 2021.

Источник: <https://www.rickowens.eu/en/US/collections/women-fogachine-ss22>

Fig. 9. R. Owens. Gethsemane collection. 2021.

Source: <https://www.rickowens.eu/en/US/collections/women-fogachine-ss22>

Принцип соразмерности является довольно субъективным, потому что он определяет взаимоотношения человека и предмета в среде. Соразмерность является «мерой всех мер» и обусловлена гармоничностью, цельностью и системностью как качественными и количественными характеристиками проектируемого продукта. В проектировании дизайнер должен не только руководствоваться эстетическими и функциональными требованиями, но и понимать соразмерность предмета действи-

тельности системе ценностей, психологическим особенностям, бытовым привычкам, нормам поведения и вкусам потребителя. Иначе говоря, проектируемый продукт должен соответствовать времени и месту в решении определенных задач потребителя. Например, такая проблема, как обустройство остановки общественного транспорта, может быть решена в соответствии со средой и запросами потребителя. Но здесь может возникнуть вопрос о прогностическом проектировании.

В таком случае применяется принцип соразмерности: прогнозируются проблемная ситуация, условия и средства производства с соблюдением всех условий в будущем.

Дизайнеры, как правило, при постановке задачи рассматривают соответствие проектируемой системы (объекта) условиям и сфере их функционирования.

Однако не всегда продукты дизайн-деятельности соразмерны времени, месту, решаемой проблеме и запросу потребителя. Данный принцип является объективным, он определяет развитие человека и должен находиться в балансе с уровнем развития общественных отношений, среды и условий взаимодействия потребителя и дизайн-предмета.

Заключение

Изучение и понимание семантики продукта дают дизайнеру знания и формируют его стратегию в проектировании нового продукта. Инструментарий дизайнеров обширен, и его можно использовать для описания назначения и функционирования продукта, а также для создания образного представления о взаимодействии с ним. Для достижения этой цели наряду с принципами функциональности и эффективности применяются принципы целостности, гармоничности и соразмерности.

Функция выражения назначения предмета является тем пространством, где дизайнер может проявить свободу выбора в форме и средствах проектирования. Дизайнеры обладают возможностью передавать через образ и форму назначение продукта и его характеристику. Спортивный автомобиль демонстрирует свою скорость через обтекаемость формы и низкий клиренс, кресло выражает свой комфорт через соотношение глубины сиденья и высоты подлокотников. В этом плане дизайн-практика накопила множество шаблонов в различных направлениях и сферах. Дизайнеры оперируют выразительными средствами формы, материала и цвета, чтобы помочь дизайн-продукту отразить свое предназначение и сформировать у потребителя цельный образ. Это не значит, что образ в полной мере раскрывает семантику продукта. Примером могут служить современные девайсы, которые по форме, цвету и материалу не всегда могут воспроизводить свое функциональное предназначение.

Неоднозначность семантики предмета указывает на некоторые недостатки применения методологии семиотики к дизайну. Особенно это касается проблем культурного контекста. Для того чтобы раскрыть

значение продуктов, нужен единый культурный контекст, поскольку от этого зависит точность понимания. Закодированные в продуктах значения, будучи субъективными и основанными на личной интерпретации, кажутся произвольными. Семантика продукта касается идей и смыслов, которые дизайнеры вкладывают в свои продукты. Благодаря близости семиотики и знаково-информационных систем дизайна семантическая функция дизайна может использовать методы описания, выражения и идентификации. Понимание принципов семантики продукта и способность манипуляций с образностью позволяет дизайнерам создавать потребительский спрос и формировать потребительский интерес к дизайн-продуктам.

То, как нужно использовать знания о семантике дизайн-продукта, зависит от поставленной дизайнером цели. Для эффективного объяснения назначения продукта главным средством представляется форма. При выражении функциональности продукта нужно использовать дополнительные средства, например интерфейсы, помогающие понять алгоритмы взаимодействия человека и объекта.

Развитие семантического подхода в мире характеризуется формированием школ и научных направлений в исследовательских центрах. Сегодня становится совершенно очевидна необходимость изучения семантики дизайн-продукта, которая требует вовлеченного участия специалистов из различных сфер естественно-научных и гуманитарных дисциплин. Все вышесказанное убеждает нас в осмыслении семиотики и обращении дизайнеров к изучению и применению семантического подхода в дизайн-проектировании.

Библиографические ссылки

1. Быстрова ТЮ. *Вещь, форма, стиль. Введение в философию дизайна*. Москва: Кабинетный ученый; 2017. 374 с.
2. Лотман ЮМ. *Избранные статьи. Том I. Статьи по семиотике и топологии культуры*. Таллин: Александра; 1992. 479 с.
3. Krippendorff K. On the essential contexts of artifacts or on the proposition that «design is making sense (of things)». *Design Issues*. 1989;5(2):9–39.
4. Krippendorff K. *The semantic turn: a new foundation for design*. New York: Taylor & Francis; 2006. 349 p.
5. Гафаров ХС. Теория дизайна: от «методологии дизайна» к «оффенбахскому повороту». В: Уланович ОИ, редактор. *Гуманитарные технологии в образовании и социосфере*. Минск: БГУ; 2017. с. 140–146.
6. Лола ГН. *Дизайн-код: методология семиотического дискурсивного моделирования*. Санкт-Петербург: Береста; 2016. 264 с.
7. Фролова НЮ. *Дизайн как феномен культуры: статус, функции и детерминанты развития* [диссертация]. Минск: БГУКИ; 2021. 165 с.

8. Лола ГН. *Метафизика дизайна*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета; 2014. 155 с.
9. Филл Ш, Филл П. *История дизайна*. Бавин С, переводчик; Райская А, редактор. Москва: Колибри; 2014. 512 с.
10. Голубева ОЛ. *Основы композиции*. Москва: Искусство; 2004. 120 с.
11. Розенсон ИА. *Основы теории дизайна*. Санкт-Петербург: Питер; 2006. 219 с.

References

1. Bystrova TYu. *Veshch', forma, stil'. Vvedenie v filosofiyu dizaina* [Thing, form, style. Introduction to design philosophy]. Moscow: Kabinetnyi uchenyi; 2017. 374 p. Russian.
2. Lotman YuM. *Izbrannye stat'i. Tom I. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury* [Selected articles. Volume I. Articles on semiotics and topology of culture]. Tallin: Aleksandra; 1992. 479 p. Russian.
3. Krippendorff K. On the essential contexts of artifacts or on the proposition that «design is making sense (of things)». *Design Issues*. 1989;5(2):9–39.
4. Krippendorff K. *The semantic turn: a new foundation for design*. New York: Taylor & Francis; 2006. 349 p.
5. Gafarov KhS. [Design theory: from «design methodology» to the «offenbachian turn»]. In: Ulanovich OI, editor. *Gumanitarnye tekhnologii v obrazovanii i sotsiosfere* [Humanitarian technologies in education and sociosphere]. Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 140–146. Russian.
6. Lola GN. *Dizain-kod: metodologiya semioticheskogo diskursivnogo modelirovaniya* [Design code: semiotic discursive modelling methodology]. Saint Petersburg: Beresta; 2016. 264 p. Russian.
7. Frolova NYu. *Dizain kak fenomen kul'tury: status, funktsii i determinanty razvitiya* [Design as a cultural phenomenon: status, functions and determinants of development] [dissertation]. Minsk: Belarusian State University of Culture and Arts; 2021. 165 p. Russian.
8. Lola GN. *Metafizika dizaina* [Metaphysics of design]. Saint Petersburg: Publishing House of the Saint Petersburg State University; 2014. 155 p. Russian.
9. Fill S, Fill P. *Istoriya dizaina* [Design history]. Bavin S, translator; Raikaya A, editor. Moscow: KoLibri; 2014. 512 p. Russian.
10. Golubeva OL. *Osnovy kompozitsii* [Composition basics]. Moscow: Iskusstvo; 2004. 120 p. Russian.
11. Rozenson IA. *Osnovy teorii dizaina* [Fundamentals of design theory]. Saint Petersburg: Piter; 2006. 219 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.12.2022.
Received by editorial board 06.12.2022.

КУЛЬТУРНАЯ ТРАЎМА ЯК УМОВА ДЛЯ КАНСТРУЯВАННЯ КУЛЬТУРНОЙ ІДЭНТЫЧНАСЦІ

А. Д. КРЫВАЛАП^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў,
вул. Рабкараўская, 17, 220007, г. Мінск, Беларусь

Разгледжаны феномен культурнай траўмы як умовы для канструявання культурнай ідэнтычнасці. Тэарэтычным падмуркам сталі працы такіх даследчыкаў, як Дж. Ч. Александэр, Ч. Айдын, Р. Эйерман, П. Штомпка і Г. Маркузэ. Прапанаваны магчымыя інтэрпрэтацыі разумення культурнай траўмы ў якасці істотнай часткі дынамічнага працэсу стварэння культурнай ідэнтычнасці як на індывідуальным, так і на калектыўным узроўні. Прадстаўлена аўтарская спроба паказаць магчымыя сувязі паміж разуменнем культурных выклікаў, якія з'явіліся ў постіндустрыяльную эпоху (Г. Маркузэ), і трактоўкай канцэпцыі культурнай траўмы (Дж. Ч. Александэр). Канструяванне культурнай ідэнтычнасці спрыяе пошуку адказаў на пытанні адносна магчымасцей для пераасэнсавання ўласнага мінулага, што дазваляе паскорыць надыход будучыні.

Ключавыя словы: культурная траўма; культурная ідэнтычнасць; памяць; будучыня.

КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА КАК УСЛОВИЕ ДЛЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. Д. КРИВОЛАП¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабковская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Рассмотрен феномен культурной травмы как условия для конструирования культурной идентичности. Теоретическим фундаментом стали работы таких исследователей, как Дж. Ч. Александер, К. Айдин, Р. Эйерман, П. Штомпка и Г. Маркузе. Предложены возможные интерпретации понимания культурной травмы в качестве неотъемлемой части динамического процесса создания культурной идентичности как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Представлена авторская попытка показать возможные связи между пониманием культурных вызовов, возникших в постиндустриальную эпоху (Г. Маркузе), и трактовкой концепции культурной травмы (Дж. Ч. Александер). Конструирование культурной идентичности облегчает поиск ответов на вопросы о возможностях переосмысления собственного прошлого, что позволяет ускорить наступление будущего.

Ключевые слова: культурная травма; культурная идентичность; память; будущее.

Образец цитирования:

Кривалап АД. Культурная траўма як умова для канструявання культурнай ідэнтычнасці. *Человек в социокультурном измерении*. 2023;1:34–38.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-34-38>

For citation:

Krivolap AD. Cultural trauma as a condition for the construction of cultural identity. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2023;1:34–38. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-34-38>

Автор:

Алексей Дмитриевич Криволоп – кандидат культурологии; доцент кафедры культурологии факультета культурологии и социально-культурной деятельности.

Author:

Alexei D. Krivolap, PhD (cultural studies); associate professor at the department of cultural studies, faculty of cultural studies and socio-cultural activities.
email2krivolap@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4478-4930>

CULTURAL TRAUMA AS A CONDITION FOR THE CONSTRUCTION OF CULTURAL IDENTITY

A. D. KRIVOLAP^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkaraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The article is devoted to understanding of cultural trauma phenomenon for the construction of cultural identity. As a theoretical foundation, the works of such researchers as J. C. Alexander, C. Aydin, R. Eyerman, P. Sztompka, H. Marcuse are used. The article suggests possible interpretations of the understanding of cultural trauma as an integral part of the dynamic process of creating cultural identity, both at the individual and collective levels. The author's attempt is also presented to show possible connections between understanding the challenges that arose in the post-industrial era for culture (H. Marcuse) and the concept of cultural trauma (J. C. Alexander). The construction of cultural identity facilitates the search for answers to questions about the possibilities of rethinking one's own past, which makes it possible to accelerate the onset of the future.

Keywords: cultural trauma; cultural identity; memory; future.

Уводзіны

У дыскурсе сацыяльна-гуманітарных дысцыплін размовы пра культурную траўму актуалізаваліся ў 2000–2020 гг. Можна лічыць, што ўсё пачалося з публікацыі вынікаў даследавання стваральніка моцнай праграмы культурсацыялогіі Дж. Ч. Александэра, у якім ён паказваў сувязі паміж культурнымі траўмамі і калектыўнымі ідэнтычнасцямі. Сацыёлаг прадставіў дзве асноўныя стратэгіі разважання пра траўму: псіхааналітычны падыход, які разглядае наяўнасць траўм у дзяцінстве як крыніцу шматлікіх неўрозаў і маній, і філасофію Асветніцтва, якая тлумачыць траўму як рацыянальную рэакцыю на шокавыя змены ў грамадстве. У выпадку калі траўмы былі абсалютна рэальнымі і калі немагчыма спрачацца пра ступень іх рэалістычнасці, магчыма спакусіцца падобным натуралістычным разуменнем. Аднак замест падобнай некрытычнай версіі паходжання культурнай траўмы Дж. Ч. Александэр прапанаваў больш глыбокую інтэрпрэтацыю.

Дыскусія не грунтуецца на пытанні аб тым, ці была траўма ў рэальнасці, а пераходзіць на больш высокі ўзровень канцэптуалізацыі траўмы як сацыяльна-культурнай з'явы.

На яго думку, «культурная траўма ўзнікае, калі члены супольнасці адчуваюць, што яны падвергліся жудаснай падзеі, якая пакідае непазбыўныя сляды ў іх групавой свядомасці, назаўсёды пазначаючы іх успаміны і фундаментальна і незваротна змяняючы іх будучую ідэнтычнасць»¹ [1, р. 85]. Такое вызначэнне культурнай траўмы можна лічыць рабочым, яно будзе выкарыстоўвацца як зыходны пункт у разважаннях аўтара дадзенага артыкула на гэты конт.

Мэта артыкула – паказаць ролю культурнай траўмы ў працэсе канструявання культурнай ідэнтычнасці. Пры гэтым не абавязкова, каб траўма была фактам рэальнасці, а не чарговым сацыяльным канструктам, які выступае рэальным для значнай колькасці індывідаў.

Тэарэтычныя асновы культурнай траўмы

Існуе парадаксальнае падабенства паміж культурнай ідэнтычнасцю і культурнай траўмай: яны маюць амбівалентны характар, выступаючы адначасова на індывідуальным і калектыўным узроўнях. Кожная траўма – гэта вельмі персанальная гісторыя, якая можа быць выкарыстана для стварэння ўласнай індывідуальнай ідэнтычнасці як адметнасці і магчымасці адрознівацца ад *Іншых*. Таму важным будзе пытанне аб тым, якім чынам адбываецца пераход з індывідуальнага ўзроўню на калектыўны ўзровень.

Для індывіда культурным шокам, які абумоўлівае ўзнікненне асабістай культурнай траўмы, можа быць любое непрадбачанае і нечаканае дзеянне, на якое свядомасць чалавека проста не паспявае адрэагаваць адпаведным чынам, а таксама сітуацыя, што

не ўкладваецца ў галаве і (ці) здараецца знянацку. Для з'яўлення калектыўнай траўмы неабходны іншы збег акалічнасцей (іншы не па маштабе, таму што калектыўная траўма – гэта не арыфметычная сума індывідуальных траўм). Маецца на ўвазе прыцыпова іншая з'ява. Калектыўная траўма можа ўзнікнуць і без шокавага стана індывідаў. Гэта запаволеннае асэнсаванне ці схаванае разуменне далейшай немагчымасці былога сацыяльна-культурнага ўкладу ці прыняцце зруйнаванага стану сацыяльных стасункаў, калі былой супольнасці, да якой мог належаць індывід, больш няма. У выніку замест *Мы* з'яўляецца мноства атамізаваных *Я*, і кожны з іх сам за сябе. Супольнасці, якая існавала раней, цяпер няма. У такім выпадку пацярпелым з'яўляецца кожны, проста не ўсе паспелі

¹Тут і далей пераклад наш. – А. К.

адрэфлексаваць маштаб таго, што адбылося. І тут можа быць карысным зварот да псіхааналітычнага тлумачэння траўмы: праблема можа быць вырашана «шляхам не толькі навядзення парадку ў свеце, але і навядзення парадку ў сабе» [1, р. 89]. Калі гэта не адбудзецца, то свядомасць будзе працягваць адмаўляць наяўнасць праблемы праз выцясненне ўспамінаў аб з'яве, якая траўміруе, у падсвядомасць і спрабаваць вярнуцца ў папярэдні стан, дзе траўмы яшчэ няма.

Дж. Ч. Александэр падкрэсліваў, што «...падзеі самі па сабе не ствараюць калектыўнай траўмы. Яны па сваёй сутнасці нетраўматычныя. Траўма – сацыяльна апасродкаваная атрыбуцыя» [1, р. 91]. У некаторых выпадках для ўсталявання падобных атрыбуцый патрэбен час, іншым разам гэта сувязь можа з'явіцца непасрэдна падчас разгортвання падзей, а ў некаторых выпадках усё можа адбыцца імгненна. Важную ролю ў хуткасці дадзенай трансфармацыі адыгрываюць тэхналогіі камунікацыі. Адна справа, калі інфармацыя пра жахлівыя падзеі распаўсюджваецца з істотным спазненнем, і зусім іншая, калі ўсё адбываецца ў прамым эфіры і аўдыторыя медыя з'яўляецца сведкам катастрофы.

Пераход з індывідуальнага ўзроўню на калектыўны ўзровень асэнсавання траўмы магчымы, калі індывідуальнае пачынае разглядацца як сацыяльнае. Да таго часу пакуль супольнасць можа дазволіць сабе ігнараваць пакуты асобных індывідаў ці груп, гэта будзе траўмай некаторых індывідаў. Але ўсё можа імкліва змяніцца, калі дадзеная праблема пачне ўспрымацца як праблема культурная, якая закранае ўсіх. Гэта феномен рэпрэзентацыі і калектыўнага ўяўлення. Наколькі траўмы перажываюцца, а значыць, уяўляюцца і рэпрэзентуюцца, настолькі і калектыўная ідэнтычнасць падвяргаецца перманентнаму перасэнсаванню. Дж. Ч. Александэр пісаў: «Ідэнтычнасці ўвесь час канструююцца і забяспечваюцца з дапамогай сутыкнення твар у твар з сучаснасцю і будучыняй, а таксама праз рэканструкцыі больш ранніх перыядаў жыцця супольнасці» [1, р. 103]. Канструяванні ідэнтычнасці, якое будзе грунтавацца на бясконцых адсылках да мінулага, рана ці позна

прывядзе да пытанняў адносна будучыні. Спрабуючы вырашыць пытанні з мінулым, устанавіць гістарычную справядлівасць, зрабіўшы тое, што лічыцца правільным, культуры могуць нечакана для саміх сябе сутыкнуцца з выклікамі будучыні. І гэтыя выклікі магчыма разглядаць з дапамогай не толькі канцэпцыі выклікаў і адказаў А. Дж. Тойнбі, але і падыходу П. Штомпкі і яго разумення культурнай траўмы (сацыялагічны напрамак).

У зборніку «Культурная траўма і калектыўная ідэнтычнасць» П. Штомпка звяртаўся да феномена траўмы сацыяльных змен у посткамуністычных грамадствах. Трансфармацыя ці змены ў сферы культуры з'яўляюцца атрыбутыўнай характарыстыкай грамадства. Сацыёлаг пісаў: «Анталагічна грамадства ёсць не што іншае, як змяненне, рух і трансфармацыя, дзеянне і ўзаемадзеянне, будаўніцтва і рэканструкцыя, пастаяннае станаўленне, а не стабільнае быццё» [2, р. 155]. І гэта ўпісваецца ў канцэпцыю сацыяльнага станаўлення П. Штомпкі. На яго думку, «траўматычныя ўмовы або сітуацыі заўсёды культурна сканструяваны» [2, р. 165]. Калі чалавек успрымае сітуацыю як рэальную, то яны будуць мець абсалютна сапраўдныя наступствы для яго. Пры гэтым культурная траўма можа выступаць адначасова адмоўнай і станоўчай з'явай: як непазбежнае наступства траўматагеннага характару і як стымул для ўтварэння шэрагу іншых трансфармацый у якасці адказу і пераадолення атрыманай траўмы. У дачыненні да пытання ідэнтычнасці культурныя траўмы з'яўляюцца фактарам, які актывізуе паўторны запуск працэсу ідэнтыфікацыі, калі ідэнтычнасць разглядаецца як працэс, а не стан. Калі працэс перасэнсавання не запускаяецца, а траўма выціскаецца і ігнаруецца, то істотна павышаецца рызыка рэцыдыву і абвастрэння з цягам часу. Таксама гэта можа спрыяць утварэнню заганнай спіралі культурнай дэструкцыі, якая ўзмацняе сама сябе і абвастрае траўматычныя сімптомы. Такім чынам, характар праяўлення наступстваў культурнай траўмы ў значнай ступені залежыць ад асабовых якасцей індывіда: адукацыі, культурных кампетэнцый, сацыяльных сувязей і інш.

Паміж уяўленнем і рэальнасцю культурнай траўмы

Адной з праблем выкарыстання і разумення канцэпцыі культурнай траўмы можа быць недакладна акрэсленая ступень рэальнасці падзей. Віртуальныя дзеянні могуць мець абсалютна рэальныя наступствы.

Першапачаткова разважанні пра культурныя траўмы, якія ўплываюць на трансфармацыю культурнай ідэнтычнасці, тычыліся, бясспрэчна, рэальных падзей (напрыклад, даследаванне Р. Эйермана «Культурная траўма. Рабства і фарміраванне афраамерыканскай ідэнтычнасці» [3]). Рабства ў ЗША было адменена ў XIX ст., але рэха гэтага траўматычнага досведу магчыма пачуць і ў XXI ст. Культурная траўма рабства

існуе не столькі ў трагедыях індывідаў, а ў тым, што створаныя адпаведныя сацыяльныя інстытуты для культывацыі, рэпрэзентацыі і ўзнаўлення расавай дыскрымінацыі не зніклі аўтаматычна пасля адмены рабства. Практыкі памяці і забыцця непасрэдным чынам закранаюць мінулае і перафарміроўваюць нашы ўспаміны, рэдагуючы іх у адпаведнасці з наяўнымі нормамі і кантэкстам сучаснасці.

Р. Эйерман працягвае даследаваць узаемадзейненні паміж памяццю, культурнай траўмай і ідэнтычнасцю і ў сваім аналізе выходзіць далёка за межы глабальнай па катастрофічнасці ўласных наступстваў

проблемы рабства і расавай дыскрымінацыі. Праблема калектыўнай траўмы для сучаснага грамадства разглядаецца на прыкладах, якія ўзніклі на працягу XX ст.: вайна ў В'етнаме, катынскі расстрэл, халакост. Пры гэтым культурная траўма прэтэндуе на асобную ролю ў сацыяльнай тэорыі, дакладней на тое, каб інтэрпрэтацыя сацыяльнай тэорыі адбывалася праз опытку тэорыі траўмы. Калі раней наяўнасць траўмы магла ігнаравацца, то зараз яна значна ўплывае на працэс інтэрпрэтацыі сацыяльнага жыцця: «У гэтым новым кантэксце асабістая траўма і культурная траўма зліваюцца» [4, р. 105].

Нягледзячы на ўсе цяжкасці і спрэчныя моманты працэсу глабалізацыі, «...мара аб касмапалітычным свеце не памерла. Моцная надзея на стварэнне глабальнай грамадзянскай сферы застаецца» [5, р. 164]. Праяўленне гэтай мары магчыма заўважыць у шматлікіх рэпрэзентацыях глабалізацыі, калі яна выступае ў якасці новай формы сацыяльнай рэальнасці. Іншымі словамі, яна не проста адбываецца ў сусветным маштабе, але і стварае адпаведныя культурныя формы. Да такіх форм рэпрэзентацыі адносяцца і буйныя калектыўныя культурныя траўмы, якія прызнаюцца ва ўсім свеце.

Глабальны характар культурных траўм выяўляецца ў наступным: перамогі лакальных нацыянальна-вызваленчых рухаў у сярэдзіне XX ст. спрыялі з'яўленню таго, што сёння называюць посткаланіяльным станам свету. Абсалютна відавочна, што практыкі каланізацыі

можна разглядаць як калектыўную траўму. І адной з прыярытэтных задач магло б быць пераадоленне каланіяльнага мінулага. Аднак практыкі даследавання сацыяльна-культурнага стану былых калоній паказалі, што фізічная адсутнасць каланізатараў не з'яўляецца вырашэннем праблемы каланіяльнага мінулага. Культурныя траўмы каланізацыі, перманентна імкнучы вярнуць мінулае, у якім значна лягчэй зразумець, хто ёсць ахвяра, а хто – драпежнік. Імкненне забыць траўмы каланізацыі часам спрыяе сімвалічнаму вяртанню фігуры каланізатараў. Варта адзначыць, што траўма каланізацыі будзе адбівацца як на каланізаваных культурах, так і на саміх каланізатарах. Гэта з'ява разглядаецца на прыкладах такіх краін, што маюць траўматычны досвед каланізацыі, як Бельгія, Італія, Нідэрланды, Партугалія, Францыя і Японія [6]. І ў гэтым кантэксце варта згадаць тэкст Ч. Айдына пра тое, як забыць незабыўнае, калі размова ідзе пра калектыўную траўму і культурную ідэнтычнасць. Рызык сацыяльна-культурных праблем, якія могуць узнікнуць у выніку забыцця мінулага, перавышаюць станоўчыя фактары. Ч. Айдын паказваў, якім чынам «траўма можа прывесці да перапынку і разрыву ў фарміраванні ідэнтычнасці... якую ролю адыгрывае немагчымасць забыцця ў дэструктыўным уплыве траўмы на ідэнтычнасць» [7, р. 128]. Так, каланіяльны досвед немагчыма забыць, і таму працэс траўміравання будзе працягвацца. Замест забыцця неабходна прапрацоўка траўмы.

Культурная траўма і пераадоленне прынцыпу рэальнасці

У дадзеным артыкуле канцэпцыя культурнай траўмы і культурнай ідэнтычнасці разглядаецца і праз псіхааналітычны падыход у інтэрпрэтацыі Г. Маркузэ. Гэта сведчыць як мінімум пра тры аспекты, якія дазваляюць наблізіць падыход Дж. Ч. Александэра да канцэпцыі Г. Маркузэ, а таксама даследаваць працэсы канструявання культурнай ідэнтычнасці ў параўнанні з працай над пераадоленнем культурнай траўмы ў грамадстве.

Першым аспектам выступае глабальны характар падпарадкавання культуры «прынцыпу рэальнасці», які стварае глабальнае вымярэнне культурнай траўмы. Паводле Г. Маркузэ, «цывілізацыя рухаецца да самазнішчэння, паколькі ў яе падмурку знаходзіцца адмова ад задавальнення патрэб» [8, с. 78]. Гэта тычыцца не толькі пэўнай культуры, але і ўсёй сучаснай цывілізацыі. Як пісаў Дж. Ч. Александэр, «... калектыўныя траўмы не маюць геаграфічных або культурных межаў. Тэорыя культурнай траўмы без шкоды для чыіх-небудзь правоў можа быць прыменена ва ўсіх сітуацыях і выпадках, калі грамадствы сканструявалі і перажылі або не сканструявалі і не перажылі культурныя траўматычныя падзеі» [1, р. 107].

Другім аспектам з'яўляецца атрыбутыўны характар памяці і забыцця, калі селекцыя і выцясненне ў падсвядомасць нязручных успамінаў ператвараюць мінулае, якое вызывае разуменне

будучыні. На думку Г. Маркузэ, «...не прымірэннем з сучаснасцю павінна заканчвацца вызваленне мінулага... арыентацыя на мінулае пераходзіць у арыентацыю на будучыню. Пошук страчанага часу становіцца сродкам дасягнення будучага вызвалення» [8, с. 23].

Трэці аспект – гэта справядлівасць і салідарнасць, якія разам ствараюць аснову маральнага вымярэння глабальных культурных траўм. Дж. Ч. Александэр пісаў, што, «адмаўляючы рэальнасць пакут іншых, сацыяльныя групы не толькі змяняюць сваю адказнасць за іх пакуты, але часта і перакладаюць адказнасць за свае ўласныя пакуты на гэтых іншых» [1, р. 85]. Аднак пазіцыя Г. Маркузэ наконт гэтага значна больш радыкальная: «Забыць – значыць дараваць тое, што не падлягае прабачэнню з пазіцыі справядлівасці і свабоды. Такое прабачэнне адраджае ўмовы, якія ўзнаўляюць несправядлівасць і рабства: забыцця на мінулы боль – значыць дараваць тым, хто прычыніў яго, пакінуўшы іх пераможцамі. Раны, якія лецацца часам, утрымліваюць яд» [8, с. 201].

Прымаючы пад увагу згаданае вышэй, магчыма выказаць меркаванне аб тым, што канцэпцыя культурнай траўмы Дж. Александэра можа выступаць як працяг пошуку адказу на наступнае пытанне Г. Маркузэ: «Ці магчыма стварыць грамадства паводле прынцыпу задавальнення, а не прынцыпу рэальнасці?»

Висновы

Культурная ідэнтычнасць не мае ўніверсальнага характару і лакалізавана на розных узроўнях культурнай практыкі штодзённасці індывідаў, тады як культурная траўма не можа быць абмежавана выключна адміністрацыйнымі межамі той ці іншай культуры і імкнецца да глабальнага вымярэння. Культурная ідэнтычнасць трактуецца як частка працэсу рэпрэзентацыі і носіць перфарматыўны характар. Яна не ствараецца ў якасці статычнага варыянта падабенства да якога-небудзь ідэальнага аб'екта, а з'яўляецца дынамічнай часткай працэсу асэнсавання і канструявання сябе ў працэсе рэпрэзентацыі.

Стварэнне культурнай ідэнтычнасці тут і зараз непазбежна выклікае неабходнасць выпрацоўкі адказаў

на бяліччыя пытанні адносна разумення мінулага і пошукаў будучыні, калі праз пошукі страчанага магчыма знайсці будучае. Культура, як практыка, не проста заклікае да вяртання ў славітае мінулае, а прапануе праз яго пераасэнсаванне новых праекты будучыні. Канструяванне культурнай ідэнтычнасці з'яўляецца часткай індывідуальнай практыкі штодзённага жыцця і прапрацоўкі індывідуальных і калектыўных траўм. Менавіта культурная практыка мае сэнс для ідэнтыфікацыі як працэсу сацыяльнага станаўлення. Канструяванне культурнай ідэнтычнасці патрабуе наяўнасці адпаведнай культурнай формы і пэўных прынцыпаў арганізацыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Alexander JC. *The meanings of social life: a cultural sociology*. Oxford: Oxford University Press; 2003. 296 p.
2. Sztompka P. The trauma of social change: a case of postcommunist societies. In: Alexander JC, Eyerman R, Giesen B, Smelser NJ, Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press; 2004. p. 155–195.
3. Eyerman R. *Cultural trauma. Slavery and the formation of African American identity*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 316 p.
4. Eyerman R. *Memory, trauma, and identity*. Cham: Palgrave Macmillan; 2019. 216 p.
5. Alexander JC. *Trauma. A social theory*. Cambridge: Polity; 2012. 240 p.
6. Eyerman R, Sciortino G, editors. *The cultural trauma of decolonisation. Colonial returnees in the national imagination*. Cham: Palgrave Macmillan; 2020. 246 p.
7. Aydin C. How to forget the unforgettable? On collective trauma, cultural identity, and mnemotechnologies. *An International Journal of Theory and Research*. 2017;17(3):125–137. DOI: 10.1080/15283488.2017.1340160.
8. Маркузе Г. *Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества*. Юдин АА, переводчик; Кузнецов ВЮ, составитель. Москва: АСТ; 2003. 526 p.

References

1. Alexander JC. *The meanings of social life: a cultural sociology*. Oxford: Oxford University Press; 2003. 296 p.
2. Sztompka P. The trauma of social change: a case of postcommunist societies. In: Alexander JC, Eyerman R, Giesen B, Smelser NJ, Sztompka P. *Cultural trauma and collective identity*. Berkeley: University of California Press; 2004. p. 155–195.
3. Eyerman R. *Cultural trauma. Slavery and the formation of African American identity*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 316 p.
4. Eyerman R. *Memory, trauma, and identity*. Cham: Palgrave Macmillan; 2019. 216 p.
5. Alexander JC. *Trauma. A social theory*. Cambridge: Polity; 2012. 240 p.
6. Eyerman R, Sciortino G, editors. *The cultural trauma of decolonisation. Colonial returnees in the national imagination*. Cham: Palgrave Macmillan; 2020. 246 p.
7. Aydin C. How to forget the unforgettable? On collective trauma, cultural identity, and mnemotechnologies. *An International Journal of Theory and Research*. 2017;17(3):125–137. DOI: 10.1080/15283488.2017.1340160.
8. Marcuse H. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [Eros and civilisation. One dimensional person. Study of the ideology of a developed industrial society]. Yudin AA, translator; Kuznetsov VYu, compiler. Moscow: AST; 2003. 526 p. Russian.

Артыкул наступіў у рэдкалегію 06.12.2022.
Received by editorial board 06.12.2022.

МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

WORLD AND NATIONAL CULTURE

УДК 94(476)«19»+322(476)(091)«19»

БОРЬБА С РЕЛИГИЕЙ И ЦЕРКОВЬЮ В БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ (КОНЕЦ 1920-х гг. – 1941 г.)

И. И. ЯНУШЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализировано содержание информационно-пропагандистской работы партийных и комсомольских структур в Советской Беларуси по распространению атеизма. Установлено, что в рассматриваемый период единой точки зрения по вопросу оценки эффективности атеистического воспитания населения не существовало. Определено, что административные меры в виде закрытия храмов и арестов священнослужителей являлись основным инструментом борьбы с религиозностью населения.

Ключевые слова: православная церковь; антирелигиозная пропаганда; коммунистическая партия.

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. (подпрограмма «История», задание 1.03.206 «Социальная трансформация белорусского общества и процессы государственного строительства в Беларуси в 1920–30-х гг.», № гос. регистрации 20212415).

Образец цитирования:

Янушевич ИИ. Борьба с религией и церковью в Беларуси в условиях формирования командно-административной системы (конец 1920-х гг. – 1941 г.). *Человек в социокультурном измерении*. 2023;1:39–49 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-39-49>

For citation:

Yanushevich II. Struggle against religion and the church in Belarus under the conditions of the command and administrative system formation (the late 1920s – 1941). *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2023;1:39–49.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-39-49>

Автор:

Иван Иванович Янушевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Ivan I. Yanushevich, PhD (history), docent; associate professor at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications.
ivan-jan@yandex.ru

STRUGGLE AGAINST RELIGION AND THE CHURCH IN BELARUS UNDER THE CONDITIONS OF THE COMMAND AND ADMINISTRATIVE SYSTEM FORMATION (THE LATE 1920s – 1941)

I. I. YANUSHEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyses the content of the information and propaganda work of party and Komsomol structures in Soviet Belarus on the spread of atheism. It is established that during the period under review there was no single point of view on the issue of evaluating the effectiveness of atheistic education of the population. It was determined that administrative measures in the form of closing churches and arrests of priests were the main tool for combating the religiosity of the population.

Keywords: Orthodox Church; anti-religious propaganda; Communist Party.

Acknowledgements. The article was supported by the state programme of scientific research «Society and humanitarian security of the Belarusian state» for 2021–2025 (the subprogramme «History», task 1.03.206 «Social transformation of the Belarusian society and the processes of state building in Belarus in the 1920–30s», state registration number 20212415).

Introduction

By the end of the 1920s in the USSR there were tendencies of significant transformations in socio-political life. One of the most controversial was the church issue. The foundation of a new state system capable of ensuring development in conditions of political and economic isolation was being laid. The purpose of this work is to study the main directions of anti-religious agitation and propaganda activities of party and state structures as a significant component of all ideological work, which began at the turn of 1928–1929. The process of concentrating efforts to solve the most important national economic tasks also had an impact on the policy towards religion and the church. There

was no unambiguous position on church policy. The political conjuncture was decisive in the position of the party heavyweights. Directly determining the nature and content of anti-religious work, responsible workers could not develop a unified position on this issue¹. The 15th All-Union conference of the All-Union Communist Party (bolsheviks) in 1926 did not develop effective measures to combat the religiosity of the population. Measures to compromise the clergy, ridicule religion had no effect on 80 % of the population². That is how many percent of citizens, according to the Joint State Political Directorate (JSPD), continued to remain believers by 1928.

Results and discussion

Since 1927, there has been an increase in the number of religious organisations [1, p. 197]. Harsh anti-religious campaigns and aggressive church policy irritated citizens. The population did not see the presence of church organisations and clergy as a threat to the ongoing socio-economic transformations. At the same time, a person could associate a number of reasons for failures with the presence of godless power. Sometimes such thoughts were expressed publicly. As on the eve of the re-election of 1929, when the virtually uncontested election of a representative of the government as a deputy was commented as follows: «Trouble. The Antichrist was chosen again»³.

The opinion on the ways of further development of the only socialist state in the world by the end of the 1920s resulted in a plan of large-scale social transformations. Building a new, more prosperous and just society required

fundamental transformations in the humanitarian sphere as well. It was ideology that could unite people in the struggle for their fatherland. The ways and means of achieving the goal set by the party could be very diverse, and obstacles, including in the form of the alleged opposition of religious organisations, should be eliminated. In September 1927, J. V. Stalin indicated in an interview with the first American working delegation that the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) should lead the fight against religion and the church: «The party cannot be neutral in relation to religion, and it conducts anti-religious propaganda against all and every religious prejudice, because it stands for science, and religious prejudice goes against science, because every religion is something opposite to science... The party cannot be neutral with regard to religious prejudices, and it will conduct propaganda against these prejudices, because this is one

¹Rus. State Arch. of Socio-Polit. history (RSASPH). Fund 17. Invent. 60. File 791. Sh. 34.

²Ibid. Fund 89. Invent. 4. File 125. Sh. 2.

³State Arch. of the Rus. Federation (SARF). Fund 5407. Invent. 2. File 132. Sh. 30.

of the surest means to undermine the influence of the reactionary clergy who support the exploiting classes and preach obedience to these classes»⁴ [2, p. 132]. Of course, even if we assume that the leader, familiar with religious terminology, understood as religious prejudices precisely prejudices, and not beliefs, then all the same the direct executors had to accept this in the bolshevik interpretation. All ideological attitudes unequivocally pointed to the clergy as an obstacle in the construction of socialism. The CPSU and the security agencies have become the direct executors of the fight against real and potential enemies both inside the state and abroad. The internal party opposition was actually stopped. The General Secretary already had the opportunity to control the main party forces. However, the approach to religious organisations, as it turned out in the 1930s, required a special approach, including the availability of effective information and explanatory work. Forceful methods of work prevailed on the ground, which caused mass discontent of the population. In particular, the JSPD ambiguously assessed the use of virtually exclusively administrative measures⁵. In the BSSR, the situation with the organisation of effective anti-religious work was very difficult. In the spring of 1928, the secretary of the Central Committee of the Communist Party (bolsheviks) of Belarus (CC CP(b)B). V. Knorin stated: «Now we are attacking religion, and the priest and the priest are attacking us. We are hardly holding the positions that we had a few years ago, moreover, we are obviously retreating from these positions. The success of the religious movement is an indicator that we have not coped with the colossal task that we face – the spread of anti-religious influence over the working class»⁶. A year later, in the resolution of the Bureau of the CC CP(b)B «On measures to strengthen anti-religious work» stated: «The Bureau of the Central Committee notes that despite the existence of a number of directives from the Central Committee on strengthening anti-religious work, this work remains still not deployed, carried out from campaign to campaign and generally unsatisfactory, in no case able to resist the revival of religious organisations and especially all kinds of sects, Catholic clergy and Jewish clericalism, which occurs against the background of the aggravation of the class struggle»⁷. On 10 December 1928, Chairman of the Central Council of the League of Militant Atheists Ye. M. Yaroslavsky, when discussing measures to strengthen anti-religious work in the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (CC CPSU), demands a sharp activation from all party and state structures: «Comrades, the resolution proposed here and the factual material distributed to you paint a rather unsightly picture of

the situation of anti-religious propaganda and religious organisations. We consider the formulation of this question in the Central Committee as the formulation of one of the sides of our offensive against the capitalist elements in pursuance of the decisions of the 15th Congress. I must say that the party pays too little attention to the fact that, in the person of religious organisations, capitalist elements have a complex and strong apparatus of agitation and propaganda, which has a century-old experience of influence and relies on the incredible technical and cultural backwardness of agriculture, on the still strong influence of the kulaks»⁸. The task was specified in the circular letter of the CC CPSU dated on 24 January 1929 «On measures to strengthen anti-religious work»: «The Central Committee of the party draws attention to the fact that party, Komsomol and other public organisations provide too little support to the “Union of the Godless” and the cause of anti-religious propaganda (out of 128 party committees in January–June 1928, 64 did not discuss issues of anti-religious propaganda at all, and the party committees where this issue was discussed in most cases limited themselves to adopting general resolutions, without providing actual opportunities for their implementation). The Komsomol pays almost no attention to systematic anti-religious propaganda... The Central Committee draws attention to the fact that the success of anti-religious propaganda is hindered by the fact that in the ranks of party members, Komsomol members, members of trade unions and other Soviet organisations, there is an underestimation of such phenomena as the strengthening of the reactionary influence of religious organisations not only on the broad masses of workers and peasants, but also in some places, especially in the Muslim East, in Belarus, and on the grassroots apparatus of the Soviet government»⁹. It turned out that those who were supposed to be at the forefront of the fight against the influence of religious organisations actually sabotaged it. J. V. Stalin’s group needed to find a way out of the situation. His supporters, only by rallying around the party and the Komsomol, could resist a huge number of alleged opponents, more convinced, prepared in organisational and propaganda. The new bourgeois NEPman stratum, the kulaks did not arouse much sympathy among the population, however, in the matter of preserving the liturgical premises, paying taxes and payments, it was impossible to do without them. It was very problematic to weave a fist, a NEPman and a priest into a single triad. By this time, the Russian Orthodox Church had learned to survive in extremely unfavorable conditions. Illegal church structures operated. Further support of non-Orthodox groups and

⁴Hereinafter translation by us. – *I. Ya.*

⁵SARF. Fund 5407. Invent. 2. File 132. Sh. 133.

⁶Nation. Arch. of the Repub. of Belarus (NARB). Fund 4n. Invent. 1. File 4294. Sh. 26–27.

⁷Ibid. File 3508. Sh. 1.

⁸RSASPH. Fund 89. Invent. 4. File 26. Sh. 7.

⁹Ibid. File 125. Sh. 2.

confessions was even more dangerous, due to their close contacts with co-religionists from abroad.

The system of checks and balances established by the middle 1920s in state-church relations could not be considered sufficient at the end of the decade. Haphazard plans, reports, and references did not undermine the root causes of the population's religiosity. The personnel and propaganda potential of religious organisations, the material and technical base were still significantly ahead of the ideological vertical [3, p. 95]. At a meeting of the Organisational Bureau of the CC CPSU on 10 December 1928, Ye. M. Yaroslavsky gives the following figures and arguments: «The asset of religious organisations is about 500 thsd members of the spiritual councils of 2 different religious organisations. These members of the spiritual councils are almost exclusively, or at least half – disenfranchised, former landowners, merchants, kulaks... They have, in addition, 350 thsd agitators and propagandists-ministers of worship, then about 100 thsd monastics. Thus, if we take only this asset, we will get about 1 mln assets, sometimes very strong politically, really enjoying a certain influence and having a certain material base, which we atheists usually do not have... They still use our schools comparatively, at least they use schoolchildren. In Moscow, 35–40 % of schoolchildren, one way or another, are served by churchmen, sometimes schoolchildren of Komsomol age attend church... The clergy are moving to relatively more cultured “updated” methods of their work. They organise all kinds of choral circles, needlework circles, workshops, even try to organise all kinds of children's circles, preach the organisation of nurseries with religious influence on mothers, etc»¹⁰. All this potential with a certain degree of probability could be turned against the Soviet government. In the 1980s, the believer was not considered trustworthy, especially since it concerned the 1930s. It became obvious that despite the significant growth of the ranks of the League of Militant Atheists in 1929–1931, it was «an ear on clay feet». The figures of the growth of the ranks of the atheists were not supported by concrete actions, and if it was possible to create the illusion of violent activity in the press or at meetings, then there was practically no work in the field. Only persons who were completely dependent on the state and (or) convinced atheists could take decisive steps to promote materialism. J. V. Stalin appointed Komsomol members as the locomotive of godlessness, as in 1923. Which, by the way, were distinguished by a weak formulation of anti-religious work. The Central Committee of the Komsomol on 25 March 1930 on the work of the Western Regional Committee and the Central Committee of the Komsomol of Belarus stated the following: «The Central Committee notes: anti-religious work is not included in

all economic, political and propaganda work carried out by the Union of the Godless. Everyday systematic work is replaced by campaigning, and therefore anti-religious work turns into self-sufficient work, divorced from the immediate tasks of the Union of the Godless. The mass godless movement of working youth is extremely poorly organisationally fixed»¹¹. The Komsomol members were characterised by active actions of a hooligan nature. At the same time, they significantly revived anti-religious work, which began to be reduced almost exclusively to recruiting new members of the League of Militant Atheists without proper propaganda processing. In turn, the League of Militant Atheists was a structure that had to coordinate activities and methodological support. There were narrow departmental interests, where anti-religious work usually came last, and its implementation was considered the task of an exclusively specialised structure. Even the overestimation of the number of League of Militant Atheists members in 1931–1932 was obvious. Less than 2 % of the citizens of the USSR [4, p. 87]. They were unable to become organisers of systematic atheistic work. Meanwhile, anti-religious work is unambiguously interpreted as a front with all the consequences that follow from this: the struggle against religion and religious organisations is one of the urgent party tasks, one of the most serious tasks of the class struggle against capitalist elements¹². The League of Militant Atheists was tasked to convey the class essence of anti-religious activity more clearly and convincingly to the population: «Direct political campaigns, take for example the re-election of Soviets, and campaigns directly related to socialist construction, and also having political significance, take, for example, the distribution of loans, do not receive the desired scope in some places due to the opposition of churchmen and sectarians. The counter-revolutionary political struggle is being waged under evangelical slogans» [4, p. 5]. These words of the deputy Chairman of the Central Committee of the League of Militant Atheists of the USSR required the development of a system of protective measures primarily for the clergy and active parishioners. At the same time, the fact that already in the second half of the 1920s there was an autonomous system of communications and administration in the Russian Orthodox Church was not actually taken into account. Other cults were even more conspiratorial¹³.

The policy implemented through the JSPD in relation to religious organisations could become effective only if the hierarchs, clergy and parish councils turn out to be part or an appendage of the state apparatus. This Trotskyist attitude did not take into account the main thing – the possibility of cults to organise the functioning of their structures outside the official legal field. In the 1920s, this was clearly demonstrated by the secret ballot

¹⁰RSASPH. Fund 89. Invent. 4. File 26. Sh. 2–3.

¹¹Ibid. Fund 1m. Invent. 4. File 443. Sh. 70.

¹²Антирелигиозник. 1929. № 7.

¹³NARB. Fund 4п. Invent. 1. File 3513. Sh. 20–21.

for the election of the patriarch [1, p. 165]. At the legislative level, a number of restrictions are being adopted for persons deprived of voting rights. In 1931–1932, there were seemingly parallel processes. After the maximum administrative increase in membership in the League of Militant Atheists, the competent authorities recorded a significant increase in interest in worship services and participation in religious holidays¹⁴. At the same time, with these unfavorable facts for antireligious people, the process of closing the liturgical premises went on with short tactical interruptions, and by 1932 about half of them were no longer functioning¹⁵.

At that time, especially in 1936, a completely new question concerning the organisation of anti-religious work arose. On the one hand, almost all the liturgical buildings were closed, priests were withdrawn or were unable to perform their functions. On the other hand, forms of religiosity transformed so much that all previous methods of struggle had to be radically changed and brought into line with new realia. Because of the most powerful organisational and ideological capacities when compared with all existing opposition forces, religious figures pushed underground and changed hieratic practice actually became the most dangerous enemy of the Soviet propaganda. J. V. Stalin, in contrast to the overwhelming majority of people responsible for providing national security, understood groundlessness of assessment of population religiosity on such formal features as the number of existing houses of worship and performances of the sacraments and rites recorded. It was these indicators that in tsarist Russia had been wrongly regarded as a pledge of theopathy and allegiance to the authorities for 200 years. In the context of the need for crushing anti-government forces, J. V. Stalin, making in November 1936 an «On the draft Constitution of the USSR» report at the 8th Special All-Union congress of the USSR while discussing new constitution amended in terms of enfranchisement to the clergy, marked the following [5, p. 14]. At the same congress, J. V. Stalin rejected a proposal to ban any religious activity totally: «Then there is the amendment to art. 124 of the Constitution draft, requiring changes, which will provide banning of any religious rites. I believe this amendment should be rejected because it is not within the spirit of our Constitution»¹⁶. It is not clear what the developers of the Constitution and J. V. Stalin meant by the concept of «religious rites» but their exception from the category of formally prohibited acts indemnifies a significant number of citizens against criminal responsibility. For example, secret baptism of children was a mass phenomenon. Ad hoc bodies recorded them, and citizens performing secret baptism were seized. Believers were not subjected to the formal

administrative or criminal prosecution for performing religious rites. It was the presence of cases of performing religious rites that determined the level of propaganda activities efficiency when a bureaucratic system of performance records had already been established. To push any believers' religious activities underground intimidating them with criminal prosecution was much more acceptable for local authorities than to organise an effective system of public awareness campaign aimed at atheistic reeducation.

A census in 1937 was a milestone event in the organisation of the struggle against religion. The question of the relation of the settlement towards religion was raised by J. V. Stalin personally. The answer shocked both him and those who got access to the results. About 57 % (about 90 mln people) had enrolled that they had been believers in spite of the threat of various sanctions [6, p. 51–57]. If to take into account the secularisation of pre-revolutionary society, the liquidation of religious organisations, the objective impossibility of community-minded population categories to give an honest answer then the success in atheism propaganda (67 mln people) were not seemed to be as impressive as it was presented and expected by executive officials. Religious dope had amazed almost all the strata (classes) of socialist society. Religious commitment was high. An affirmative answer had been in general expected and justified from 94.5 % of those who were illiterate and aged 70 and older, while from 32.5 % of competent young people from 16 to 19 years it meant practically an all-around failure of the activity of the party and government institutions at the antireligious front. Although the census returns had immediately been classified, they represented the power balance at the local level. For example, in Drybin region while collecting signatures for the opening of the church from 303 from 1068 people were under 30 years old¹⁷. After a mass forced churches closure, clergy withdrawal, mockery of religious practices participants and treating believers with tolerance for their acts of hostility to the Soviet power, the situation for the reports outwardly seemed to be rather good and at a sufficient for self-complacency level. In fact, the situation has been detrimental both for agitation-and-propaganda work and for spiritual and moral condition of a society. It has already been repeatedly pointed out by the Commission on Cults under the Central Executive Committee of the Soviet Union: «Population's religiosity was driven underground by administration. It results in secret forms, it seeks escape and finds it first in some changes of religious practices and their current situation adaptation, and later it results in the forms of organised illegal groups, which are widely used by counter-revolutionary groups to create counter-revolutionary groups of fascist and terroristic

¹⁴State Arch. of Publ. Assoc. of Gomel Reg. (SAPAGR). Fund 261. Invent. 2a. File 131. Sh. 1.

¹⁵NARB. Fund 261. Invent. 1. File 13. Sh. 4.

¹⁶Ibid. Sh. 33.

¹⁷Ibid. Fund 4π. Invent. 1. File 12099. Sh. 370.

order»¹⁸. The style of the text corresponds to the spirit of that time. Moreover, 1936–1937 forced aids to consider all around them as fascists and terrorists, when in fact the absolute number of them, even if set for anti-bolshevik, simply wanted to practice a particular religion. Deprived of the opportunity to participate in the activity of officially registered and thus responsible for their cult practice and the attitude to the authorities organisations, believers have been subjected to serious ideological disorientation. For traditional denominations the emerging forms of religious life were often very far from canonical. We can find the following characteristics of these forms in the information of the Commission on Cults under the Central Executive Committee of the Soviet Union: «The stray priests have appeared. Various impostors, sorcerers, soothsayers, saints and many others have appeared and it is easy to be scammed»¹⁹. People's tendency to the occult and mystical actions substituted a traditional religion, thereby preparing «the ground for all sorts of anti-Soviet propaganda, rumors, gossip (about the Antichrist)» and «increasing the interest in religious beliefs in the community part»²⁰. Party leaders and the People's Commissariat for Internal Affairs realised that the pursued line for the destruction of organisational foundations of religious organisations was in fact erroneous and futile. It was impossible to withdraw a huge number of people and not profitable in view of the demographic situation and the lack of labour force. Even 20 years' period was not enough to reeducate those who absolutely didn't accept materialism but the question needed to be solved in the near future.

In order to localise the radical believers' influence, People's Commissariat for Internal Affairs of the BSSR offered the plan on pacification of the unassured: «Using the absence of functioning churches K/r church element conducts an intensified anti-Soviet agitation among the grass-roots layers of the population, interpreting the policy of the party and the Soviet government concerning free practice of worshiping in an anti-Soviet way, and makes believers go underground. Thereby and in order to strike the anti-Soviet religious core group more rapidly, and for anti-religious corruption of grass-root religious groups we consider it necessary to allow the renewal of divine service in a range of those churches (10–12), which do not function and the question of their closure has not been raised»²¹. The People's Commissar for Internal Affairs of the BSSR Major of State Security A. A. Nasedkin in his report to the Central Committee of the Communist Party of Belarus (CC CPB) in addition to his suggestion pointed at the necessity of anti-religious work intensification in the whole agitation-and-

propaganda system. The commissar knew the situation in the republic and realised, that the government actions on the closure of churches formed unfavourable conditions for the current anti-religious propaganda. By 1936, 10.9 % of the pre-revolutionary churches functioned in Belarus, though there were 28.8 % throughout the country, 35.6 % functioned in Russia and only in Ukraine the number was smaller than in Belarus – 9 %²². Besides, most complaints submitted by the Permanent Commission for Religion of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR concerned the illegal closure of churches. In 1935 as many as 152 delegates were from the BSSR. According to estimates of the above-mentioned commission, 32.4 % of churches were closed illegally²³. Moreover, 22 % of the legally closed churches did not function. In this case «legally» means that a certain procedure was conducted, and the absolute majority of the decisions taken by popular demand did not take believers' opinion into account. It is hard to believe, that villagers of Borodetskoye, Berezinsky region, agreed on the closure of their temple, while the nearest functional one was 70 km from their village. As for Vitebsk, after the last of the ten churches liquidation the nearest church was located 50 km away. When it was impossible to stop the service legally, local authorities resorted to different subterfuges. Particularly, during the harvest period, the issue of grain storage was the first on the agenda. Believers agreed on the temporary nonspecialised use of the church facilities as grain storage. They did not use the building during this period, but the payment for it was enforced anyway. After being used the churches were returned to the «believers in a corrupted form. Usually the property of these churches is broken and plundered»²⁴. Often churches were occupied for storing grain while there were other places available for such purposes. In this way, instead of improving the forms and methods of anti-religious work the local authorities used the tactics of the administrative pressure typical for the early 1920s and 1930s.

The top officials of the CPSU knew about the situation with anti-religious work at the local level. To make any fundamental decisions some catalyser was needed. The February-March plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks) in 1937 appeared to be the one where J. V. Stalin pointed out the shortsightedness of many officials in the political parties as well as the government leaders. On 3 April 1937, the CC CPB adopted a resolution «About the work of the Union of Godless in the BSSR». In the document the given organisation was blamed for the failure of the whole activity as it had not managed to form an effective system of anti-religious

¹⁸SARF. Fund 5263. Invent. 1. File 32. Sh. 110.

¹⁹Ibid.

²⁰Ibid.

²¹NARB. Fund 4п. Invent. 1. File 13219. Sh. 76–77.

²²SARF. Fund 5263. Invent. 1. File 32. Sh. 81.

²³Ibid. File 46. Sh. 76.

²⁴Ibid. File 32. Sh. 97.

education and in fact this organisation was about to disappear. Besides the main reasons there were other ones mentioned such as clogging the organisation with «class-alien» elements and lack of proper control over the atheists' activities from the party, All-Union Leninist Young Communist League and Trade Union. It should be noted that these structures had to be the core of atheists, but should not be limited and had only controlling and directing function. In the resolution it was stated that the leaders of the parties and the community were satisfied with the success of socialism construction and intended to weaken their attention to still existing and the most dangerous and cruel «remnant of capitalism – religious belief». The decision of the Central Committee indicated a personal responsibility of the party leaders, the leaders of Komsomol and the Trade Union ones and «offered to organise anti-religious work in accordance with the requirements of the party under the conditions of Socialism victory and Stalin's Constitution»²⁵.

The resolution from 3 April 1937 designed a wide range of mandatory measures. Firstly, there was a task to create an actually new structure of atheists' organisation within two months. The information about the state of the organisation was depressing: «the Central Council of the Union of the Godless of Belarus was elected in 1929 and co-opted in 1930–1931 and at the plenary session it consisted of 37 members. Moreover, 26 people were removed from the list of the plenary session, 16 of them were expelled from the party... Only 2–3 people out of the 11 remained were actively involved. The fee-based administrative office of the Central Council of the Union of the Godless consists of Executive Secretary Comrade Shoshin and an instructor. For 8 years, the Union of the Godless made no reports to the electorate and its work was not controlled by anyone. Throughout Belarus, the Union of the Godless organisation includes 30–35 thsd members, but nobody keeps an accurate count. Organising bureaus were created in 83 districts in 1937 but district councils were elected only in 10 districts at the Union of the Godless regional conferences. There is no massiveness in any kind of work from the Central Council to the Union of the Godless unit»²⁶.

The confirmation of the information is obtained from a third-party inspector. On 19 August 1937, the employee of the Central Council of the Union of the Godless A. Berezkin inspected Vitebsk region. In the reporting notice he gave the following characteristics to the situation in Belarus: «In Belarus, where a number of individuals were introduced into the body of the Central Council of the Union of the Godless, who at present are exposed as spies, saboteurs and adventurers, the Union

of the Godless organisation is in the state of complete collapse. The plenary session was composed of public enemies: Shukevich, Shchutsky, Kapaevich, Uspensky, Levkov, at present also exposed as a public enemy, was the head of the Central Council of the Union of the Godless Presidium in Belarus»²⁷.

It was necessary not only to create primary the Union of the Godless units in schools, factories, collective and state farms, but also to form and reshape decision-making structures in the regions, districts and cities of the republic. The party hierarchy had to strengthen them with the help of politically literate employees and make them free of other social burden. In large cities, it was planned to input full-time and paid secretaries of districts and city organisations [7, p. 14–18]. This plan was also addressed to the issue of strengthening the agitation-and-propaganda work getting community organisations, education, publishing companies, radio involved. The party-state structures were given the duty to gain the information about the forms and methods of «clergy and religious sects» activities and then to provide the center with this information. «In the last 14th paragraph it was stated»²⁸.

On 31 May 1937, All-Belarusian executive meeting of outreach offices was held where the revitalisation of anti-religious work was closely linked with strengthening the anti-Soviet agitation: «Bearing in mind that the churchmen and sectarians conduct their subversive activities in order to fight not so much for the religion, but to combat with the activities of the party and the government, and in particular they set the backgrounds for influencing the most backward masses of workers before the elections to the Supreme Soviet and other organs of the Soviet power, and for this reason the main task of the party organisations in the conducting anti-religious work should be the broadest deployment of the general political organisations on the issues of the international as well as domestic situation of the Soviet Union, the popularisation of the decisions and resolutions of the party and government at each enterprise, farm, state farm and among individual farmers. As for the most fanatically-minded individual groups of workers special attention should be paid to conducting a deep anti-religious propaganda, fully revealing the leaders of church communities and sects»²⁹.

The meeting put forward such a complicated task which requires great efforts and recourses simultaneously stating that the majority of the regions hadn't completed the bureau's resolution from 3 April 1937 to a minimum extent and on time.

During the summer period the situation changed insignificantly. In the resolution stating part of the

²⁵NARB. Fund 4п. Invent. 1. File 10990. Sh. 93.

²⁶Ibid. File 11852. Sh. 35–36.

²⁷Ibid. File 10990. Sh. 6.

²⁸Ibid. Sh. 95.

²⁹Ibid. File 11853. Sh. 76.

CC CP(b)B «About the state of the anti-religious propaganda in Belarus» of 7 October 1937 it was mentioned that the local party structures had not started the process of learning about the «disruptive activity of churchmen and sectarians» and were not capable to detect those who sabotaged anti-religious struggle. The resolution defined a range of events on the given issue. The necessity in reinstatement of the Union of the Godless structure was mentioned again. The Republican Union of the Godless Organising Bureau was created and it was to re-register all the existing Soviet members within 2 months and to launch the work on attraction of new members. To make it possible it was necessary to reestablish local units. It was planned to set up Organising Bureau in all cities and regions and they had to prepare and hold peripheral, regional and municipal conferences of atheists³⁰.

It should be mentioned that in comparison with the previous years anti-religious work was activated after the resolutions. In many cities and regions existing shock-workers of atheism were mobilised, new active members were recruited. There were lecture groups and propaganda teams created, conferences held. Anti-religious propaganda issues were discussed at the party's plenary sessions. However, that was not the system work, which the CC CPB insisted on. In the summary of the results for 1937 the following was stated: «Over years there have been no regional communities of atheists. The work of local councils has implied only conducting anti-religious campaigns. If some of them existed before, they all have disappeared since 1937 as no funds were given to support chargeable units in 1937»³¹.

In practice Komsomol organisations and trade unions were not engaged in anti-religious work and the party organisations did not manage to pay enough attention to this issue and were trying to be aside. The Union of the Godless which is directly responsible for this piece of work being supported at its own expense was about to disappear. Apart from organisational efforts, financing was needed to hold certain events and to pay salaries to the staff. Collected contributions could not cover the actual expenses³². In the draft resolution of the CC CPB from 27 October 1937 certain sums necessary for the organisation of the Union of the Godless activities were specified. In the resolution itself the question was formulated vaguely: «To propose the government to consider the cost estimate of the Union of the Godless for 1938 taking into consideration increasing the central office personnel, salaried secretaries allowance in all district, city and regional centers, funding publishing activity and running antireligious classes»³³. Meanwhile

people's commissariat of education did not complete the decision about an appropriate use of the funds devoted to antireligious propaganda.

On 28 October 1938, the Bureau of the CC CPB adopts the resolution «About strengthening antireligious propaganda and agitation in Belarus», where it is pointed out again, that «the state of antireligious propaganda in the BSSR is not satisfactory. Party, Komsomol, trade union and soviet organisations eliminated themselves from the administration of antireligious propaganda and the department of propaganda and agitation of the CC CPB did not supervise this most important sphere of agitation work»³⁴. On the whole, the resolution had an exclusively directive tone aimed at finishing the process of effective antireligious work started in April 1937. It should be noticed that the suggested plan on many positions was the same as some other similar documents of ten years' term, but concerning a completely different situation³⁵.

The resolution from 28 October 1938 supposed primarily the completion of the Union of the Godless organisational structure formation. The party vertical was in charge of this task. The communists, especially the responsible workers, were already overloaded with various issues, and by giving them another line of work, as we see from the analysis of the implementation of the resolution, the CC CPSU overestimated the capabilities of their regional, district and especially primary organisations. The main objects of antireligious influence by the middle of the 1930s were lower administrative officers and ordinary citizens. Setting up the Union of the Godless units from these people would have maximum effect. The Fee-based Administrative Office of the Central Council of the Union of the Godless stressed it in its instruction from 2 May 1937 about holding electoral meetings: «The meaning of the Union of the Godless conferences is great for our organisation. They should consolidate the success of conducted antireligious work in regions, strengthen the Union of the Godless management, unify the identified atheistic actives, elect efficient and reputable district councils of the Union of the Godless and thereby finish the reconstruction of the organisation. It should be understood that even good in its inner structure national or regional council will not achieve the best results without well-established and hard-working district councils. And only well prepared and held Union of the Godless conferences can elect such councils»³⁶. In the places where the work of the Union of the Godless was to be organised, the importance of lower structures was understood well, but «the absence of systematic work with the population» had to be

³⁰NARB. Fund 4п. Invent. 1. File 1035. Sh. 101.

³¹Ibid. File 12099. Sh. 387.

³²Калинина А. С. Трансформация церковно-приходской жизни православного населения БССР в 1929–1939 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск : БГУ, 2019. С. 24.

³³NARB. Fund 4п. Invent. 1. File 1035. Sh. 153.

³⁴Ibid. File 12475. Sh. 21.

³⁵Ibid. Sh. 24.

³⁶Ibid. File 11853. Sh. 73.

identified, as it was in Rechitsa in 1938 at a district party meeting³⁷. A comprehensive approach to the preparation of the conferences, indicated in the instructions of the Central Council of the Union of the Godless was likely to be ignored in almost all the regions of the BSSR. In many cases, an ideological event, important for a region or a city, resembled gathering of secret commissioners. For example, the conference held in Polotsk in August 1938 was formal and could bring nothing but harm to the front of atheism. The conference can hardly be called district. There were representatives of only three organisations – the railway, prison and college. The rest ones were appointed as the party organisers exclusively from the municipal organisations. No advocacy and awareness raising work within the enterprises and, furthermore, in the collective farms, was carried out. District Party and Komsomol Committees did not endow the conference with any political importance, which was designated by senior management. Instead of discussing the strategies to combat the «religious spell», with its «popularisers» as «ardent enemies of socialism» the assembled held the elections of the Union of the Godless district council, the members of the audit committee and the delegates to the regional conference. «The elections themselves were held in violation of the most elementary rules – not only the conference delegates were chosen, but also those who are not even the Union of the Godless members; the member of the District Council comrade Voronin (elected at this conference) to the question the delegate of which organisation he was, responded: «I was not a delegate, I am not even an the Union of the Godless member, I was just walking down the street, learnt about the Union of the Godless district conference was being held and decided to come and listen to it. At this time the District Council nomination was held, and my candidacy was put forward – so I was elected»³⁸.

Despite the shortcomings party and state structures in 1937–1938 managed to strengthen the work on the researched direction significantly. This concerned primarily the growth in the number of the Union of the Godless units and members. Whereas in 1935–1936, according to a very approximate optimistic data, there were about 30–35 thsd members, for 1 January 1939, there were already 2098 units and 60 206 members. By 1 January 1940, there were 2857 units and 90 913 thsd members³⁹. In fact, these figures were underestimated. Some districts did not report their data. Many established and functioning units were not registered. In the first half of 1940, their number continued to rise, most likely due to adding new units without control over the actual existence of the previously calculated

ones. Such accounting led to a certain complacency of the central party structures in the country, although there were three times fewer than in 1932. Weakening influence of ardent anti-religionists in Moscow was not aimed at active actions as well. There was a steady tendency in the termination of anti-religious activity, except for reading certain lectures and such presentations as «Harm of religious ceremonies» and «The origin and counter-revolutionary essence of Easter»⁴⁰.

Grass-roots leaders, operatives did not quite understand the essence of the anti-religious work. For them, the realisation of national economic plans was more important, and an elementary absence of underwear crosses and icons in houses and in flats was the evidence of atheistic re-education. In Kochanovich flax mill in Orsha the member of the factory committee Chistobaeva said, that having a meeting with the working women of Kostroma flax mill she saw even the young wearing crosses, and «We haven't got such facts»⁴¹. The chairman of the Communist Party Committee of Kirov factory in Vitebsk obviously quite consciously asserted: «We do not have believers. We have gone to all the workers' flats and have not noticed the icons»⁴².

In 1937, a complex of anti-religious activities started realising, originally having an organisational format of the Union of the Godless units revival. Based on creating the structure of atheists, the party organisations had to involve the largest possible number of participants into anti-religious work. The socially active part of the community was to become the main skirmishers in this direction. Teachers, doctors, technical officers, Komsomol and communists could influence the population by their examples of critical attitude to religion and church. The strongholds of antireligious work were concentrated in schools, reading-rooms, clubs. There were special courses for advocacy training, 103 listeners took them only in 1940. In the same year the supernumerary lecturing group consisting of 75 well – trained scientists was set up. At the Presidium of the Academy of Sciences of BSSR headed by academician S. Ya. Wolfson a group of atheism was created, which was assigned with the task of improving the scientific and methodological basis of atheistic work. The agitators and propagandists were assumed to deal with the preparation and publication of scientific and popular brochures. Individual atheists' work and lectures with pietistic colleagues and students' parents are becoming the main form of anti-religious work organisation. Presentations are reviewed and edited by leading Belarusian scientists. The Central Council of the Union of the Godless of the BSSR lecturing

³⁷SAPAGR. Fund 254. Invent. 1. File 212. Sh. 114.

³⁸NARB. Fund 4п. Invent. 1. File 13189. Sh. 80.

³⁹Ibid. File 13974. Sh. 50.

⁴⁰Ibid. File 15629. Sh. 22.

⁴¹Ibid. Sh. 20.

⁴²Ibid. Sh. 26.

group read 803 lectures only in 1940, 526 of them in the western regions, to about 72 thsd listeners⁴⁵.

A significant drawback in the organisation of anti-religious work was the unwillingness of such primary organisations as Komsomol and Trade Union to deal with the problem. These organisations virtually ignored this sector of advocacy. Having considerable funds they were eager to make money holding leisure activities rather than ideological advocacy of workers. In June 1941, the Central Committee of Komsomol pointed out that some of their institutions were too enthusiastic about «vulgar» and depraving fee-paying leisure activities, having made it «practically the only form of youth recreation service»⁴⁴. In rural area, where the bulk of religious people were concentrated, the anti-religious work was very poor or even absent. The central national press contribution to the promotion of atheism was also insufficient. During 1940 such newspapers as «Zvezda» and «Sovetskaya Belorussiya» published only 3–4 relevant materials, while some regional newspapers published only 1–2, which in the conditions of anti-religious literature insufficiency made the work of grass-roots organisations much more difficult. By July 1941, mainly due to lack of qualified staff it was impossible to organise the

work of village reading rooms and the party educational offices. Their functioning was only formal. In reality the buildings were poorly equipped, permanently closed and available literature was not read. The reunion with Western regions of Belarus and Ukraine contributed to the movement of qualified propagandists to those parts, which made a negative impact on the work in Eastern regions.

The year of 1940 did not bring the premises for strengthening anti-religious propaganda. The republic enlargement led to the transfer of a large group of party members to the Western regions. On the reunited territories religion and church organisations were an integral part of local population life. They had a «pestilential» effect not only on ordinary citizens of the Eastern regions, but also on responsible party members and their families. The party leader, J. V. Stalin understood the absence of potential for the entire social secularisation. Most of the citizens were both religious and conscious creators of a new Soviet State. The anti-religious activity could not be ceased since sharp attacks on traditional confessions led to the emergence of a considerable number of religious groups and streams, including occult-mystical ones, but the issue was not on the agenda any more.

Conclusion

Thus, this study shows that by the beginning of the World War II there had been no formal effective model of anti-religious work in the BSSR. The leading and guiding role of the All-Union Communist Party (bolsheviks) in the expansion of atheism had not brought the proper result. The party structures were not able to mobilise all their sources to fight against the religiosity of the population. The executive power gave no financial support to the anti-religious party decisions. Public organisations, educational system, carrying out their specific tasks, could not pay a considerable attention to that issue. The party structures showed no unity in the struggle for the public ideology. The Union of the Godless, fully

controlled by the party, could not attract and, therefore, make active propagandists of atheism even a tenth of people with a materialistic view. By 1941, a quite effective agitation-and-propaganda structure could solve rather complicated problems in the sphere of ideological influence but still there was no consistency and effectiveness in terms of anti-religious work. The majority of the Soviet people did not have a materialistic view, and emerging forms of religious practices and communities harmed the spiritual and moral development of the society. The atheistic experiment of bolsheviks cost a lot to the Soviet people. Even today the society and the state feel its consequences.

Библиографические ссылки

1. Поспеловский ДВ. *Русская православная церковь в XX веке*. Москва: Республика; 1995. 511 с.
2. Сталин ИВ. *Сочинения. Том 10*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1949. Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 г.; с. 92–148.
3. Янушевич ИИ. Трансформация основных направлений антирелигиозной работы в 1929 г. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки*. 2016;9:92–98.
4. Алексеев ВА. *Штурм небес отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР*. Москва: Россия молодая; 1992. 304 с.
5. Сталин ИВ. *Доклад аб праекце Канстытуцыі Саюза ССР*. Мінск: Партвыдавецтва ЦК КП(б)Б; 1955. 32 с.
6. Жиромская ВБ, Киселев ИН, Поляков ЮА. *Полвека под грифом «секретно»: всесоюзная перепись населения 1937 года*. Москва: Наука; 1996. 152 с.
7. Шкаровский МВ. *Русская православная церковь в XX веке*. Москва: Вече; 2010. 480 с. Совместно с издательством «Лепта».

⁴⁵NARB. Fund 4п. Invent. 1. File 15512. Sh. 25.

⁴⁴RASSPH. Fund 4м. Invent. 4. File 282. Sh. 19.

References

1. Pospelovskii DV. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow: Respublika; 1995. 511 p. Russian.
2. Stalin IV. *Sochineniya. Tom 10* [Works. Volume 10]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1949. [Conversation with the first American working delegation on 9 September 1927]; p. 92–148. Russian.
3. Yanushevich II. The transformation of main areas of antireligious work in 1929. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A, Gumanitarnye nauki*. 2016;9:92–98. Russian.
4. Alekseev VA. *Shturm nebes otmenyaetsya? Kriticheskie ocherki po istorii bor'by s religiei v SSSR* [Is the storming of heaven canceled? Critical essays on the history of the struggle against religion in the USSR]. Moscow: Rossiya molodaya; 1992. 304 p. Russian.
5. Stalin IV. *Daklad ab praekce Kanstytucyi Sajuza SSR* [Report on the project of the Constitution of the Union of the SSR]. Minsk: Partvydavectva CK KP(b)B; 1955. 32 p. Russian.
6. Zhiromskaya VB, Kiselev IN, Polyakov YuA. *Polveka pod grifom «sekretno»: vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda* [Half a century under the stamp «secret»: the all-union population census of 1937]. Moscow: Nauka; 1996. 152 p. Russian.
7. Shkarovsky MV. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow: Veche; 2010. 480 p. Co-published by the «Lepta». Russian.

Received by editorial board 30.11.2022.

ИСЛАМ И ПРОБЛЕМАТИКА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ)

Г. П. КУДЕЛИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрен исторический контекст происходящих изменений в ценностном основании западноевропейской культуры на примере Франции. Французское общество основу своей стабильности связывает с принципом светскости, в соответствии с которым религиозность является элементом частной жизни индивида. Выраженная внешняя религиозность мусульман в общественном пространстве пробуждает тревогу об утрате собственной культурной специфики, что формирует мировоззренческий раскол в социуме на своих и чужих. Это напряжение создает благоприятные условия для распространения крайних течений, будь то коммунитаризм, идентитаризм либо джихадизм. С опорой на статистические данные показано, что событийная канва выстраивается вокруг проблематики идентичности. Выбор культурной идентичности в условиях конкуренции символических систем является императивным на данном этапе развития глобализированного плюралистического мира. Этот процесс сопряжен с потребностью в новых типах единения, воплощающихся в многообразных эклектичных формах объединений культурной, политической и социальной направленностей. Подчеркнута необходимость выработки общего идейного основания для мирного сосуществования различных ценностных позиций как превентивного шага в потенциально конфликтной среде.

Ключевые слова: культурная идентичность; ислам; светское государство; идентитаризм; религия; джихадизм.

ISLAM AND THE PROBLEMS OF CULTURAL IDENTITY IN MODERN SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF FRANCE)

H. P. KUDZELICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the historical context of the ongoing changes in the value base of Western European culture on the example of France. French society connects the basis of its stability with the principle of secularism, according to which religiosity is an element of the individual's private life. The pronounced external religiosity of Muslims in the public space arouses anxiety about the loss of their own cultural specificity, which forms an ideological split in society into friends and foes. This tension creates favourable conditions for the spread of extreme currents, be it communitarianism, identitarianism or jihadism. Basing on statistical data, the author shows that the event outline is built around the issue of identity. The choice of cultural identity in the conditions of competition of symbolic systems, according to the author, is imperative at this stage in the development of a globalised pluralistic world. This process is associated with the need for new forms of unity, embodied in diverse eclectic forms of cultural, political and social associations. The author emphasises the need to develop a common ideological basis for the peaceful coexistence of various value positions as a preventive step in a potentially conflict environment.

Keywords: cultural identity; Islam; secular state; identitarianism; religion; jihadism.

Образец цитирования:

Куделич Г.П. Ислам и проблематика культурной идентичности в современном обществе (на примере Франции). *Человек в социокультурном измерении*. 2023;1:50–59. <https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-50-59>

For citation:

Kudzelich HP. Islam and the problems of cultural identity in modern society (on the example of France). *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2023;1:50–59. Russian. <https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-50-59>

Автор:

Галина Петровна Куделич – старший преподаватель кафедры романо-германских языков международной профессиональной деятельности факультета международных отношений.

Author:

Halina P. Kudzelich, senior lecturer at the department of Romano-Germanic languages for international professional activities, faculty of international relations. kudzelich@mail.ru

Введение

Общественно-политическая ситуация во Франции непрестанно отражается в мировых медиа на протяжении последних десятилетий. Внимание журналистов и ученых привлекают такие внутренние вопросы страны, как проведение парламентских выборов, предвыборной кампании кандидатов в президенты и выступления действующего президента перед местными объединениями. Упомянутые события интересны тем, что они отражают умонастроение в обществе и сказываются на внешнеполитической деятельности. Так, социолог В. Гайсер указывал на остро полемические для французов темы, освещаемые в ходе предвыборных кампаний кандидатов в президенты в 2022 г., квалифицируя их как «предвыборный квадриптих страха: иммиграция, ислам, проблема безопасности и национальная идентичность»¹ [1]. Очень заметен тот факт, что средоточием дебатов по данным вопросам, решение которых может иметь значимые последствия далеко за пределами страны, в который раз становится *исламский вопрос*.

Широкая общественная дискуссия, нашедшая свое отражение в СМИ и породившая огромный массив не только профессиональной, но и популистской литературы, которая посвящена мусульманскому населению, стала особенно заметной на рубеже XX–XXI вв. Труды по исламу во Франции и за ее пределами таких признанных в мировом масштабе специалистов, как О. Руа, Ж. Кепель, В. Гайсер, М. Трибала, Э. Тод и Э. Ле Бра, служат исследовательской базой для ученых во всем мире. Тема не теряет своей актуальности на протяжении последних десятилетий, что при учете ее междисциплинарного характера порождает лавинообразный поток литературы по данной проблематике.

Следует отметить, что положение мусульманского сообщества во Франции стало предметом внимания

не только французских, но и российских ученых, пристально следящих за эволюцией взаимоотношений представителей разных культурных традиций. Наибольшую заинтересованность вызывают проблематика исламизма и радикализации (А. И. Шумилин, В. Н. Чернега и К. Б. Демидов), вопросы социализации и идентичности (Б. В. Долгов, Е. Б. Деминцева, С. В. Крылова и Е. А. Осипов), а также интеллектуального осмысления взаимодействия разных культур (Е. И. Филиппова и М. К. Любарт). Все эти сюжеты неразрывно связаны, и каждый освещает ту или иную сторону процесса, в который вовлечено французское общество, – выстраивание программы совместного проживания на одной территории и в рамках одного государства.

Рассмотрение результатов исследований упомянутых ученых позволяет обозначить взаимосвязь между социально-культурным напряжением по поводу ислама во Франции и проблематикой идентичности, которая была акцентирована в 2000–2020 гг. в западноевропейском обществе в результате соседства с представителями культур, сформированных в рамках нехристианской религиозной традиции.

Используя данные политологии и социологии, культуролог, в отличие от других специалистов в области социальных наук, оценивает не эффективность той или иной программы, способы ее реализации и последствия последней для общества. Анализ, проведенный этим ученым, направлен на выявление аксиологического фонда того или иного культурного феномена, его динамики или, наоборот, устойчивости перед лицом меняющейся социальной реальности. В данной статье в ретроспективе показано, как вопрос о культурной идентичности, составляющей ядро самосознания человека, формирует социальную ситуацию в стране, обуславливая глубинные сдвиги в картине мира французского общества.

Режим светской республики и манифестация религиозности

Французская Республика, постулирующая в качестве ценностного ядра своей политики принцип *свобода, равенство, братство*, могла бы дополнить триаду элементом *светскость*. Для гражданского сознания французов как раз светскость (от фр. *laïcité*) является условием для осуществления декларированных в девизе прав человека. Согласно опросу коммиссии по вопросам светскости 2021 г. именно феномен *laïcité* является для 78 % респондентов частью национальной идентичности Франции. Кроме того, 73 % человек дорожат ею, 41 % из них «очень сильно к ней привязаны»².

Вместе с тем светскость воспринимается как охраняющий принцип представителей всех религий (согласны 51 % французов), но функционирующий лишь в теории (на практике только 18 % опрошенных признают его соблюдение в обществе). Государственные учреждения считаются трансляторами принципа светскости. Лишь 41 % французов удовлетворены его реализацией, в то время как для 59 % респондентов светскость, как принцип, недостаточно хорошо преподается в школе³.

Эти цифры красноречиво свидетельствуют о том, что для жителей Франции светскость, призванная

¹Здесь и далее перевод наш. – Г. К.

²Etat des lieux de la laïcité en France 2021 (Sondage réalisé par VIAVOICE pour l'Observatoire de la laïcité) [Ressource électronique]. URL: <https://www.gouvernement.fr/avis-guides-et-documents-utiles> (date de la demande: 05.08.2022).

³Ibid.

гарантировать реализацию республиканских принципов общежития, является в большей мере абстрактной идеей, чем действующим механизмом обеспечения социального мира. Несмотря на торжества по поводу 100-летия принятия Закона Французской Республики от 9 декабря 1905 г. «Об отделении Церкви от государства», законодательно критерии светскости не закреплены. В сознании французов она была и остается неким представлением, опирающимся на идеи эпохи Просвещения, а также на идею прогресса и рациональности.

При этом вопрос о реализации принципа светскости неоднократно обретал особую остроту и до сих пор считается актуальным. Причиной тому является увеличивающаяся доля мусульманского населения во Франции. Их нахождение очень заметно на уровне обычного обывателя и значимо в статистическом выражении (насчитано около 10 % мусульман от всего населения страны, что составляет примерно 6 млн человек). Частым поводом для всплеска медийной активности становятся разбирательства о допустимости присутствия в общественном поле ярких признаков религиозности, в частности принадлежности к исламу.

Первым громким делом о внешне выраженной религиозности женщин-мусульманок стало дело о хиджабе в стенах светского учреждения образования. Так, в 1989 г. общество было взволновано противостоянием сторонников и противников ношения исламского платка в общественных местах. Ж. Ширак (на тот момент он был президентом Франции) создал комиссию, по результатам работы которой в 2004 г. был принят закон, запрещающий носить в школе явные символы религиозной принадлежности

Мусульманская диаспора на территории Франции в диахронии

Присутствие на территории Франции людей, исповедующих ислам, не является новым феноменом XXI в. Уже с 1970-х гг., когда подросло второе поколение иммигрантов, чьи родители приехали искать работу, темой общественной дискуссии стала политика аккультурации (на практике нередко проходила как ассимиляция) представителей другой, не европейской культуры. Парадокс заключался в том, что дети неместного населения испытывали большую потребность в акцентуации своей культурной принадлежности, чем их родители [3, с. 70–79]. Кроме того, объединившись в общественные союзы, мусульмане стали выдвигать требования об уважении их традиций в общественном пространстве. К примеру, рабочие-мусульмане запросили сделать перерыв в работе для совершения молитвы. В 1983 г. ярким событием стал протест «Марш беров» (на верлане, т. е. на молодежном сленге, в котором слова трансформируются посредством инверсии слогов,

(как мусульманский платок, так и еврейскую кипу и христианские кресты). За ним последовал закон от 11 октября 2010 г., который запрещал скрывать лицо в общественных местах и носить буркини (от араб. *بخراب* – паранджа и англ. *bikini* – купальник бикини) – особый костюм для плавания.

И если в школе и таких государственных учреждениях, как больницы, этот закон имеет силу, то за их пределами ситуация совершенно иная. В мае 2022 г. вновь актуализировалась полемика вокруг буркини (в 2016 и 2019 гг. эта тема широко освещалась в СМИ). Использование такого купального костюма в общественных бассейнах безуспешно пытался запретить Совет Республики еще в 2021 г., опираясь на новый закон против сепаратизма, принятый при Э. Макроне [2]. И хотя согласно статистике подавляющее большинство французов высказались за запрет буркини⁴, Национальное собрание тем не менее не закрепило этот закон. Такое расхождение позиций в государственном аппарате как нельзя лучше указывает на отсутствие консенсуса о способах согласования светскости со свободой выражения религиозных убеждений. Несмотря на почти полувековую историю соседства ислама и светской власти во Франции, удовлетворяющей стороны бесконфликтной модели сосуществования не было выработано.

Чтобы приблизиться к пониманию логики происходящих трансформаций в культуре страны, в которой постоянно возникают очаги конфронтации, необходимо более детально обозначить некоторые ключевые моменты в истории мусульманского сообщества во Франции.

Словом «бер» называют арабов), когда магрибинское население массово шествовало через страну в Париж, собрав на площади у Елисейского дворца около 100 тыс. человек. Представители данного движения, требовавшие равенства прав, были приняты президентом Ф. Миттераном.

По этому поводу Б. Н. Долгов отметил, что с 1970-х гг. выстраивание взаимоотношений мусульман с государством пошло по двум векторам: политическому (отстаивание своих прав главным образом в юридическом поле) и культурному (создание мусульманских общественных организаций для защиты своих культурных традиций и обычаев) [4, с. 117]. К этому времени относится возникновение различных мусульманских объединений с тем или иным императивом в деятельности [4; 5]. Отношение французов к подобным союзам было и остается весьма настороженным, поскольку деятельность таких объединений зачастую

⁴Sept Français sur dix sont pour l'interdiction du burkini à la piscine [Ressource électronique]. URL: <https://www.midilibre.fr/2021/06/24/port-du-burkini-dans-les-piscines-sept-francais-sur-dix-favorables-a-son-interdiction-9627886.php> (date de la demande: 03.11.2022).

инспирирована и финансируется представителями внешнего мусульманского мира.

Е. Б. Деминцева считает общественную активность иммигрантов иллюстрацией зрелости магрибинской общины, когда «для французов магрибинцы становятся уже не просто “иммигрантами”, а особой автономной частью их общества, некоей структурной единицей, обладающей свойственными только ей этнокультурными чертами и особенностями» [3, с. 38]. Принимая теорию З. И. Левина об эволюции диаспоры, Е. Б. Деминцева склоняется к прогнозу о «размывании» диаспоры, когда нормы принимающего общества постепенно замещают автохтонные традиции, транслируемые диаспорой, способствуя консолидации общества [5, с. 43–45].

Утрата религией консолидирующей роли в обществе

Постоянно возрастающее настороженное отношение французов⁵ ко все более заметному соседству с исламским миром обеспечило продвижение созданной еще в 1972 г. политической партии крайне правого толка «Национальный фронт». Партия с тех пор постепенно наращивала электорат, пусть и смягчив свои резкие выпады в сторону иммигрантского населения. Именно успех этого объединения, переименованного в последующем в Национальное собрание, ясно иллюстрирует общественное настроение в стране. Основатель ультраправой партии Ж.-М. Ле Пен составил конкуренцию Ж. Шираку во втором туре президентских выборов в 2002 г. М. Ле Пен, сменившая отца во главе партии, которая при ее правлении начала называться Национальным собранием, добилась еще больших успехов. В 2017 и 2022 гг. она конкурировала за пост президента с Э. Макроном во втором туре. И если в 2017 г. разрыв голосов был очень заметен (33,90 % у М. Ле Пен и 66,10 % у Э. Макрона), то во втором туре выборов 2022 г. он сократился (41,45 % против 58,55 % соответственно, а в первом туре расхождение было меньше 4 % (23,15 % и 27,85 % соответственно))⁶. И это с учетом того, что радикальная часть сторонников Национального собрания Франции примкнули к движению Э. Земур (7,07 % голосов в первом туре)⁷, строившего свою кампанию на крайне правых призывах, например непременно давать ребенку иммигрантского происхождения исконно французское имя.

Столь очевидная симпатия к лозунгам правоориентированных объединений стала причиной

Как показывает современная общественно-политическая ситуация во Франции, этот прогноз нельзя считать полностью релевантным, хотя, несомненно, аккультурация имеет место. Обратный вектор развития диаспоры – ее отчуждение – породил тему мировоззренческого раскола, разобщения в социуме и обрел небывалую остроту. Осью, по которой выстраивается линия разлома, является дихотомия *свои – чужие*. Все более выраженная внешняя приверженность нормам исламского права – шариата – вызывает если не неприятие, то обеспокоенность в обществе. Традиционное мусульманское облачение воспринимается как признак коммунитаризма – принадлежности к закрытой общине, намеренно обособляющей себя от общества [6, р. 15].

масштабного исследования общественного мнения «Французы и их отношение к исламу, исламскому коммунитаризму во время предвыборной президентской кампании»⁸, результаты которого были опубликованы в марте 2022 г.⁹ Согласно полученным данным 73 % французов обеспокоены проблематикой исламизма, при этом исламская религия вызывает настороженность у 44 % населения.

Учитывая тот факт, что в риторике правых партий одним из ключевых положений была декларация о предпочтении интересов коренных французов, можно с уверенностью констатировать наличие мировоззренческого раскола в обществе. Кроме того, закрытость (в крайнем выражении – коммунитаризм), как явление социальной разобщенности, по мнению Г. Кюше, свойственна не только фундаментально настроенным мусульманам. Тенденция к закрытости заметна и в католических кругах. Католицизм становится религией меньшинства, что «является значимым событием для религиозной истории страны» [7, р. 74]. Практикующими католиками считаются около 3 % населения, что приводит к значительным последствиям для культуры в целом. Для того чтобы охарактеризовать современную ситуацию во Франции, Г. Кюше использовал термин Д. Ервье-Леже «экскультурация католицизма во французском обществе» [7, р. 71]. Такая ситуация понимается как «утрата христианством в массовом сознании референтной функции для культуры» [7, р. 71].

В этом же ключе развивается главная мысль в книге директора отдела по исследованию общественного мнения Ж. Фурке «Французский архипелаг» (2019) [13].

⁵L'évolution de la relation à l'autre dans la société française. Sondage IPSOS [Ressource électronique]. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/files-fr-fr/doc_associe/ipsos-fjf_rapport_detude.pdf (date de la demande: 03.11.2022).

⁶Résultats de l'élection présidentielle 2022 [Ressource électronique]. URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle-2022/\(path\)/presidentielle-2022/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle-2022/(path)/presidentielle-2022/FE.html) (date de la demande: 03.11.2022).

⁷Ibid.

⁸Опрос проведен отделом по исследованию общественного мнения Французского института изучения общественного мнения.

⁹Les Français face à la question de l'islamisme et du communautarisme islamique à l'heure de la campagne présidentielle. Sondage. Réalisé par IFOP en partenariat avec Ecran de Veille [Ressource électronique]. URL: https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2022/03/118887_PPT_EDV_2022.03.21.pdf (date de la demande: 03.11.2022).

В аналитическом труде, который строится на множестве социологических штудий, показано, что атомизация и полярное расслоение общества прежде всего захватывают мировоззренческое поле. По утверждению Ж. Фурке, Франция переживает турбулентный период, выражающийся во фрагментации социума. Основную причину этого автор усматривает в «распаде католической матрицы французского общества» [8, р. 9].

Католицизм, конституирующий элемент французской государственности, по мнению исследователя, заложил основу для персистирующего разделения общества на два лагеря – правых и левых. Опираясь на работы Ж. Дюпо, Ж. Фурке показывал, что приверженность представителей разных социальных слоев правым либо левым партиям в корне определена их религиозностью, «поскольку нужна была мощная матрица, чтобы обеспечить жизнеспособность и консолидацию интересов» [8, р. 11]. Так, верующие демонстрировали традиционные взгляды, а приверженцы лаицизма либо неверующие объединились с левыми силами.

Общеизвестно, что во второй половине XX в. резко снизился уровень религиозности. Это создало почву для расцвета теорий секуляризации, которая через несколько десятилетий была признана теоретиками концепции несостоятельной (П. Бергер [9]). Время подтвердило, что религиозные потребности человека не исчезли вместе с «расколдовыванием» мира (М. Гоше [10]) – они приобрели другие формы и способы выражения (Д. Ервье-Леже [11]). Тем не менее консолидирующая роль иудео-христианской традиции подверглась «эрозии». Постепенно (пусть даже по инерции) проявляясь в социальной ткани общества (Э. Тод, Э. Ле Бра [12]), католичество оказалось в одном ряду с другими конкурирующими религиозными системами, представленными на выбор отягощенному свободным самоопределением индивидууму. Сопряженные процессы приватизации религии и индивидуализации в обществе предоставили человеку возможность самостоятельно выбирать себе идейную матрицу для объяснения окружающего мира. По мнению М. Гоше, это тяжелое бремя современного человека [13, р. 111–115].

М. Гоше показывал, каким образом католицизм (в широком смысле – наследник греко-римской цивилизации) в своем историческом развитии приходит к модели современного европейского гражданского

общества. В авторской концепции ученый называет этот процесс «выходом из религиозного», в результате которого церкви как олицетворению высочайшего авторитета и трансцендентного закона был противопоставлен закон посюсторонний, опирающийся лишь на разум как на единственный источник установления социального порядка.

Ученый также подчеркивал исторический характер этого процесса и его постепенность. По мнению М. Гоше, импульс для «выхода из религиозного» был задан еще в эпоху Просвещения, но законодательно он был оформлен лишь в 1905 г. На тот момент это была настоящая мировоззренческая революция, и эта дата до сих пор остается для французов значимой.

Основанием для построения общества нового типа стали права человека. Как писал М. Гоше в 2000 г., «сакрализация прав человека – это, бесспорно, главный идеологический и политический продукт последних двух десятилетий» [13, р. 326]. Идея трансцендентного Бога, по мнению М. Гоше, которая на протяжении столетий являлась средством объединения общества, перестала быть принципом, создающим социальную реальность.

Таким образом, католицизм, потеряв свою социально-организующую роль, открыл широкое поле для конкуренции идеологий, претендующих на знание технологии построения счастливого человеческого общежития по эту сторону бытия. Коммунизм, социализм, либерализм, а также неоконмунизм, неосоциализм и неолиберализм – все эти системы идей стали инструментом на политической арене. Поэтому на современном этапе невозможно обойти стороной политическую репрезентацию западного человека, если вопрос касается исследования культурных доминант в его картине мира.

Ситуация с исламом, по мнению автора данной статьи, вернула актуальность христианскому наследию в западной культуре. Столкнувшись с большей нагрузкой общественного пространства религиозной символикой, французы вынуждены были осмыслить свое культурное наследие и его константы. Так возникла проблематизация основания культурной идентичности. И хотя размывание основ французской культуры, согласно штудиям Ж. Фурке, скорее идет через американо-японское влияние [14, р. 319–344], общество продолжает консолидироваться против видимой инаковости мусульманского населения.

Нарастающая популярность идентитаристского дискурса

В 1970-х гг. во Франции возникло отдельное политическое движение, получившее название «идентитаризм». Его идеологами являются Ж. Р. Г. Камю, Г. Фай и А. де Бенуа. Книга Ж. Р. Г. Камю «Великое замещение» [15], в которой судьба европейского человека подается как находящаяся под угрозой вытеснения неместными народами, получила широкий общественный резонанс. Таким образом, тема культурной

идентичности оказалась дискредитированной, поскольку стала автоматически соотноситься с риторикой о сохранении чистоты нации и культуры. Инструментализация данной темы в политическом поле вновь актуализировала проблематику расизма и национализма, вернув ее в фокус внимания и общественности, и ученых. На данный момент во Франции в научной среде развернуты дебаты

о концептуализации понятия исламофобии и оценке последствий этого (У. Азаль, Л. Калабрез). Манипуляции на тему религиозности в информационных пространствах становятся слишком очевидными.

На рубеже XX–XXI вв. четко ощущалась террористическая угроза от радикальных исламистских течений, заметно проявилась тенденция к фундаментализму в рядах европейских мусульман. Вновь в обществе стали циркулировать эсхатологические прогнозы о потере европейцами своей идентичности. В общественно-политическом дискурсе причиной грядущей трагедии – исчезновения европейской культуры – был представлен ислам, иначе говоря, не различные этнические сообщества, обособившиеся на новой для них территории, а разнородные культуры, которые стали обозначаться как культуры ислама.

Таким образом, тревога по поводу распада единого общества на разные по идейному основанию подгруппы и эсхатологическое видение будущего западноевропейской культуры переросли в мощный социальный миф. Несмотря на то что влияние процессов глобализации, размывание физических и культурных границ в рамках Европейского союза имеют значимую роль в тех метаморфозах, которые проявляются в западном обществе, символическая фигура врага, несущего угрозу, необходима как образ, имеющий терапевтическую роль, поскольку становится понятно, с чем или с кем нужно бороться.

В ретроспективе заметно, что тема идентичности становится предметом общественной полемики при правлении Н. Саркози (2007–2012). По его инициативе было создано особое министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и соразвития. После бунтов окраин (среды обитания иммигрантов) в 2005 г., когда в стране объявили чрезвычайное положение, это стало ответным шагом на очевидную необходимость выработки идейного основания для сплочения французского народа, заметной частью которого являются представители иной культуры.

Выступления правящего в то время президента Н. Саркози были предметом детального анализа А. Б. Даугавет. Она считает, что, по мнению Н. Саркози, национальная идентичность должна формироваться в соответствии с так называемой политикой цивилизации. Это предполагает усвоение неких общих принципов, позволяющих прийти к разумному добрососедству, к умению быть гражданами, имеющими определенную общую иерархию ценностей [16, с. 148]. С подачи Н. Саркози, который в своей концепции подчеркивал связь французской культуры с христианской традицией, религия стала темой для политических дискуссий.

От мусульманского населения страны ожидалось принятие ценностей Французской Республики, в том

числе светскости. Но, как известно, именно светскость стала преградой в выстраивании отношений с религиозными мусульманами. Все это способствовало тому, что идентитарная риторика, помноженная на террористическую угрозу и волны эмиграционного кризиса, стала обретать сторонников. К моменту президентских выборов 2022 г. напряжение, созданное вокруг темы ислама, иммиграции, нации, достигло такого накала, что это вынудило авторитетного социолога Э. Ле Бра вступить в общественную полемику с идеологом идентитаризма Ж. Р. Г. Камю. Э. Ле Бра, пытаясь развенчать миф об арабо-мусульманской угрозе, издал в 2022 г. аналитическое эссе «Великого замещения не существует» [17]. В предисловии он указывал на причины создания полемического труда. Вопреки цифрам статистики (в 2010 г. иммигрантское население в Европе составляло 1,1 %), по данным социологического опроса, проведенного в октябре 2021 г., 61 % респондентов согласились с тем, что существует вероятность исчезновения белого христианского населения из Европы. По мнению Э. Ле Бра, миф о «великом замещении» сыграл во Франции ту же роль, что и идеология национал-социализма в фашистской Германии [17, р. 3]. В своей книге ученый разбирал по пунктам не подтверждаемые реальными данными положения теории о великом замещении народов, выявляя неточности, упрощения и неприемлемые допущения. Но главным инструментом поляризации *своей – чужой*, по мнению Э. Ле Бра, являются обобщения и постулирование гомогенности противопоставляемых групп – автохтонного и неместного населения страны.

Выводы ученого однозначны: никакого великого замещения нет и не предвидится. А страх, объектом которого стало мусульманское население, – это «страх, который в большей степени порождает телевидение и социальные сети, а не прямые контакты с иммигрантами» [17, р. 49].

Проблема радикализации в мусульманском сообществе, естественно, является питающим эти страхи фактором. Данную тему пристально исследовали признанные специалисты по исламу Ж. Кепель [18] и О. Руа [19]. Их теории в научных кругах представляются противоположными по выводам. Ж. Кепель отстаивал точку зрения о том, что радикализация является общим вектором социального развития в мусульманской среде в мировом масштабе, в то время как О. Руа расценивал радикальную форму проявления религиозности среди мусульман как личный выбор обращенного. Автор настоящей статьи, однако, полагает, что если эти теории рассмотреть на более глубинном уровне, т. е. через динамику ценностных ориентаций современного человека, то можно проследить, как оба исследователя сходятся в одном: катализирующим моментом для обращения к религии, в том числе к исламу, является поиск культурной идентичности.

Выбор идентичности как культурный императив

Как раз в ситуации поиска *своего* и *себя* решающим оказывается влияние среды и людей, пользующихся определенным авторитетом. Тот успех, который возымела джихадистская идеология среди молодежи иммигрантских кварталов (об этом пишет Ж. Кепель [18]), во многом обусловлен запросом на самоопределение. Популярность джихадистской картины мира подкреплена социальными трудностями, которые остро переживаются как несправедливость. Этому способствует и виктимизирующий дискурс, фрагментарные представления о демократическом обществе, и впитанная с детства логика консьюмеризма о том, что угнетатели находятся в неоплатном долгу перед некогда колонизированными народами. Одним словом, в силу отсутствия должной конкуренции альтернативного комплекса идей и смыслов (провал социальной политики, в том числе школьного образования в трудных кварталах) неофундаменталистская пропаганда получает развитие в иммигрантской среде. Данной пропаганде сложно противодействовать, так как для человека, открывшего для себя измерение вечности, нет более значимой легитимации, чем религиозная.

Необходимо отметить, что описанное положение вещей не означает гомогенизацию мусульманского сообщества. Такое заключение было бы упрощением в стиле логики идентитаризма, когда многообразие культур, в которых религиозный фундамент определен исламом, сводится к единой фигуре *Другого*. Отмечая тенденциозность прессы в этом ключе, ученые давно предостерегают общественность от подобных ярлыков.

Так работает признанный специалист по исламу Ф. Фрэгози: развенчивает мифы, которые питают идентитаристскую риторику. Он предложил классификацию различных мировоззренческих типов в среде мусульман. На основании социологических исследований ученый приходил к схематичному обозначению «изменчивых контуров мусульманской идентичности во Франции», которые подтверждают один факт: «На данный момент во Франции существует множество способов практики ислама и форм выражения своего исламского вероисповедания, а также многообразие утверждений своей принадлежности к исламу по религиозному, культурному, более интеллектуальному или идентичностному способу и методов отстранения от него, его догматичного или ритуального универсума» [20, р. 26]. Такой же мысли придерживался К. Гирц, подчеркивавший чрезвычайную адаптивность ислама: «...ислам – это религия для экспорта. Ее можно принять по частям. Выучить молитвы, затем делать еще что-нибудь (и неважно, делаете ли вы что-либо сверх того), и постепенно

ваш ислам будет становиться все полнее»¹⁰. Ф. Фрэгози, в свою очередь, выделял семь категорий религиозных мусульман: практикующий этнический, набожный пиетист, эксклюзивистский пуританин, прагматичный неоортодокс, ангажированный практикующий, практикующий мистик и либеральный мусульманин [20, р. 29–40]. Подчеркивая очевидную разнородность мусульманского мира, ученый считал это обстоятельство доказательством того, что «практика ислама не может больше ускользать от влияния секуляризованного окружения, поскольку не может противостоять интенсивному движению к плюралистичности религиозного предложения внутри самого ислама» [20, р. 40].

Стоит отметить, что он рассматривал влияние секуляризации не как исчезновение религиозности, а именно как возникновение различных форм и способов ее реализации. Чем выше конкуренция символических систем внутри общества, тем разнороднее становятся эти формы и способы. Согласно теории Д. Ервье-Леже многообразие форм религиозности в современном обществе можно свести к двум магистральным линиям взаимодействия человека и сферы сакрального – паломнику и обращенному. Паломник постоянно мигрирует от одной традиции к другой, зачастую не отказываясь от них, а воспринимая отдельные элементы из разных систем и конструируя в технике бриколажа свою религиозную идентичность. Обращенный, напротив, единожды совершив свой выбор, остается верен авторитету избранной традиции и пытается всячески ей соответствовать [11, р. 108–134]. Но и сам вопрос об аутентичности традиции также весьма проблематичен при учете многообразия новых религиозных течений, декларирующих свою мнимую верность истокам традиции.

Термин «бриколаж», введенный в науку К. Леви-Строссом, как оказывается, очень удачно иллюстрирует не только логику первобытного человека, использующего обломки старой символической системы для создания новой, но и технику современного человека в поисках своей идентичности, которая с обретением контуров, восприняв одну культурную традицию или многие, становится отправной точкой для реализации человека в социуме. При таком разнообразии символических систем, предоставленных для выбора современному человеку, вольному в способе их сочетания, типологии могут дробиться до бесконечности.

Тема идентичности является ключевой в теории культуролога И. Барберис. Она считает современную эпоху эпохой диктата идентичности, выбор которой тяготеет над каждым индивидуумом. Опираясь

¹⁰Ислам, модерн, национализм. Интервью с Клиффордом Гирцем [Электронный ресурс]. URL: <http://islamoved.ru/2016/islam-modern-natsionalizm-intervyu-s-kliffordom-girtsem/> (дата обращения: 03.11.2022).

на выразительные примеры из мира символов (из кинематографа, изобразительного искусства и театра), искусствовед настаивала на существовании идентитаризма как культурного феномена: «Цивилизационисты развивают глобальный политико-культурный идентитаризм, питающийся космогоническим мифом о столкновении цивилизаций, что порождает идентитаризм на макроуровне» [21, р. 11]. По ее мнению, «идентитаризм использует символы и коммуникативные механизмы, кристаллизующиеся вокруг упрощенных категорий, функцией которых является сплочение группы, создание идеального образа, представляющего собой безупречное воплощение духа объединения» [21, р. 12]. Например, одним из таких воплощенных через искусство идей *колонизаторов – угнетенные* автор концепции усматривает в творчестве К. Агттиа. В его арт-перформансе 2018 г., содержащем сцены обезглавливания джихадистами заложников, была четко артикулирована мысль о том, что жестокие расправы являются ответом на колониальное прошлое [21, р. 53–54]. И. Барберис настаивала на том, что художник «тем самым способствует

расцвету спекуляций идентитаризма, служит легитимации невротических проявлений и импульсов, которыми тот питается» [21, р. 54]. В книге приведено еще множество примеров присутствия в кинематографе идентитарных противопоставлений *свой – чужой, местный – вторженец* и т. д. Более того, по ее мнению, уже можно говорить о существовании определенной эстетики идентитаризма, обладающей своим инструментариумом.

Мысль И. Барберис резюмируется следующим образом. Современное символическое пространство очень насыщено «идентитарными химерами» [21, р. 26], свободная игра с которыми является воплощением свободы современного человека. Она писала: «...идеологии уступили место идентичностям. Таким образом, идентитарную эпоху можно представить через конструкт – самость (*self*), примкнувшая к норме» [21, р. 18]. За выбором своей идентичности следует выбор образа своего проявления в социуме. Тут индивидууму как раз и приходится выбирать себе ту или иную систему норм и правил, предлагающую ему ценностное осуществление себя.

Заключение

Те процессы, которые наблюдаются в общественно-политической жизни Франции, во многом симптоматичны для всякого общества, сформированного в рамках христианской традиции и переживающего последствия глобализации. В ходе исторического развития христианство утратило гегемонию на определение социального проекта – способа функционирования общества из логики верности высшему закону. Эту функцию взяла на себя политическая власть, став основой для консолидации общества вокруг того или иного проекта по конструированию социальной реальности в посюстороннем измерении. Тем самым религиозно мотивированная деятельность, претендующая на трансформацию социальной реальности, утратила свою легитимность в общественном пространстве. Так, во Франции этот процесс приобрел крайне выраженные черты, поскольку был закреплен на законодательном уровне как принцип светскости. Согласно логике секулярного общества религиозные убеждения должны оставаться в сфере интимно-кровяного, быть штрихом к портрету, личностной характеристикой индивида, но не мотивом для изменения общественного строя.

Однако именно христианству западное общество обязано идее о правах человека. Изначально христианство дало импульс для интериоризации веры, призванной изменить в первую очередь *сердце человека*. Но со временем фокус внимания с высшего достоинства человека, его *богоподобия* сместился на свободу выбора. Из инструмента для обретения достоинства свобода стала высшей самооценностью. Этот поворот в аксиологическом фундаменте по-разному

именовался философами, чуткими к процессам, связанным с изменением приоритетов в ценностном основании культуры. Это и *смерть бога*, и *эпистемологический поворот*, и *деконструкция*, и *секуляризация*.

Начиная с эпохи постмодерна, теоретики которого воспели творческую спонтанность человека, и с последовавших за ней глобализации и цифровизации люди оказались в водовороте сменяющихся друг друга и конкурирующих символических систем. Современному человеку предоставлена свобода либо в выборе любой из них, либо в заимствовании их частей для создания своего концепта реальности. Таким образом человек идет к конституированию своей идентичности, самоопределению и обретению достоинства. Но поскольку этот процесс не происходит в безвоздушном пространстве, он строится на тех социальных связях, которые формируют индивидуальный опыт.

Процессы, наблюдаемые во французском обществе, выразительно иллюстрируют все вышеизложенное. Франция, став пространством реализации различной ценностно укорененной социальной активности, дает фактический материал для наблюдения динамики культурных процессов. Можно констатировать, что на современном этапе в западноевропейском обществе особо острой становится проблематика культурной идентичности.

Ретроспективный анализ позволяет выделить в истории Франции три периода актуализации темы культурной идентичности, когда она занимала место в общественных дискуссиях: 1970-е гг., рубеж XX–XXI вв. и 2020-е гг. Каждый из этих периодов сопряжен с этапом обретения идентичности нового

поколения с иммигрантскими корнями и отражает все более углубляющееся расслоение в обществе на своих и чужих. Это различие основано на постулировании разности культурных традиций, имеющих различное ценностное основание, закрепленное в религиозной системе. Так в общественном представлении возникает проблема ислама.

Верующие мусульмане, многочисленные и достаточно заметные благодаря выраженной внешней религиозной атрибутике, отстаивают свое право на презентацию основания собственной идентичности. Это идет в разрез с укоренившимся в обществе представлением о сущности светского характера общественной жизни. Проблема осложняется и следующим фактором: вопреки тому что ислам представлен в разнообразных культурных традициях различных регионов, в западноевропейском контексте происходит узурпация репрезентации ислама неофундаменталистскими течениями. Так, во Франции ислам для одних стал способом обретения достоинства в ситуации, когда оно ощущается как ущемляемое в конкретном социальном окружении, для других – угрозой потери собственной идентичности и культурной специфики.

Проявление видимой религиозности в общественном поле проблематизирует иерархическое устройство социума, в котором абсолютизация индивидуальных свобод, обусловившая атомизацию общества, породила поиск новых форм единения. Эта потребность человека примкнуть к чему-то, превосходящему себя, в условиях конкуренции смысловых систем реализуется через многообразие эклектичных форм объединений культурной, политической и социальной направленностей. Определение своей

идентичности является этапом взросления и становления как социального актора. Этот процесс затрагивает мусульман во Франции. Однако разнообразие форм мусульманской идентичности остается преимущественно темой научных дискуссий, в то время как один этот факт (при должной его артикуляции в системе образования) был бы хорошим превентивным средством от радикализации, тактический ход которой как раз состоит в сведении маркеров культурной идентичности к религиозному. Кроме того, акцентирование многообразия форм культурной идентичности работало бы на предотвращение распространения исламофобии, а также стигматизирующего и виктимизирующего дискурсов, взятых на вооружение различными социальными акторами главным образом в политических целях наряду с трансляцией упрощенных образов, которыми питается идентитаризм, в произведениях массовой культуры.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что процесс самоидентификации (определение ценностной опоры своей идентичности) – интегральная часть человеческого бытия. При этом в культурной ткани современного общества сильно выражен вектор на противопоставление (потенциально конфликтогенное), которое манифестируется через явление идентитаризма. Кроме того, очевиден тот факт, что попытка абсолютизации политического инструментария для обеспечения благополучия разнородного общества не состоятельна. Все это необходимым образом влечет за собой вопрос о выработке общего основания для мирного сосуществования различных ценностных позиций, для выстраивания коммуникации и предупреждения конфликта в точках расхождения.

Библиографические ссылки

1. Geisser V. Le «quadriptyque» électoral de la peur: immigration, islam, insécurité et identité nationale au programme de l'élection présidentielle. *Migrations Société* [Internet]. 2022 [cité 5 août 2022];1. Disponible par: <https://www.cairn.info/revue-migrations-societe-2022-1-page-3.htm>. DOI:10.3917/migra.187.0003.
2. Barbarit PS. Burkini dans les piscines à Grenoble: le Sénat a tenté, sans succès, de fixer son interdiction dans la loi. *Public Sénat* [Internet]. 2022 [cité 3 août 2022]. Disponible par: <https://www.publicsenat.fr/article/societe/burkini-bientot-autorise-a-grenoble-le-senat-a-tente-sans-succes-de-fixer-son>.
3. Деминцева ЕД. *Быть «арабом» во Франции*. Москва: Литературное обозрение; 2008. 192 с.
4. Долгов БН. Ислам во Франции: мусульмане и светская республика. *Россия и мусульманский мир*. 2016;4:115–131.
5. Чернега ВН. Франция в борьбе с исламистским терроризмом. *Актуальные проблемы Европы*. 2021;4:145–172.
6. Seniguer H. Le communautarisme: faux concept, vrai instrument politique. *Histoire, monde et cultures religieuses*. 2017;1(41):15–37. DOI: 10.3917/hmc.041.0015.
7. Cuchet G. Identité et ouverture dans le catholicisme français. *Etudes*. 2017;2:65–76. DOI: 10.3917/etu.4235.0065.
8. Fourquet J. *L'archipel français: Naissance d'une nation multiple et divisée*. Paris: Seuil; 2019. 384 p.
9. Бергер П. Недоработанная концепция. *Религиоведческие исследования*. 2011;1–2:103–109.
10. Gauchet M. *La religion dans la démocratie*. Paris: Gallimard; 1998. 191 p.
11. Hervieu-Leger D. *Le Pèlerin et le Converti. La religion en mouvement*. Paris: Flammarion; 1999. 291 p.
12. Le Bras H. Todd E. *L'Invention de la France: Atlas anthropologique et politique*. Paris: Gallimard; 2012. 528 p.
13. Gauchet M. *La démocratie contre elle-même*. Paris: Gallimard; 2002. 398 p.
14. Fourquet J. Cassely J-L. *La France sous nos yeux. Economies, paysages, nouveaux modes de vie*. Paris: Seuil; 2021. 379 p.
15. Camus R. *Le grand remplacement*. Paris: Gallimard; 2012. 184 p.
16. Даугавет АБ. Цивилизационная идентичность в дискурсе президента Франции. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012;6:147–159.
17. Le Bras H. *Il n'y a pas de grand remplacement*. Paris: Grasset; 2022. 58 p.
18. Kepel G. *Le prophète et la pandémie*. Paris: Gallimard; 2021. 202 p.

19. Roy O. *L'islam mondialisé*. Paris: Editions du Seuil; 2002. 224 p.
20. Fregosi F. *Présentation des différents islam en France. Le devenir de l'islam en France*. Paris: Desclée de Brouwer; 2013. 108 p.
21. Barberis I. *Panique identitaire*. Paris: Puf; 2022. 84 p.

References

1. Geisser V. Le «quadriptyque» électoral de la peur: immigration, islam, insécurité et identité nationale au programme de l'élection présidentielle. *Migrations Société* [Internet]. 2022 [cité 5 août 2022];1. Disponible par: <https://www.cairn.info/revue-migrations-societe-2022-1-page-3.htm>. DOI:10.3917/migra.187.0003.
2. Barbarit PS. Burkini dans les piscines à Grenoble: le Sénat a tenté, sans succès, de fixer son interdiction dans la loi. *Public Sénat* [Internet]. 2022 [cité 3 août 2022]. Disponible par: <https://www.publicsenat.fr/article/societe/burkini-bientot-autorise-a-grenoble-le-senat-a-tente-sans-succes-de-fixer-son>.
3. Demintseva ED. *Byt' «arabom» vo Frantsii* [To be Arab in France]. Moscow: Literaturnoe obozrenie; 2008. 192 p. Russian.
4. Dolgov BN. [Islam in France: Muslims and the laic society]. *Rossiia i musul'manskii mir*. 2016;4:115–131. Russian.
5. Chernega VN. France's fight against Islamist terrorism. *Current problems of Europe*. 2021;4:145–172. Russian.
6. Seniguer H. Le communautarisme: faux concept, vrai instrument politique. *Histoire, monde et cultures religieuses*. 2017;1(41):15–37. DOI: 10.3917/hmc.041.0015.
7. Cuchet G. Identité et ouverture dans le catholicisme français. *Etudes*. 2017;2:65–76. DOI: 10.3917/etu.4235.0065.
8. Fourquet J. *L'archipel français: Naissance d'une nation multiple et divisée*. Paris: Seuil; 2019. 384 p.
9. Berger P. [An unfinished concept]. *Researches in Religious Studies*. 2011;1–2:103–109. Russian.
10. Gauchet M. *La religion dans la démocratie*. Paris: Gallimard; 1998. 191 p.
11. Hervieu-Leger D. *Le Pèlerin et le Converti. La religion en mouvement*. Paris: Flammarion; 1999. 291 p.
12. Le Bras H. Todd E. *L'Invention de la France: Atlas anthropologique et politique*. Paris: Gallimard; 2012. 528 p.
13. Gauchet M. *La démocratie contre elle-même*. Paris: Gallimard; 2002. 398 p.
14. Fourquet J. Cassely J-L. *La France sous nos yeux. Economies, paysages, nouveaux modes de vie*. Paris: Seuil; 2021. 379 p.
15. Camus R. *Le grand remplacement*. Paris: Gallimard; 2012. 184 p.
16. Daugavet AB. Civilizational identity in the discourse of the president of France. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2012;6:147–159.
17. Le Bras H. *Il n'y a pas de grand remplacement*. Paris: Grasset; 2022. 58 p.
18. Kepel G. *Le prophète et la pandémie*. Paris: Gallimard; 2021. 202 p.
19. Roy O. *L'islam mondialisé*. Paris: Editions du Seuil; 2002. 224 p.
20. Fregosi F. *Présentation des différents islam en France. Le devenir de l'islam en France*. Paris: Desclée de Brouwer; 2013. 108 p.
21. Barberis I. *Panique identitaire*. Paris: Puf; 2022. 84 p.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022.
Received by editorial board 30.11.2022.

УДК 338.48(510:476)

СОТРУДНИЧЕСТВО И РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА МЕЖДУ КИТАЕМ И БЕЛАРУСЬЮ

ЛИ ЮАНЬЮАНЬ¹⁾, Э. А. УСОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены бурное развитие туризма и его неразрывная связь с межкультурной коммуникацией на фоне глобализации в XXI в. Путем анализа данных установлено, что индустрия туризма Китая и Беларуси, как и тенденция формирования международного туризма, играет ключевую роль в развитии национальной экономики. С предложением инициативы «Один пояс, один путь» исследуемые страны углубили свои взаимосвязи в различных областях. Но с помощью эмпирических данных обнаружено, что в сотрудничестве между Китаем и Беларусью в сфере туризма все еще существует значительный пробел, что также создает большие проблемы для дальнейшего межкультурного общения между рассматриваемыми странами. Выдвинуты обоснованные предложения после анализа дилеммы развития китайско-белорусского туризма и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: туризм; китайско-белорусская культурная коммуникация; инициатива «Один пояс, один путь»; дилемма развития.

Образец цитирования:

Ли Юаньюань, Усовская ЭА. Сотрудничество и развитие туризма между Китаем и Беларусью. *Человек в социокультурном измерении*. 2023;1:60–66.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-60-66>

For citation:

Li Yuanyuan, Usovskaya EA. Cooperation and development of tourism between China and Belarus. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2023;1:60–66. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-60-66>

Авторы:

Ли Юаньюань – магистрант кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций. Научный руководитель – Э. А. Усовская.

Элина Аркадьевна Усовская – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций.

Authors:

Li Yuanyuan, master's degree student at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications.

461201243@qq.com

Elina A. Usovskaya, PhD (cultural studies), docent; associate professor at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communication.

elina-rain@mail.ru

COOPERATION AND DEVELOPMENT OF TOURISM BETWEEN CHINA AND BELARUS

LI YUANYUAN^a, E. A. USOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: E. A. Usovskaya (elina-rain@mail.ru)

This paper discusses the rapid development of tourism and its inseparable relationship with cross-culture communication under the background of globalisation in the 21st century. Through the analysis of the data, it was found that the tourism industry of China and Belarus, like the development trend of international tourism, plays a pivotal role in the national economic development. With the proposal of the Belt and Road Initiative, China and Belarus have deepened their cooperation in various fields. However, through data, it was found that there is still a big gap in the cooperation between China and Belarus in the field of tourism, which also rises a great challenge for the further cross-culture communication between China and Belarus. The article puts forward reasonable suggestions after analysing the development dilemma of China – Belarus tourism and cross-culture communication.

Keywords: tourism; China – Belarus cultural communication; the Belt and Road Initiative; development dilemma.

Introduction

With the acceleration of the globalisation process, the development of the world economy, politics and culture has gradually become a common development, which leads to the inevitable trend of cross-cultural communication. It is actually a process of cultural transmission, in which people transmit knowledge, information, ideas, emotions and beliefs in a certain way. And all social communication activities related to this can be regarded as cross-cultural communication.

The globalisation of the modern economy also means the continuous improvement of people's quality of life and basic needs of human life. Under such circumstances, cross-cultural, economic and social exchanges between different regions, ethnics increase day by day. At that time, needs of tourism become the spiritual needs of human beings after the basic material substances needs are satisfied, and this spiritual need belongs to the needs of self-actualisation, which is proposed by A. Maslow.

Tourism is a special cross-cultural activity, and the inseparability of tourism and communication, especially intercultural communication, is determined by the nature of the tourism activity itself. Factors such as the

nature and history promote the emergence of human multi-civilisation. The difference between the destination and the source of tourists is one of the important factors to attract tourists, therefore, in the process of tourism, tourists not only appreciate the difference in natural scenery, but also perceive different cultures. Travel to remote locations, particularly those felt to be primitive and historic, provides tourists a glimpse of the «real life» of others. Experiences like this ostensibly help tourists better understand themselves and their place in society [1]. At the same time, due to the need for accommodation, meals, entertainment and other, communication is unavoidable in the process of tourism activities. Moreover, once there is communication, there is information exchange between two individuals that come from different cultural backgrounds. Even a simple question will convey different cultural information. Therefore, tourism activities promote the exchanges between people in different regions, and tourists. As the carriers of cross-cultural communication, in the process of tourism, the choice of exotic culture will have an impact on the source of tourists more or less, and vice versa.

Development of tourism in China and Belarus

Nowadays, tourism is one of the fastest-growing industries that contribute significantly to the global GDP. Tourism has become an important driving force for world economic growth and one of the fastest growing industries in the world economy. This is indicated by its dynamics (fig. 1).

According to World Travel & Tourism Council, it can be seen that the development of tourism is greatly affected by political and social factors, but from 2012 to 2019,

before the outbreak of the COVID-19, the contribution of tourism to GDP generally showed an upward trend, especially tourism employment¹. Prior to the pandemic, travel and tourism (including its direct, indirect and induced impacts) accounted for 1 in 4 of all new jobs created across the world, 10.6 % of all jobs (334 mln), and 10.4 % of global GDP (9.2 trln US dollars). Meanwhile, international visitor spending amounted to 1.7 trln US dollars in 2019 (6.8 % of total exports, 27.4 % of global services exports)¹.

¹Economic impact reports [Electronic recourse]. URL: <https://wtcc.org/Research/Economic-Impact> (date of access: 29.10.2022).

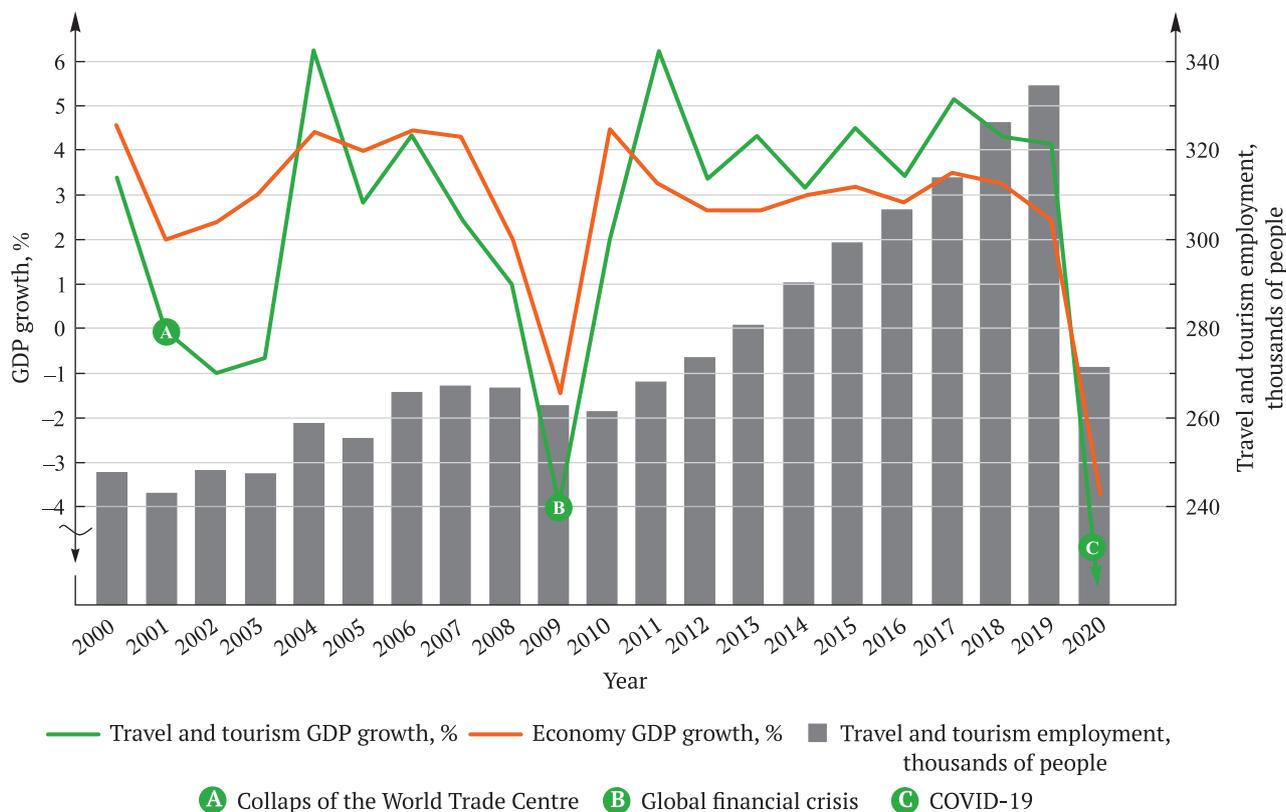

Fig. 1. Economic impact timeline in 2000–2020.

Source: <https://wtcc.org/Portals/0/Documents/Reports/2021/Global%20Economic%20Impact%20and%20Trends%202021.pdf>

Tourism consumption can promote regional economic growth and achieve balanced regional development. Tourism consumption can also play an important role in promoting balanced regional development. Few scholars believe that there is neither a short-term two-way causality nor a long-term two-way causality between the tourism industry and regional economic growth [2, p. 106]. With low resource consumption, creating many jobs and high comprehensive benefits, tourism industry has been identified by many countries as the key direction of industrial structure adjustment and an important way to enhance national comprehensive competitiveness. Tourism cooperation has also become an important direction of bilateral and regional multi-lateral cooperation between countries.

With the development of China’s reform and opening up and the socialist market economy, the tourism industry has developed rapidly with an ever-increasing momentum. The scale of China’s tourism industry has gradually expanded, its forms have become more diver-

sified, and its industrial elements and industrial system have become more complete, and the number of people involved in tourism is also growing rapidly.

The development of China’s tourism industry has roughly gone through four processes (table 1).

1. From 1978 to 1991, the initial development stage was mainly based on inbound tourism. At this stage, China’s tourism industry is an important leading industry that creates exchange rates.

2. From 1992 to 1997, the domestic tourism industry began to develop. From 1997, China’s tourism industry achieved a major breakthrough. While vigorously developing cross-border tourism, China actively promoted domestic tourism.

3. From 1998 to 2008, tourism became an important industry in China’s national economy and integrated into the world economic system.

4. Since 2009, tourism has gradually transformed into a pillar industry, and the influence of tourism has continued to increase.

Table 1

Various indicators of China’s tourism development in 2015–2019

Indicators	Year				
	2015	2016	2017	2018	2019
Travel and tourism revenue, trln yuan	4.13	4.69	5.40	5.97	6.63
Travel and tourism contribution to GDP, %	10.08	11.01	11.04	11.04	11.05

Ending table 1

Indicators	Year				
	2015	2016	2017	2018	2019
Travel and tourism employment, thousands of people	79.11	79.62	79.90	79.91	79.89
Travel and tourism employment, %	10.20	10.26	10.28	10.29	10.31
Number of inbound tourists, millions of people	134	138	139	141	145
Number of outbound tourists, millions of people	117	122	130	160	155

The proportion of China's tourism industry in GDP is increasing year by year, and the number of employment in tourism increased from 79.11 thsd people in 2015 to 79.89 thsd people in 2019 (see table 1). The percentage of tourism employment to national employment is also constantly on the rise. The number of inbound and outbound tourism is also increasing, which not only shows the overall improvement of China's international tourism development trend, but also reflects the growing influence of China's international tourism industry and its contribution to the global tourism industry. In 2020, while travel and tourism GDP declined by an unprecedented 59.9 % in China, compared with the regional average fall of 53.7 %, the country remained the second largest travel and tourism economy globally and first in the Asia-Pacific region, accounting for nearly half (47.1 %) of the regional total GDP².

All indicators of China's tourism industry are increasing year by year, realising a leap from a major tourism country to a world tourism power. And it is also experiencing the transition from the big country to strong country in tourism, which is not only benefits from the support of national policies, but also abundant tourism resources in China. According to statistics, as of 2020, there are 13.332 thsd A-level³ tourist attractions in China, 302 5A-level tourist attractions, 4.030 thsd 4A-level tourist attractions, and 6.931 thsd 3A-level tourist attractions. There are 11.314 thsd cultural relic institutions, 3.373 thsd cultural relics protection and management institutions, 5.452 thsd museums, 29.347 thsd exhibitions and exhibitions held by various cultural relic institutions, and 1.372 thsd national intangible cultural heritage representative projects announced by the State Council of the People's Republic of China. There are 3.068 thsd representative inheritors of high-level intangible cultural heritage and 52 items included in the UNESCO Intangible Cultural Heritage list, ranking first in the world⁴.

Similarly, as an important strategic partner of China in the 21st century, the tourism industry in Belarus is also developing rapidly. Since the independence of Belarus, the government has attached great importance to the development of the country's tourism industry. First, in 1999, the Law of the Republic of Belarus «About tourism» was promulgated and implemented to regulate related tourism activities; since 2001, four national tourism development plans have been successively formulated and implemented. According to the state program «Hospitable Belarus» adopted for 2016–2020, a course has been taken to form and develop a modern competitive tourism complex, increase the contribution of tourism to the development of the national economy. The development of the tourism industry as a highly profitable sector of the economy is an important factor in the social development and cultural upsurge of Belarus. In recent years, significant changes have taken place in the tourism industry in the country, the number of organisations involved in tourism activities has increased.

In addition to the tourism development plans proposed by the country, local governments in Belarus have also formulated corresponding tourism development plans according to the actual situation of each region, in order to explore the potential of regional tourism, develop tourism infrastructure and improve the contribution of tourism to the development of regional economy.

In the «National strategy for sustainable social and economic development of the Republic of Belarus for the period until 2030» issued in May 2017, tourism has been identified by Belarus as one of the main driving forces for national economic development, and is listed as a key area for the development of Belarus' service industry. It has set a high goal to make Belarus one of the top 50 countries in the world for tourism by 2030⁵. The dynamics of the indicators of the tourism industry is presented in the table 2.

²Ministry of Culture and Tourism on the 2019 National Travel Agency statistical survey report [Electronic recourse]. URL: http://zwgk.mct.gov.cn/zfxgkml/447/465/index_3081_2.html (date of access: 29.10.2022) (in Chin.).

³The scenic spot level is divided into five grades, which are 5A, 4A, 3A, 2A, and A grades from high to low.

⁴National Travel Agency statistical survey report by the Ministry of Culture and Tourism in 2020 [Electronic recourse]. URL: http://zwgk.mct.gov.cn/zfxgkml/tjxx/202104/t20210416_923778.html (date of access: 29.10.2022) (in Chin.).

⁵National strategy for sustainable socio-economic development of the Republic of Belarus for the period until 2030 [Electronic recourse]. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (date of access: 29.10.2022) (in Rus.).

Table 2

Various indicators of Belarus' tourism development in 2016–2020

Indicators	Year				
	2016	2017	2018	2019	2020
Travel and tourism revenue, mln US dollars	1.019	1.126	1.221	1.290	0.542
Travel and tourism contribution to GDP, %	2.2	2.5	2.5	6.4	2.5
Travel and tourism employment, thousands of people	242.800	242.0	255.600	257.800	251.902
Travel and tourism employment, %	5.5	5.6	5.6	5.6	5.8
Number of inbound tourists, thousands of people	495.7	727.5	850.7	982.9	258.6
Number of outbound tourists, thousands of people	83.396	92.086	93.259	92.212	28.104

With many investments and constructions in the tourism industry in Belarus, the number of jobs created by the tourism industry is increasing. In 2015, the number of employment accounted for 5.6 % of the total number of employment in 2019. The Belarusian tourism inbound and outbound tourism market has increased steadily. Cross-border tourism is on the rise as a whole⁶.

Belarus is very rich in natural tourism resources. There are about 10 000 lakes in Belarus, and it enjoys the reputation of land of ten thousand lakes. There are relatively complete natural landscapes preserved in Belarus, and two of them are inscribed on the World Heritage List. In addition to natural resources, Belarus has 159 museums, 29 professional theaters, 2 protected areas and 4 national parks. The superior geographical conditions and rich historical and cultural resources provide a good foundation for the development of tourism in Belarus.

There are good development conditions for China and Belarus to realise cross-cultural communication through tourism cooperation. First of all, China is located in eastern Asia and Belarus is located in eastern Europe. The two countries are far apart. Huge differences in natural features and customs make less competitive in the process of developing tourism of two countries. Due to the pursuit of new things, these differences can arouse the interest of tourists. So that the tourism cooperation between the two countries has a certain natural geographical basis.

Secondly, since the establishment of diplomatic relations between the two countries in 1992, the relationship between the two countries has maintained a steady development. After the Belt and Road Initiative was proposed, the two countries have carried out more comprehensive cooperation policies to promote cultural exchanges and the development of tourism. Cooperation between the two countries in the field of tourism

began in 2014, when the work of the Belarusian-Chinese Intergovernmental Committee for Cooperation was launched. Tourism was considered in detail in the activities of two commissions: the Commission for cooperation in the field of culture and Commission for cooperation in the field of education⁷. In terms of visa policies, Chinese citizens can enter Belarus visa-free with private reasons, while Belarusian citizens can enter in 15 ports such as Shanghai Pudong International Airport, and can stay in 7 administrative regions for 114 h without visa. China and Belarus have launched a series of bilateral policies based on the actual situation: in 2015, these countries opened direct air routes; as the friendly relations between China and Belarus continue to warm up, in September 2016, the list of measures to promote the construction of the Belt and Road Initiative was signed, which includes tourism-related measures and projects. In 2017, Belarus proposed to designate the year of 2018 as China's «Belarus Tourism Year», and at the same time, tourism forum was held, which became another major cooperation achievement of China – Belarus economic cooperation after the «China – Belarus Industrial Park» project.

However, despite the continuous development of tourism in both countries and phased results in tourism cooperation, compared with neighboring countries, there is still a big gap in tourism and cross-cultural communication between two countries (tables 3 and 4).

According to the tables 3 and 4, from 2015 to 2019, the number of Chinese tourists entering Belarus only ranked fifth, and against the background of 155 mln Chinese outbound tourists in 2019, the number of organised Chinese tourists to Belarus reached 5.121 thsd, which is like a drop in the ocean⁸. However, the data on outbound tourist destinations in Belarus shows that Belarusian are more inclined to travel to nearby countries, and the number of outbound trips to China is not shown.

⁶Tourism and tourist resources in the Republic of Belarus [Electronic recourse]. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/turizm/> (date of access: 29.10.2022) (in Rus.).

⁷Chinese tourists made more than six billion domestic trips in 2019 [Electronic recourse]. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202003/11/WS5e683b54a31012821727e085.html> (date of access: 29.10.2022) (in Chin.).

⁸Ibid.

Table 3

Distribution of inbound tourists to Belarus, people

Country	Year				
	2015	2016	2017	2018	2019
Russia	243 908	171 100	191 520	207 416	217 837
Lithuania	1722	5846	26 182	59 564	76 060
Poland	5927	7992	22 686	46 305	61 349
Latvia	2337	2967	6533	11 026	10 478
China	992	1579	3151	3277	5121
Germany	1635	2506	3102	3566	4538
Ukraine	7046	5224	4363	4016	3578
Estonia	803	1399	2769	2562	2316

Table 4

Distribution of outbound tourists from Belarus, people

Country	Year				
	2015	2016	2017	2018	2019
Egypt	85 263	41 929	123 814	211 962	258 715
Turkey	111 840	57 735	140 159	151 393	155 700
Ukraine	18 508	45 919	91 234	122 137	146 981
Russia	130 517	71 503	46 736	47 033	61 530
Bulgaria	79 216	58 745	62 356	49 821	48 424
Spain	25 330	24 783	31 403	32 228	33 583
Greece	35 400	22 132	27 978	28 080	28 418
Poland	75 184	40 799	36 187	30 245	28 357
Tunisia	1399	1901	3792	7033	25 752

Similarly, according to the annual report on China's inbound and outbound tourism development in 2019, the outbound destinations and inbound sources of Chinese tourists are mainly distributed in neighbouring Asian region and countries, such as Hong Kong, Macau, Taiwan, Thailand, South Korea, Japan and others. The number of Belarusian tourists to China and the number of Chinese tourists to Belarus do not even rank in the top 15 of the data, which can be concluded that the attractiveness of Belarus to Chinese tourists and China to Belarusian tourists is not enough at present⁹.

Although there are many cooperation policies and the support of the Belt and Road Initiative cooperation strategy, the progress of bilateral tourism interaction is still slow. As one of the most direct way of cultural exchange, the degree of development of tourism determines the depth of cultural exchange to a certain extent. However, through the analysis of the data on the entry and exit destinations of Chinese and Belarusian tourists, it can be seen that, the current exchanges between two

countries in the tourism industry have greatly limited cross-cultural communication.

The main reason for the large gap is the big difference between China and Belarus in the international tourism market, and it is difficult to achieve balanced development in the Belt and Road Initiative tourism cooperation. Language difference is also the main reason of low attractiveness, which lead the insufficient cultural understanding of tourists between two countries. Although in recent years, the number of Chinese students studying in Belarus is increasing year by year, and China and Belarus have also carried out the Belt and Road Initiative educational cooperation policy, it started late and the level of language exchange is low. Since the outbreak of the COVID-19 in 2020, which has hit the world wildly, it has seriously endangered public health security, and the global tourism industry has suffered a cliff-like fall, which has also greatly affected the cooperation and development of China – Belarus tourism industry. Over the past two years, COVID-19 has spread around the world, and COVID-19 is a global public health

⁹China Tourism Academy: 2019 Annual report on China's outbound tourism development [Electronic resource]. URL: <http://www.199it.com/archives/995988.html> (date of access: 29.10.2022) (in Chin.).

emergency. The occurrence of this emergency not only caused direct damage to tourist destinations to a certain extent, but also affected tourists' willingness to travel to a greater extent [3].

Driven by the Belt and Road Initiative, the interaction and exchanges between China and Belarus are becoming more and more frequent. In order to further promote the development of China – Belarus tourism and cultural exchanges, China and Belarus should give full play to the role of Confucius Institutes in the construction and education on the basis of the original policies and cooperation, and strengthen the cultural communication and mutual learning between the two countries in terms of language. At the same time, we can cooperate in film and television media and other aspects to promote tourism consumption in various forms.

Compared with other industries, tourism industry has weak anti-risk ability. For example, from the data of global tourism, it can be seen that under the influence of the economic crisis in 2008 and the epidemic in 2020, the number of tourists dropped significantly, which greatly reduced the frequency of cross-cultural ex-

changes between the two countries. But technological innovation can improve this situation to some extent. Virtual reality can change the way tourists experience and open up a whole new field of tourism development. By experiencing real sensations such as vision, hearing, touch in the virtual world, users can feel immersive in the virtual world. With the help of VR technology, it is more convenient for tourists to learn more about the destination culture through online multi-language. «Cloud tourism» can ignore factors such as time, environment and distance, provide tourists with more choices, and enhance the attraction to tourists from both countries. The quality of tourism in cities significantly contributes to the sustainable development of urban as well as regional areas by creating diverse tourism products and services. The development of city tourism largely depends on the local authorities and their entrepreneurial ability to respond to new tourism trends [4, p. 14]. The application of technology has realised true borderless tourism, which has greatly promoted cross-cultural exchanges between the two countries.

Conclusion

Tourism has become an important form of cross-cultural communication. In the process of cross-cultural exchanges between China and Belarus, it not only promotes tourism interaction, but also promotes the development of China – Belarus educational and cultural cooperation, and also promotes the development of economic cooperation such as the Belt and Road Initiative, China – Belarus Industrial Park, etc. The differences between China and Belarus are not

only reflected in geography, but also in diet and language, which have become an important prerequisite for mutual attraction. With the deepening of China – Belarus economic cooperation, China and Belarus will usher in more development opportunities and better development prospects. The cross-cultural communication contained in tourism can reflect the beauty of different cultural differences and promote the process of global cultural exchange.

References

1. MacCannell D. *The tourist: a new theory of the leisure class*. Berkeley: University of California Press; 1999. 231 p.
2. Sokhanvar A, Çiftçioğlu S, Javid E. Another look at tourism-economic development nexus. *Tourism Management Perspectives*. 2018;26:97–106. DOI: 10.1016/j.tmp.2018.03.002.
3. Xia Jiechang, Mao Lijuan, Chen Linlin. The evolution and reform of tourism industry under the impact of external shocks. Take the COVID-19 outbreak. *Journal of Xinjiang Normal University (Edition of Philosophy and Social Sciences)*. 2020;6:43–54.
4. Page SJ, Ateljevic J, editors. *Tourism and entrepreneurship: international perspectives (advances in tourism research)*. Oxford: Butterworth-Heinemann Press; 2009. 480 p.

Received by editorial board 30.11.2022.

УДК 130.2

ИНСТИТУЦИЯ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ
В МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ КИТАЯФУ ЖАО¹⁾¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены вопросы развития институции подготовки кадров в музыкальной культуре Китая. Раскрыты проблемы и перспективы становления профессионализации музыкального образования с учетом изменения содержания и параметров культурных индустрий. Отмечено, что в современном Китае большую роль в системе образования играют государственная политика и культурные традиции. Это не отменяет включение опыта других стран и сложившихся методик в программы обучения и заинтересованность в этих программах, а также создание дигитальных моделей образования. Исследована проблема субъектов музыкальной индустрии с точки зрения профессиональной кадровой подготовки.

Ключевые слова: музыкальная индустрия; культура Китая; подготовка кадров; образование.

FEATURES OF THE FORMATION
OF THE NEW CHINESE MUSIC SCHOOLFU RAO^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the problem of the development of personnel training institutes in the musical culture of China. It reveals the problems and prospects for the development of a professional system of music education with changes in the content and parameters of the cultural industry. It is noted that in modern China, state policy and cultural traditions play an important role in the education system, which does not negate the interest and inclusion in the training programs of the experience of other countries and established methods, as well as the creation of digital models of education. The study also covers the problem of subjects of the music industry in terms of professional training.

Keywords: music industry; Chinese culture; personnel training; education.

Введение

Культурная индустрия включает в себя большое количество разных сегментов, среди которых музыкальная отрасль занимает одну из ведущих позиций. В настоящее время данная сфера выполняет ряд функций, отражающих включенность музыкальной культуры в массовую культуру и экономическое производство, а также реализует просветительские

и образовательные планы. Это показывает нацеленность рассматриваемой индустрии на получение прибыли, создание качественного продукта, который бы пользовался спросом, и ценностно-инкультурационных контекстов, связанных с формированием личности. Поэтому для китайской музыкальной индустрии актуальным является развитие

Образец цитирования:

Фу Жао. Институт подготовки профессиональных кадров в музыкальной индустрии Китая. *Человек в социокультурном измерении*. 2023;1:67–72.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-67-72>

For citation:

Fu Rao. Features of the formation of the new Chinese music school. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2023; 1:67–72. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2709-5738-2023-1-67-72>

Автор:

Фу Жао – аспирантка кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций. Научный руководитель – кандидат культурологии, доцент Э. А. Усовская.

Author:

Fu Rao, postgraduate student at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communication.
jao.fzao@yandex.by

ее национальной модели, состоящей из собственного и мирового опыта, который отражает базовые мировоззренческие и идеологические установки, в том числе установки социалистической социально-экономической системы.

Индустрию музыки можно представить в виде следующих направлений: субъектов (авторы и исполнители), институции менеджмента, маркетинга и продюсерства, аудитории (публика), инфраструктуры (студии, концертные площадки и т. д.). Особую роль в этой индустрии играют подготовка и ротация профессиональных кадров, а также формирование системы образования, учитывающей особенности мирового шоу-бизнеса и культурные различия Китая.

Многоаспектность музыкальной индустрии позволяет, с одной стороны, рассматривать ее как

часть экономики услуг и постиндустриального общества, что влечет за собой применение методологии франкфуртской школы, в частности критического анализа Т. Л. В. Адорно и М. Хоркхаймера, в адрес культурных индустрий как своеобразных систем по производству стандартизированных новинок в сфере искусства [1], с другой – учитывать реалии современного капитализма и его версий, в которых культурные индустрии, в том числе музыкальная сфера, представляют собой часть общекультурного пространства, совмещающего бизнес и культуру (в ее творческо-духовном ключе) [2]. Обращение к проблематике подготовки кадров предполагает обращение к педагогическому дискурсу и выявление в системе обучения Китая новых подходов к содержанию образовательного процесса.

Историко-социальные аспекты формирования профессионального музыкального образования

Китайское музыкальное образование зародилось в традиционных учениях конфуцианства и даосизма. Можно сказать, что на протяжении столетий национальная музыкальная культура не претерпевала существенных трансформаций. Этому способствовала длительная социально-культурная и политическая самоизоляция страны. Однако конец XIX – XX в. внесли существенные изменения как в понимание музыкального искусства, так и в профессиональную подготовку кадров. В 1910–20-х гг. у китайских музыкантов появилась возможность получать специальное образование в городах Европы, а в Китае стали открываться музыкальные учебные заведения (музыкальные отделения при университетах). Кроме того, в стране начали работать европейские специалисты. Межкультурное взаимодействие активизировалось, усилив тенденции европеизации обучения.

После основания Китайской Народной Республики (1949) при содействии специалистов из Советского Союза начала формироваться система музыкального образования: в разных городах были открыты консерватории (Пекин, Шанхай, Тянь-

цзинь), музыкальные институты (Пекин, Ухань, Шэньян, Сиань, Чэнду) и училища.

Развернувшаяся впоследствии культурная революция изменила направленность образования, в том числе в музыкальной сфере. Его конфигурация и содержание были обусловлены так называемым пролетарским характером и соответствовали преимущественно идеологическим целям. Ряд традиционных, имевших мировое значение национальных китайских музыкальных жанров, в частности пекинская опера, были запрещены.

С конца XX в. по настоящее время ведущей тенденцией в развитии музыкальной культуры является сочетание традиционного национального начала с мировым опытом. Так, один из ведущих исследователей музыкального искусства Чжан Цзюнь подчеркивал необходимость возвращения педагогических традиций народной музыки в профессиональное обучение [3, с. 5]. Очевидно, что это вызвано рядом причин: влиянием европейской музыки и обучения на китайскую культуру, трансмиссией китайских национальных традиций в мировую культуру, а также конвергенцией китайской музыки с мировой музыкальной культурой.

Сегменты и специфика музыкальной культурной индустрии современного Китая

Специфика образования в музыкальной индустрии во многом определяется ее целями и ситуацией в самом поле музыкальной культуры. Может казаться, что существует определенный разрыв между реальным развитием музыкальной индустрии и подготовкой ее субъектов: авторов, артистов, менеджеров, продюсеров и т. д.

Музыкальная культура современного Китая состоит из четырех крупных сегментов. К первому относится официальная (пропагандистская) государственная музыка патриотической тематики, которая

имеет воспитательный потенциал и используется на всех уровнях системы образования и подготовки профессиональных кадров. Элементами второго сегмента являются эстрадная музыка и популярная академическая музыка, опирающиеся как на китайскую, так и на европейскую классику. Этот сегмент возник как следствие достаточно активного взаимодействия мировой академической школы с классическими национальными традициями и охватил разные музыкальные жанры, в том числе исполнительское и инструментальное искусство. В третий сегмент

включают современную коммерческую поп-музыку, ориентированную на молодежную аудиторию. В четвертый сегмент входит независимая музыка, которая в определенной степени является альтернативой эстетике мейнстрима официально-массовой культуры. Основу альтернативного контента составляют электронные и акустические разновидности экспериментальной музыки (ранее долгое время это место занимал рок). Такие жанры, как рэп и миньяо (специфическое китайское направление, близкое к фолку и авторской песне), лежат на периферии между коммерческой и независимой музыкой.

Особое внимание следует уделить третьему сегменту музыкальной культуры, поскольку именно он представляет собой явление индустриально-коммерческого плана и чрезвычайно популярен среди молодежи. Более того, это тот товар, по выражению Ли Тяньцзе, который способен преодолевать языковые и иные барьеры [4, с. 67]. Интенсивное развитие поп-музыка получила в конце XX в. Кроме того, в 2000–2020-х гг. появились новые технологии ее распространения в виде онлайн платформ и других дигитальных форм.

Ядром китайской коммерческой музыки является *C-pop* (аналог *K-pop*) – термин, нередко обозначающий всю коммерческую музыку, киноиндустрию и другие виды массовой культуры Китая. Жанр *K-pop*, пришедший из Южной Кореи, завоевал пространство музыкальной индустрии не только Центральной и Юго-Восточной Азии, но и всего мира. Привлекательность этого музыкального жанра в Корею и Китае обусловлена, по мнению автора данной статьи, его тесной связью с народной музыкой, площадным искусством, а также с энергией «хын» (*heung*), которая олицетворяет «...спонтанную радость, рождающуюся в процессе игры. Это искрометная сила вдохновения, возбуждения от азарта, лицедейства или дурачества» [5, с. 57].

В настоящее время коммерческая поп-культура корректируется в соответствии с государственными культурно-идеологическими ориентирами, в основе которых лежит приоритет национальных традиций и официально закрепленных государством морально-нравственных ценностей. Их нарратив представ-

лен, в частности, в публикации «Восемь почестей и восемь позоров», которые были сформулированы еще в 2006 г. председателем Китая Ху Цзиньтао: «Необходимо рассматривать любовь к Отчизне как славу, а нанесение ей вреда – как позор; рассматривать служение народу как славу, а отчуждение от него – как позор; рассматривать уважение научных знаний как славу, а невежество – как позор; рассматривать трудолюбие как славу, а праздный образ жизни и презрение к труду – как позор; рассматривать солидарность и взаимопомощь как славу, а обеспечение своих интересов за чужой счет – как позор; рассматривать честность и верность слову как славу, а утрату элементарного чувства долга при виде выгоды – как позор; рассматривать соблюдение законов и дисциплины как славу, а беззаконие – как позор; рассматривать самоотверженную борьбу как славу, а роскошную и праздную жизнь – как позор»¹ (цит. по [6, с. 30]). Данные принципы свидетельствуют о неразрывности официальной и массово-коммерческой культуры, а также указывают на общую стратегию образования молодежи с отсылкой к национальной уникальности и идентичности китайцев. Сейчас эти принципы уточняются и детализируются в контексте нового видения воспитания подрастающего поколения, отражающего общую парадигму Коммунистической партии Китая и генеральных установок председателя Китая Си Цзиньпина.

Музыкальная индустрия Китая 2010–2020-х гг. неуклонно развивается. В целом ее коммерческий сегмент выполняет функцию реализации программных политических и социально-экономических установок государства, инициируя при этом спрос на музыкальный и иной продукт. Можно сказать, что формула «культура строит подмостки, экономика играет на сцене, а вместе они стимулируют внутренний спрос» стала ключевой для культурного производства как сферы экономики [7, с. 17].

Достаточно сложное переплетение официальных государственных принципов с традиционным культурным ядром, экономикой культурных индустрий и массовой культурой создает оригинальную систему подготовки кадров.

Особенности современной институции образования в музыкальной культуре

Подготовка профессиональных кадров обусловлена общими целями, стоящими перед китайским обществом и закрепленными как в решениях Коммунистической партии Китая, так и в стандартах образования. В новом стандарте музыкальных дисциплин обязательного образования ставилась цель повысить конкурентоспособность китайской системы образования в рассматриваемой сфере. Институт музыкального образования Центральной

консерватории Китая в настоящее время стремится интегрировать новые конкурентоспособные технологии обучения в процесс подготовки специалистов по специальности «музыкальное образование». Уже устоявшаяся методика К. М. Орфа, Э. Жак-Далькроза и З. Кодая дополняется контекстом национальных моделей образования. Реформа системы образования привела к созданию экспериментальных баз по внедрению инновационных методик, в частности,

¹Здесь и далее перевод наш. – Ф. Ж.

в Синхайской консерватории музыки, Сианьской консерватории музыки, Сычуаньской консерватории музыки, Сямэньском университете, Нанкинском педагогическом университете и других учреждениях образования.

Более того, был декларирован и новый подход в обучении, цель которого состоит в укреплении связи между учащимся и преподавателем на основе признания их равного общения, направленного на общее развитие личности [8]. Этот достаточно инновационный подход «очеловечивания образования» еще не находит должного воплощения в реальной системе образования. Перегруженность процесса учебными дисциплинами и применение методики преподавания с опорой на механическое заучивание нередко остаются ключевыми проблемами в образовании. Тем не менее заявленная общая парадигма является продуктивной, она способствует трансформации разных уровней подготовки кадров и, главное, меняет отношение к стратегии и методике образования студентов, а также инициирует их творческие способности.

Проблемы, возникающие при реализации этого подхода, как и всей системы музыкального образования, вызваны постоянной трансформацией концепций, лежащих в ее основе. В китайской системе подготовки специалистов сочетаются разные установки и концепции, нередко противоречащие друг другу. Так, до 1970-х гг. актуальной являлась советская модель, которая начала меняться с 1980-х гг. Существенным оказался переход с пятилетнего обучения на четырехлетнее, а также создание так называемых профессиональных школ с двух-трехлетним обучением, которые, как показал опыт, не решили

вопрос качества образования. Фактически их выпускники не востребованы, а полученное там образование чаще всего рассматривается как ступень к поступлению в учреждения высшего образования.

В настоящее время в Китае полное высшее музыкальное образование можно получить в виде бакалавриата (четыре года обучения). При этом необходимым является получение свидетельства, подтверждающего квалификацию. Оно выдается уже на рабочем месте после государственной проверки (сертификации).

Исключительно положительным моментом в развитии музыкального образования считается материальная государственная поддержка, оказываемая педагогам. Так, например, они имеют достаточно высокую оплату труда, получают премии и льготы. Еще одним весомым моментом становится стремление укрепить связь и преемственность между различными учреждениями образования, например детскими музыкальными школами, средними профессиональными училищами и учреждениями высшего образования. Это проявляется в поиске талантливых детей (организация конкурсов и проектов) и открытии музыкальных колледжей при консерваториях. Не менее важно, чтобы государственные структуры стимулировали интерес публики к классической музыке, как национальной, так и европейской. Для этого приглашаются исполнители и специалисты со всего мира, создаются совместные университеты, строятся концертные залы, инициируется престижность музыкального образования и собственно музыкальной сферы, в средствах массовой информации широко освещаются музыкальные события и достижения.

Проблемы и перспективы профессионализации кадров в музыкальной индустрии

Несмотря на имеющиеся достижения в системе музыкального образования как институции подготовки кадров для культурных индустрий, существует целый ряд пробелов и проблем, эксплицирующих процессуальность и незаконченность самой модели или системы обучения. Собственно, по мнению автора настоящей статьи, задача создания гибкой и продуманной кадровой стратегии для музыкальной индустрии еще не является самостоятельной и основополагающей. Вследствие этого ощущаются определенная разобщенность, а то и пропасть между сегментами музыкальной индустрии, неразвитость института частного образования и отсутствие целенаправленной подготовки менеджеров, продюсеров, маркетологов, исполнителей и преподавателей в музыкальной сфере, а также актуальных стратегий продвижения музыкальных продуктов на мировой музыкальный рынок. Стоит отметить, что такой рынок пока еще хаотичен и не обладает четкой структурой.

Еще одной важной проблемой является, как было обозначено ранее, содержание и технологии обу-

чения. Приверженность инновациям в научно-техническом, экономическом и культурном секторах неотъемлема от качества образования. Обращение к ученику-студенту как субъекту актуализирует проблему личностного воспитания, формирует у него эстетический вкус, эмпатию и любовь к будущей профессии, а также инновационность и креативность мышления. Поэтому сегодня выдвигается задача «разбудить спящих студентов» и инициировать творческую активность потенциальных преподавателей и специалистов [9, с. 57]. Это проявляется и в понимании сущности музыкального образования (как сложной многоуровневой системы) и музыкальной культуры (в виде эстетической целостности), а также в осмыслении содержания и возможностей, которыми располагают культурные индустрии. В связи с этим в образовательный процесс внедряются новые практики обучения, предполагающие формирование субъект-субъектных отношений между преподавателем и студентом, активизацию креативных умений учащихся

и включение в структуру дисциплин предметов разного цикла, эксплицирующих системный характер музыкального образования (искусство, техника обучения, движение, танец, педагогика и т. д.). Трансформации концептов преподавания способствует и интенсивный процесс межкультурного педагогического взаимодействия: в колледжи и университеты Китая постоянно приглашаются специалисты разного профиля, в учреждениях проводятся лекции, мастер-классы, каждые из которых записываются и выкладываются в сеть.

Последнее десятилетие свидетельствует об интенсивной дигитализации сферы образования в целом и музыкального образования в частности. Многие учебные заведения используют современные медиатехнологии образования, что способствует более эффективному обучению студентов и продвижению музыкального продукта на внутренний и внешний рынок. Разработка и применение собственных мобильных обучающих приложений учреждениями высшего образования также содействуют повышению качества преподавания.

Благодаря современным медиа и концептам обучения появились новые возможности для развития индустрии музыкального образования, которые в основном проявляются в следующих аспектах. Первый связан с открытостью музыкального образования и его интеграцией в разные сферы культуры и группы общества на основе использования онлайн обучения. Это расширяет целевую аудиторию и создает платформу для коммуникации между различными сегментами музыкальной и другими составляющими культурной индустрии. Разработки новых методик, концептов, а также записи выступлений педагогов и звезд музыкального олимпа становятся доступными для потребителя.

Второй аспект раскрывается в возможности применения различных подходов к классической, традиционной модели подготовки специалистов, что предполагает реализацию концепции «новые медиа плюс музыкальное образование». Поэтому в настоящее время необходимо улучшить взаимодействие между интернет-интеграцией и традиционными моделями образования.

Выводы

Человеческий ресурс является одним из наиболее важных в развитии музыкальной индустрии. Он включает большое количество участников – от авторов произведения, исполнителей, менеджеров и промоутеров до публики, для которой предназначен создаваемый продукт. От качественной подготовки специалистов в сфере музыкальной индустрии зависит и уровень развития музыкальной культуры. Однако вся цепочка субъектов – создателей качественного музыкального продукта еще не соответствует мировым стандартам и предполагает новые стратегии развития и совершенствования этой индустрии. Система подготовки музыкантов классического направления оказывается на высоком уровне, однако образование специалистов

креативных индустрий нуждается в инновациях и системности.

В современной системе подготовки кадров в области музыкальной индустрии Китая, помимо положительных результатов, существуют проблемные моменты. Позитивные аспекты актуализируются в стремлении синтезировать национально-культурные музыкальные традиции с мировыми достижениями, в том числе в области так называемой коммерческой популярной музыки. Недостатки проявляются в неравномерном развитии разных сегментов музыкальной индустрии, а также в фактическом отсутствии специальных программ и специальностей подготовки профессиональных кадров в системе музыкального менеджмента, маркетинга и продюсера.

Библиографические ссылки

1. Хоркхаймер М, Адорно ТВ. *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. Кузнецов М, переводчик; Здоровов Ю, редактор. Москва: Ювента; 1997. 312 с.
2. Хезмондалл Д. *Культурные индустрии*. Михалева А, переводчик. Москва: Издательский дом ВШЭ; 2014. 456 с.
3. 张全. 中国民族音乐在音乐专业学生专业培养中的应用. 北京: 中国音乐出版社; 2008. 23 页 = Чжан Цзюнь. *Китайская народная музыка в профессиональной подготовке студентов музыкальных факультетов*. Пекин: Китайское музыкальное издательство; 2008. 23 с.
4. 李天泽. 跨国媒体和中国流行音乐的政策文化分析. 北京: 当代出版社; 1998. 71 页 = Ли Тяньцзе. *Политико-культурный анализ транснациональных СМИ и китайской популярной музыки*. Пекин: Издательство современная литература; 1998. 71 с.
5. Титкова НЕ. К-рор как феномен современной массовой культуры. *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*. 2020;5:56–61.
6. 张慧敏. «八荣八耻». 社会主义荣辱观. 北京: 长征出版社; 2006. 32 页 = Чжан Хуэйминь. «Восемь почестей и восемь позоров». *Социалистическая концепция чести и позора*. Пекин: Издательство Великий поход; 2006. 32 с.
7. 闫玉刚, 刘子雄. 大众文化通论. 北京: 中国广播影视出版社; 2017. 286 页 = Янь Юйган, Лю Цзысюн. *Введение в теорию массовой культуры*. Пекин: Издательство телерадиокомпаний Китая; 2017. 286 с.
8. 张文静. 新音乐标准. 湖南: 湖南第一师范学院; 2009. 15 页 = Чан Вэньцзин. *Новый стандарт музыки*. Хунань: Первый педагогический университет Хунани; 2009. 15 с.
9. 全惠琦. 中国创新音乐教育: 理论与实践. 北京: 国际工程杂志社; 2021. 76 页 = Цюань Хуэйци. *Инновационное музыкальное образование в Китае: теория и практика*. Пекин: Международный инженерный журнал; 2021. 76 с.

References

1. Horkheimer M, Adorno TW. *Dialektik der Aufklaerung. Philosophische Fragmente*. Frankfurt am Main: S. Fisher Verlag; 1969. 312 S.
Russian edition: Horkheimer M, Adorno TW. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty*. Kuznetsov M, translator; Zdorovov Yu, editor. Moscow: Yuventa; 1997. 312 p.
2. Hezmondalsh D. *Kul'turnye industrii* [Cultural industries]. Mikhaleva A, translator. Moscow: HSE Publishing House; 2018. 456 p. Russian.
3. Zhang Quan. [Chinese folk music in the professional training of students of music faculties]. Beijing: China Music Publishing House; 2008. 23 p. Chinese.
4. Li Tianze. [Policy-cultural analysis for transnational media and Chinese popular music]. Beijing: Folk literature; 1998. 71 p. Chinese.
5. Titkova NE. K-pop as a phenomenon of modern mass culture. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*. 2020; 5:56–61. Russian.
6. Zhang Huimin. [«Eight honors and eight disgraces». Social justice concept of honor and disgrace]. Beijing: Long March Publishing House; 2006. 32 p. Chinese.
7. Yan Yugang, Liu Zixiong. [Introduction to the theory of mass culture]. Beijing: Contemporary Publishing House; 2017. 286 p. Chinese.
8. Zhang Wenjing. [New music standards]. Hunan: Hunan First Normal University; 2009. 15 p. Chinese.
9. Quan Huiqi. [Innovative music education in China: theory and practice]. Beijing: International Engineering Magazine; 2021. 76 p. Chinese.

Статья поступила в редколлегию 07.12.2022.
Received by editorial board 07.12.2022.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 730.032(38)(075.8)

Томашева И. Г. Скульптура Древней Греции [Электронный ресурс] : конспект лекций по курсу «Всеобщая история искусств» для спец. 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)» / И. Г. Томашева ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 70 с. : ил. Библиогр.: с. 70. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/290449>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.12.2022, № 012109122022.

Конспект лекций содержит краткое изложение истории развития древнегреческой скульптуры (гомеровской эпохи, архаики, ранней, зрелой и поздней классики, эллинизма). Материал излагается на основе искусствоведческого анализа основных памятников скульптуры Древней Греции и характеристики творчества ведущих ее представителей.

УДК 730.032(38)(075.8)

Томашева И. Г. Архитектура Древнего Египта [Электронный ресурс] : конспект лекций по курсу «Всеобщая история искусств» для спец. 1-23 01 12 «Музейное дело и охрана историко-культурного наследия (по направлениям)» / И. Г. Томашева ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 66 с. : ил. Библиогр.: с. 66. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/290452>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.12.2022, № 012209122022.

Конспект лекций содержит общую характеристику искусства Древнего Египта и краткую историю развития основных форм древнеегипетской архитектуры (Древнего, Среднего и Нового царств). Материал излагается в контексте истории и географии Египта и соотносится с развитием египтологии, историей изучения и собирания памятников искусства данного региона.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Кузнецова Е. В.</i> Межкультурная коммуникация: специфика построения в условиях трансформации современного мира	4
<i>Дадырова А. А.</i> Методика преподавания курса «Структура и стилистика научной речи» для магистрантов художественного профиля	11
<i>Ажгиревич О. И.</i> Великий чайный путь как объект культурного наследия Беларуси, России и Китая	16
<i>Фролова Н. Ю.</i> Семантика дизайн-продукта	24
<i>Кривалап А. Д.</i> Культурная траўма як умова для канструявання культурнай ідэнтэчнасці	34

МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

<i>Янушевич И. И.</i> Борьба с религией и церковью в Беларуси в условиях формирования командно-административной системы (конец 1920-х гг. – 1941 г.)	39
<i>Куделич Г. П.</i> Ислам и проблематика культурной идентичности в современном обществе (на примере Франции).....	50

КУЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ

<i>Ли Юаньюань, Усовская Э. А.</i> Сотрудничество и развитие туризма между Китаем и Беларусью ...	60
<i>Фу Жао.</i> Институтция подготовки профессиональных кадров в музыкальной индустрии Китая.....	67
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	73

CONTENTS

SOCIO-CULTURAL COMMUNICATIONS

<i>Kuznetsova E. V.</i> Intercultural communication: the specifics of construction in the conditions of transformation of the modern world	4
<i>Dadyrova A. A.</i> Teaching methodology on the discipline «Structure and stylistics of scientific speech» for master students of art speciality	11
<i>Azhgirevich O. I.</i> The Great Tea Road as a cultural heritage of Belarus, Russia and China	16
<i>Frolova N. Yu.</i> Semantics of the design product.....	24
<i>Krivolap A. D.</i> Cultural trauma as a condition for the construction of cultural identity	34

WORLD AND NATIONAL CULTURE

<i>Yanushevich I. I.</i> Struggle against religion and the church in Belarus under the conditions of the command and administrative system formation (the late 1920s – 1941)	39
<i>Kudzelich H. P.</i> Islam and the problems of cultural identity in modern society (on the example of France).....	50

CULTURAL INDUSTRIES

<i>Li Yuanyuan, Usovskaya E. A.</i> Cooperation and development of tourism between China and Belarus ...	60
<i>Fu Rao.</i> Features of the formation of the new Chinese music school	67
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	73

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по культурологии, искусствоведению, дизайну.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Человек в социокультурном измерении.
№ 1. 2023**

Научно-теоретический журнал

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: pscd@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/pitscd/index>

Редактор *М. А. Журо*
Технические редакторы *М. М. Баулина, В. В. Пишкова*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 28.02.2023.

Тираж 50 экз. Заказ 47.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2023

**Human in the Socio-Cultural Dimension.
No. 1. 2023**

Scientific and theoretical journal

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: pscd@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/pitscd/index>

Editor *M. A. Zhuro*
Technical editors *M. M. Baulina, V. V. Pishkova*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 28.02.2023.

Edition 50 copies. Order number 47.

Republic Unitary Enterprise
«Publishing Center of the Belarusian State University».
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
6 Ćyrvonaarmiejskaja Str., Minsk 220030.

© BSU, 2023